

ГАМЛЕТЪ.

ТРАГЕДІЯ В. ШЕКСПИРА,

ПЕРЕВОДЪ

А. Кронсберга.

ХАРЬКОВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1 8 4 4.

печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цен-
сурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ, С. Пе-
тербургъ, Декабря 22 дня 1842 года.

Ценсоръ П. Корсаковъ.

Г А М Л Е Т Ъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Клавдій, датскій король.

Гамлетъ, сынъ покойнаго и племянникъ настоящаго
Короля.

Полоній, оберкаммергеръ.

Горацію, другъ Гамлета.

Лаертъ, сынъ Полонія.

Вольтимандъ

Корнелий

Розенкранцъ

Гильденштернъ

Озрикъ, придворный.

Другой придворный.

Священникъ.

Марцелло

Бернардо

} офицеры.

Франциско, солдатъ.

Рейнольдо, слуга Полонія.

Полковникъ.

Посолъ.

Духъ отца Гамлета.

Фортинбрасъ, принцъ норвежскій.

Гертруда, королева датская и мать Гамлета.

Офелія, дочь Полонія.

Придворные, Офицеры, Солдаты, Актеры, Могильщики,
Матросы, вѣстники и другіе.

Дѣйствіе происходитъ въ Эльсинорѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Эльсиноръ. Терраса передъ замкомъ.

Франциско на часахъ. Бернардо входитъ.

Бернардо.

Кто здѣсь?

Франциско.

Нѣтъ, ты мнѣ отвѣчай: кто идетъ?

Бернардо.

Да здравствуетъ король!

Франциско.

Бернардо?

Бернардо.

Онь.

Франциско.

Ты очень тщательно приходишь къ снѣнь.

БЕРНАРДО.

Ужъ за полночь; иди домой, Франциско.

ФРАНЦИСКО.

Благодарю за смѣну. Холодъ рѣзкій,
И мнѣ неловко что то на душѣ.

БЕРНАРДО.

Что, все спокойно было?

ФРАНЦИСКО.

Какъ въ гробу.

БЕРНАРДО.

Прощай же, доброй ночи! если встретишь
Моихъ товарищей, Гораціо и Марцелло,
Такъ попроси ихъ поспѣшить.

(Гораціо и Марцелло входятъ.)

ФРАНЦИСКО.

Да вотъ,

Мнѣ кажется, они.—Стой! Кто идетъ?

ГОРАЦИО.

Друзья отечества.

МАРЦЕЛЛО.

Вассалы короля.

ФРАНЦИСКО.

Прощайте, доброй ночи!

МАРЦЕЛЛО.

А! прощай,

Мой бравый молодецъ! А кто тебя смѣнилъ?

ФРАНЦИСКО.

Бернардо. Доброй ночи!

(Уходитъ.)

МАРЦЕЛЛО.

Ей! Бернардо!

БЕРНАРДО.

Ну что? Гораціо здѣсь?

Гораціо, *(подавая руку.)*

Огчасти.

БЕРНАРДО.

Здравствуй,

Гораціо! Здорово, другъ Марцелло!

ГОРАЦИО.

Ну что? Являлося оно опять? ⁽¹⁾

БЕРНАРДО.

Я не видалъ.

МАРЦЕЛЛО.

Гораціо говорить,

Что это все игра воображенья.

Страшилищу, которое два раза

Мы видѣли, онъ вѣры не даетъ;

Такъ я просилъ его придти сюда,

Чтобъ ночь безъ сна провести на нашей стражѣ,

И если духъ появится опять,—

(1) Въ изданіи Шекспира in folio эти слова говоритъ Марцелло.

Пусть онъ увѣрится, что наше зрѣнѣе
Не обмануло насъ, и съ нимъ заговорить..

Горацио.

Вздоръ, не придетъ онъ.

Бернардо.

Да, а между тѣмъ
Сядись. Позволь атаковать еще разъ
Твой слухъ, такъ недоступный для разсказа
О томъ, что намъ двѣ ночи сряду
Являлось на часахъ.

Горацио.

Пожалуй, слѣдемъ.
Бернардо, повтори намъ твой разсказъ.

Бернардо.

Прошедшей ночью,
Когда вонъ та звѣзда, отъ полюса на западъ,
Въ пути своемъ часть неба озарила,
Гдѣ и теперь горить,—я и Марцелло,
Мы видѣли, едва пробило часъ,—

Марцелло.

Постой! Смотри, опять оно идетъ!

(Входитъ духъ.)

Бернардо.

Точь въ точь покойный нашъ король.

Марцелло.

Горацио, ты ученъ: поговори съ нимъ.

Бернардо.

Что? Не похожъ ли онъ на короля?
Взгляни, Горацио.

Горацио.

Да, совершенно.

Я трепещу отъ ужаса и изумленья.

Бернардо.

Ему хотѣлось бы, чтобъ съ нимъ заговорили.

Марцелло.

Горацио, заговори съ нимъ.

Горацио.

Кто ты, полночнымъ завладѣвшій часомъ,
И образомъ воинственно-прекраснымъ,
Въ которомъ нѣкогда витало на землѣ
Величество похороненнаго Гамлета?
Я заклинаю небомъ,—говори!

Марцелло.

Онъ оскорбился.

Бернардо.

Онъ уходитъ.

Горацио.

Стой, говори! Я заклинаю, говори!

(Тѣмъ уходитъ)

Марцелло.

Онъ удалился; отвѣчать не хочетъ.

БЕРНАРДО.

Ну что, Горацио? Ты бледен? Ты дрожишь?
Что, эта тьма не больше, чем мечта?
Как думаешь?

ГОРАЦИО.

Клянусь моим Творцом!
Когда бы мои глаза мои не были порукой,
Я не повторил бы чужим словамъ.

МАРЦЕЛЛО.

Не правда ли, похожъ на короля?

ГОРАЦИО.

Какъ ты на самого себя.
Точь въ точь такой на немъ надеть былъ панцырь,
Когда онъ гордаго Норвежца поразилъ;
И также грозно хмурилъ онъ чело,
Когда на ледъ въ упорномъ поединкѣ
Онъ сбросилъ Поляка.—Непостижимо!

МАРЦЕЛЛО.

Такъ два раза, въ глухой часъ полуночи
Онъ мимо насъ шагами Марса проходилъ.

ГОРАЦИО.

Что предвѣщаетъ намъ его явленье,
Я точно не могу сказать; но по всему
Мнѣ кажется, что Даніи грозитъ
Переворотъ ужасный.

МАРЦЕЛЛО.

Сядьте же, друзья;

И тотъ, кто знаетъ, пусть намъ объяснитъ,
Зачѣмъ такъ строго — бдительная стража
Вассаловъ Даніи лишаетъ сна?
Зачѣмъ что день, то выливаютъ пушки,
Снаряды свозятъ изъ чужихъ земель,
Берутъ людей для корабельныхъ верфей,
Гдѣ нѣтъ имъ праздника, а только будни?
Зачѣмъ народъ, трудясь и день и ночь
Въ поту лица, не смѣетъ отдохнуть?
Кто объяснить мнѣ?

ГОРАЦИО.

Я. По крайней мѣрѣ

Такъ говорятъ; послѣдній нашъ король, —
Его видѣніе насъ посетило, —
Изъ зависти былъ вызванъ Фортиnbrасомъ,
Норвежскимъ королемъ, на бой. Нашъ храбрый,
Нашъ бравый Гамлетъ, (здѣсь такимъ онъ признанъ,
На этой половинѣ міра)
Убилъ врага, и Фортиnbrасъ утратилъ
Съ своею жизнью все свои владѣнья;
Таковъ былъ обоюдный договоръ,
Гербомъ и подписью бойцовъ скрѣпленный.
И нашъ король давалъ въ залогъ победы
Свои владѣнія; когдабы онъ палъ,
Онъ бы все достался Фортиnbrасу,
Какъ Гамлету досталась вся страна
Врага его, по заключенному условью.
И вотъ теперь Фортиnbrасъ молодой,

Съ огнемъ въ груди неукротимо дикимъ,
Набралъ по вѣсѣмъ Норвегій угламъ
Толпу бездомныхъ удалцовъ; за хлѣбъ насущный,
Они на все отважное пойдуть.
А онъ (и это Даніи извѣстно)
Задумалъ сильною рукой войны
Отнять у насъ Норвежскія владѣнья.
Вотъ почему готовится война,
И пушки льютъ, и держатъ караулъ,
И въ цѣлой Даніи движеніе и работа.

Бернардо.

Я тоже думаю: оно согласно
Съ видѣніемъ, въ доспѣхахъ боевыхъ
На стражу къ намъ пришедшимъ изъ могилы.
Причиною войны—усопшій Гамлетъ,
А тынь такъ на него похожа!

Горацио.

Это атомъ,

Исторгшій силу изъ очей души.
Когда какъ пальма цвѣлъ великій Римъ,
Не задолго до Цезаря кончины,
Покинувъ гробъ, со стенами и воцлѣмъ
Блуждали мертвецы, и бѣлый саванъ
Носился вдоль по улицамъ столицы.
На небесахъ—двинулись въ солнцѣ пятна,
Кометы съ огненнымъ хвостомъ, и падалъ
Кровавый дождь. Владычица морей,
Звѣзда Нептунова (2), померкла въ вышинѣ,

(2) Т. е. луна.

Какъ будто бы пришла кончина міра.
И намъ земля и небо испослали
Такой же знакъ переворотовъ страшныхъ,
Предвѣстника грозящей намъ судьбы.

(Тынь является опять.)

Постой! Смотри! Опять оно идетъ!

Хоть уничтожь оно меня,—его

Я крестнымъ знаменіемъ остию!

Видѣнье, стой! Когда людскою рѣчью

Владѣешь ты,—заговори со мною.

Скажи: пль подвигомъ благимъ могу и
Тебѣ покой твой возвратить?

Или судьба грозитъ твоей отчизнѣ

И я могу еѣ предотвратить?

О говори! Въ твоей минувшей жизни

Ты золота не предалъ ли землѣ,

За что, какъ говорятъ, вы, привидѣнья,

Осуждены скитаться по ночамъ?

О дай отвѣтъ! Постой и говори!

(Пятуюхъ поетъ.)

(Бернардо).

Останови его, Марцелло! (3)

Марцелло.

Ударить ли въ него копьемъ?

Горацио. (Бернардо)

Ударъ,

(3) Имена въ скобкахъ расположены по догадкѣ Стивенса.

Когда остановиться онъ не хочетъ.

Бернардо. (Марцелло)

Онъ здѣсь.

Гораціо. (Бернардо)

Онъ здѣсь.

Марцелло. (Гораціо)

Изчезъ. Мы оскорбили

Величественный, королевскій призракъ;
Мы удержать его хотѣли силой,
А онъ мечу, какъ воздухъ, недоступенъ,
И нашъ ударъ лишь злое оскорбленье.

Бернардо.

Онъ говорить хотѣлъ, когда запѣлъ пѣтухъ.

Гораціо.

И вздрогнулъ онъ, какъ грѣшное творенье
При воплѣ ужаса. Я слышалъ, что пѣтухъ,
Трубачъ зари, своею звонкой пѣснью
Сгоняетъ сонъ съ очей дневнаго бога,
И по его произительному крику
Изъ водъ, огня, ээира и земли
Стекаются блуждающіе духи
Въ свою страну; и истину повѣряя
Намъ доказалъ мертвецъ, насъ посѣтившій.

Марцелло.

Онъ вдругъ изчезъ при крикѣ пѣтуха.

И говорить, что въ ночь на Рождество,

Когда мы ждемъ Спасителя явленье,
Вилоть до зари постъ предвѣстникъ утра.
Тогда блуждать не смѣютъ привидѣнья,
Та ночь чиста, созвѣздія безвредны.
И льшій спить, и вѣдьмы не колдуютъ:
Такъ эта ночь свята и благодатна.

Гораціо.

Да, слышалъ я, и вѣрится отчасти.
Но вотъ и Фебъ въ пурпуровой одеждѣ
Идетъ на холмъ по жемчугу росы.
Пора. Оставимъ постъ, идемъ, идемъ!
И мой советъ—видѣнье этой ночи
Гамлету рассказать. Клянусь вамъ жизнью!
Духъ нѣмъ для насъ, но съ нимъ заговорить.
Согласны ль вы сказать объ этомъ принцу,
Какъ намъ велятъ и долгъ нашъ и любовь?

Марцелло.

Конечно да; я васъ прошу объ этомъ.
Я знаю, гдѣ его найти.

(Уходитъ).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Торжественный залъ въ замкѣ.

Входятъ Король, Королева, Гамлетъ, Полоній,
Лаврть, Вольтимандъ, Корнелій, придворные
и свита.

Король.

Хотя свѣжа еще въ насъ память смерти
Гамлета, короля, драгаго брата;
Хотя въ душѣ должны бы мы скорбѣть,
И Данія въ чело единой скорби
Соединить свой ликъ; но нашъ разсудокъ
Природу побѣдилъ, и вспоминая
Кончину брата съ мудрою тоской,
Мы вмѣстѣ съ тѣмъ себя не забываемъ.
И такъ—сестру, теперь же королеву,
Наслѣдницу воинственной страны,
Мы нарекли возлюбленной супругой,
Съ восторгомъ, такъ сказать, лишеннымъ силы,
Съ слезой въ очахъ и съ ясной улыбкой,
Веселый гимнъ за пѣвъ при гробѣ брата,
За упокой при брачномъ алтарѣ,

И на всѣхъ души развѣсивъ ровно
Веселье и печаль. Мы поступили
Согласно вамъ: вы съ мудростью глубокой
Одобрили нашъ бракъ. За все благодаримъ!—
Теперь же о другомъ.
Вы знаете, что юный Фортинбрасъ,
Предположивъ, что я лишенъ почтенья,
Иль думая, что съ смертью намъ драгаго,
Отъ дѣлъ земныхъ почившаго Гамлета,
Распались связь и сила королевства,—
Въ пустыхъ мечтахъ какихъ то мнимыхъ выгодъ
Не устаетъ послами насъ терзать
И требуетъ отдачи всѣхъ владѣній,
Утраченныхъ отцомъ его въ бою
Съ покойнымъ королемъ и братомъ нашимъ.
Теперь объ насъ, и нынѣшнемъ собраньи;
И дѣло вотъ въ чемъ: къ дядѣ Фортинбраса,
Который слабъ, не покидаетъ ложа,
И замысловъ племянника не знаетъ,
Я написалъ, чтобъ ходъ такого дѣла
Онъ прекратилъ. Тѣмъ болѣе, что деньги,
Наборъ солдатъ и содержанье войску
Берутъ съ его вассаловъ и земель.
Васъ, добрый Вольтимандъ, и васъ, Корнелій,
Избралъ я передать мое посланье
И мой поклонъ монарху старику.
Въ сношеняхъ съ нимъ мы не даемъ вамъ власти
Переступить за точный смыслъ письма.
Прощайте же! Пусть ваша быстрота
Покажетъ намъ, какъ вы служить готовы.

Корнелій и Вольтимандъ.

Теперь какъ и всегда, мы наше рвенъе
Готовы доказать.

Король.

Не сомнѣваюсь.

Счастливыи путь!

(Корнелій и Вольтимандъ уходятъ.)

Что скажешь ты, Лаертъ?

Ты говорилъ намъ о какой то просьбѣ;
Въ чемъ состоитъ она, Лаертъ? Со мною,
Съ монархомъ Даніи разумно говоря,
Словъ даромъ потерять никто не можетъ.
О чемъ попросишь ты, чего бы Клавдій
Не даровалъ, еще не слышавъ просьбы?
Не столько голова родная сердцу,
Не такъ рука устамъ служить готова,
Какъ датскій тронъ Лаертову отцу,
Чего желаешь ты, скажи?

Лаертъ.

Опять

Увидѣть Францію, мой государь.
Ее покинулъ я, въ мою отчизну
Безъ ропота снѣшилъ, чтобы исполнить
Свой долгъ при торжествѣ коронованья.
Теперь, когда исполненъ онъ, опять
Во Францію летать мои желанья.

Король.

Но твой отецъ? Позволилъ онъ тебѣ?
Что говоритъ Полоній?

Полоній.

Государь!

Онъ покоришь мольбою неотступной
Моей души тяжелое согласье,
И наконецъ къ его усиленной просьбѣ
Я приложилъ печать соизволенья.
Позвольте, государь, ему ухать.

Король.

Такъ пользуйся, Лаертъ, счастливымъ часомъ!
Располагай и наслаждайся имъ. —
А ты, нашъ другъ и сынъ, любезный Гамлетъ.....

Гамлетъ (тихо).

Поближе сына, но подальше друга.

Король.

Какъ? Надъ тобой еще летаютъ тучи?

Гамлетъ.

О, нѣтъ! мнѣ солнце слишкомъ ярко свѣтитъ.

Королева.

Отбрось ночную тѣнь, мой добрый Гамлетъ,
Взгляни какъ другъ на Даніи монарха.
Зачѣмъ искать съ опущенной рѣсницей
Во прахѣ благороднаго отца?
Ты знаешь: все, что живо, то умереть,
Оставить персть и въ вѣчность перейти.

Гамлетъ.

Да, все умереть.

Королева.

А если такъ,

То чтожъ тебѣ тутъ кажется такъ странно?

Гамлетъ.

Нѣтъ, мнѣ не *кажется*, а *точно есть*;
И для меня—все «*кажется*» ничтожно.
Нѣтъ, матушка, ни траурный мой плащъ,
Ни черный цвѣтъ печальнаго наряда,
Ни грустный видъ унылаго лица,
Ни бурный вздохъ стѣсненнаго дыханья,
Ни слезъ текущій изъ очей потокъ,
Ничто, ничто изъ этихъ знаковъ скорби
Не скажетъ истины; ихъ можно и сыграть,
И это все *казаться* точно можетъ.
Въ моей душѣ ношу я то, что *есть*,
Что выше всѣхъ печали украшеній.

Король.

Оно прекрасно и похвально, Гамлетъ,
Отдать отцу прискорбный долгъ печали;
Но вспомни же: отецъ, и дѣдъ, и прадѣдъ, —
Лишались всѣ своихъ отцовъ. Потомки
Должны надѣть, изъ дѣтскаго почтенья,
На время, въ память ихъ, печальный трауръ;
Но сохранять печаль съ такимъ упорствомъ,
Есть недостойная мужчины скорбь,
Знакъ воли, непокорной провидѣнью,
Души безсиьной, слабаго ума.
Когда насъ опытъ научилъ, что смертию

Мы всѣ должны окончить нашу жизнь,
И если смерть для насъ обыкновенна
Какъ самая простая изъ вещей,—
Зачѣмъ еѣ безъ должнаго смиренья
Такъ къ сердцу принимать? О! Это грѣхъ
Передъ Творцомъ, усопшему обида,
Проступокъ предъ умомъ, который вѣчно
Намъ говорить о смерти нашихъ предковъ,
И повторять надъ трупами людей
Отъ пращуровъ до насъ: «такъ быть должно!»
Прошу, покинь бесплодную тоску
И вѣрь, что въ насъ ты вновь отца находишь.
Да знаетъ міръ, что ты ближайшій къ трону
И мной любимъ любовью благородной,
Любовію нѣжнѣйшаго отца.
Что до твоей поѣздки въ Виттенбергъ,
Она съ моимъ желаньемъ не согласна
И я прошу тебя,—останься здѣсь,
Въ лучахъ моихъ тебя любящихъ взоровъ,
Какъ первый царедворецъ, другъ и сынъ.

Королева.

Не заставляй и мать просить напрасно;
Останься здѣсь, не ѣзди въ Виттенбергъ.

Гамлетъ.

Я повинуюсь вамъ во всемъ.

Король.

Прекрасно;
Вотъ добрый, любящій отвѣтъ.

Будь въ нашей Дани намъ равнымъ, Гамлетъ,
Пойдемте! Дружескій отвѣтъ Гамлета
Смѣется радостью въ моей душѣ.
Пусть въ честь ему раздастся громъ орудій;
Онъ къ облакамъ внесетъ заздравный кубокъ.
И громъ небесъ на громъ земли отвѣтитъ,
Когда король наполнитъ свой бокалъ.

(*Всѣ, кромѣ Гамлета, уходятъ.*)

ГАМЛЕТЪ.

О еслибъ вы, души моей оковы,
Ты, крѣпко сплоченный составъ костей,
Испарился въ туманъ, испалъ росой!
Иль еслибъ ты, Судья земли и неба,
Не запретилъ грѣха самоубійства!
О Боже! Боже!
Какъ пошло, пусто, плоско и ничтожно
Въ глазахъ моихъ житье на этомъ свѣтѣ!
Презрѣнный міръ! Ты опустѣлый садъ,
Негодныхъ травъ пустое достоянье!
И до того должно было дойти!
Два мѣсяца! Нѣтъ, даже и не два
Какъ умеръ онъ! Монархъ столь благородный!
Гиперіонъ въ сравненіи съ симъ сатиромъ!
Такъ пламенно мою любившій мать,
Что и небесъ неукротимымъ вѣтрамъ
Не позволялъ лица ея касаться!
Земля и небо! Долженъ ли я вспомнить?
Она ему была такъ предана;
Ея любовь, казалось намъ, росла

Со счастьемъ любви! И черезъ мѣсяць....
Покинь меня, воспоминанья сила!—
Ничтожность, женщина твое названье!
Одинъ короткій, быстротечный мѣсяць!
И башмаковъ еще не износила,
Въ которыхъ шла, въ слезахъ какъ Ниобея,
За бѣднымъ прахомъ моего отца!
О небо! Звѣрь, безъ разума, безъ слова,
Грустилъ бы долѣе.—Супруга дяди,
Супруга брата моего отца!
Но онъ похожъ на Гамлета царя,
Какъ я на Геркулеса! черезъ мѣсяць!
Еще слѣды ея притворныхъ слезъ
Въ очахъ заплаканныхъ такъ ясно видны,—
Она жена! — О гнусная поспѣшность!
Такъ быстро пасть въ кровосмѣшенья ложе!
Тутъ нѣтъ добра, и быть его не можетъ!
Скорби, душа моя! уста должны молчать!

(*Входятъ Гораціо, Бернардо
и Марцелло.*)

ГОРАЦІО.

Мое почтенье, принцъ!

ГАМЛЕТЪ.

А! очень радъ, что вижу васъ здоровымъ,—
Гораціо? Иль ошибаюсь я?

ГОРАЦІО,

Онъ самый, принцъ; всегда слуга вашъ бѣдный.

ГАМЛЕТЪ.

Мой добрый другъ. Перемены названье.
Зачѣмъ изъ Виттенберга ты прѣхалъ
Гораціо?—Марцелло!

МАРЦЕЛЛО.

Принцъ!

ГАМЛЕТЪ.

Я очень радъ васъ видѣть; добрый день.—
Нѣтъ, не шута, зачѣмъ же ты оставилъ
Свой Виттенбергъ?

ГОРАЦІО.

Изъ лѣни, добрый принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

И отъ враговъ твоихъ я не желалъ бы
Услышать это. А тѣмъ больше ты
Мой слухъ не долженъ оскорблять словами
И клеветой на самого себя.
Ты не лѣнивъ, я это очень знаю.
Чтожъ привело тебя къ намъ въ Эльсиноръ?
Пока ты здѣсь, тебя еще научать
Стаканы осушать.

ГОРАЦІО.

Я прибылъ, принцъ,
На погребенье вашего отца.

ГАМЛЕТЪ.

Не смѣйся надо мной, товарищъ дѣтства!
На свадьбу матери ты поспѣшилъ.

ГОРАЦІО.

Да, правда, принцъ,—её не долго ждали.

ГАМЛЕТЪ.

Хозяйство, другъ Гораціо, хозяйство!
Отъ похоронныхъ пироговъ осталось
Холодное на свадебный обѣдъ.
Мнѣ легче бѣ было встрѣтить въ небесахъ
Врага лютейшаго, чѣмъ этотъ день увидѣть!
Отецъ мой.... кажется, его я вижу.

ГОРАЦІО.

Гдѣ, принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Въ очахъ души моей, Гораціо.

ГОРАЦІО.

И я покойнаго когда то видѣлъ;
Онъ благородный былъ монархъ.

ГАМЛЕТЪ

Да, онъ
Былъ человекъ, во всемъ значеньи слова.
Мнѣ не найти подобнаго ему.

ГОРАЦИО.

Мнѣ кажется, мой принцъ, прошедшей ночью
Его я видѣлъ.

ГАМЛЕТЪ.

Видѣлъ ты? Кого?

ГОРАЦИО.

Гамлета, вашего отца.

ГАМЛЕТЪ.

Гамлета, моего отца?

ГОРАЦИО.

Умѣрьте на минуту изумленье
И слушайте; я расскажу вамъ чудо
И вотъ они вамъ подтвердятъ рассказъ.

ГАМЛЕТЪ.

О говори, я заклинаю небомъ!

ГОРАЦИО.

Двѣ ночи сряду, въ часъ ихъ караула,
Средь мертвой тишины глухой полночи,
Съ Марцелло и Бернардо было вотъ что:
Видѣніе, какъ вашъ отецъ покойный,
Все въ панцырѣ, отъ ногъ до головы,
Приходить къ нимъ, величественнымъ шагомъ,
Торжественно и тихо, три раза

Предъ ихъ окаменѣлыми глазами
Идетъ, жезломъ едва ихъ не касаясь.
Они, отъ ужаса лишившись слова,
Стоять и рѣчи не заводятъ съ нимъ.
И это все, съ таинственностью робкой
Они открыли мнѣ. На третью ночь
Я съ ними былъ; все оказалось правдой:
Въ тотъ самый часъ и въ томъ же самомъ видѣ,
Какъ рассказали мнѣ, приходитъ тѣнь.
Я помню вашего отца,—взгляните!
Вотъ двѣ руки, онѣ не больше схожи
Одна съ другой.

ГАМЛЕТЪ.

Но гдѣ же это было?

МАРЦЕЛЛО.

Гдѣ караулъ нашъ, на террасѣ замка.

ГАМЛЕТЪ.

Ты съ нимъ не говорилъ?

ГОРАЦИО.

Да, говорилъ,
Но онъ не отвѣчалъ; однажды только,
Онъ голову, казалось намъ, возвысилъ,
Готовый говорить; но въ тожъ мгновеніе
Запѣлъ пѣтухъ и вмѣстѣ съ звонкимъ крикомъ
Тѣнь ускользнула и исчезла съ глазъ.

ГАМЛЕТЪ.

Странно!

ГОРАЦІО.

Клянусь вамъ жизнью, это правда, принцъ.

И мы сочли за долгъ, объ этомъ доложить.

ГАМЛЕТЪ.

Да, господа, оно меня тревожить.

На эту ночь вы въ караулъ?

Всѣ.

Да.

ГАМЛЕТЪ.

Онъ былъ вооруженъ?

Всѣ.

Вооруженъ.

ГАМЛЕТЪ.

Отъ головы до ногъ?

Всѣ.

Отъ темени до пятъ.

ГАМЛЕТЪ.

Такъ вы не видѣли его лица.

ГОРАЦІО.

О, да, мой принцъ! Наличникъ поднять былъ.

ГАМЛЕТЪ.

Чтожъ, грозно онъ смотрѣлъ?

ГОРАЦІО.

Въ его лицѣ

Скорѣ скорбь, чѣмъ гнѣвъ изображался.

ГАМЛЕТЪ.

Онъ былъ багровъ или блѣденъ?

ГОРАЦІО.

Страшно блѣденъ.

ГАМЛЕТЪ.

И очи устремилъ на васъ?

ГОРАЦІО.

Не отводя.

ГАМЛЕТЪ.

Жаль, очень жаль, что я не съ вами былъ.

ГОРАЦІО.

Вы ужаснулись бы.

ГАМЛЕТЪ.

Весьма, весьма возможно.

И долго пробылъ онъ?

ГОРАЦІО.

Покаместъ сотню

Успѣешь насчитать, считая тихо.

МАРЦЕЛЛО и БЕРНАРДО.

О, дольше, дольше

ГОРАЦІО.

Нѣтъ, при мнѣ не дольше.

Гамлетъ.

И цвѣтъ волосъ на бородѣ съдой?

Гораціо.

Да, черный съ просѣдою, какъ былъ при жизни.

Гамлетъ.

Я эту ночь не сплю. Случиться можетъ,
Что онъ опять придетъ.

Гораціо.

И вѣрно, принцъ.

Гамлетъ.

И если вновь онъ приметъ видъ отца,
Я съ нимъ заговорю, хоть самый адъ,
Открывши зѣвъ, приказывай умолкнуть!
А васъ прошу: когда видѣнья тайну
Вы отъ другихъ скрывали до сихъ поръ,
Такъ сохраните же еѣ и дольше.
Всему, что встрѣтится намъ эту ночь,
Всему дайте смыслъ, но только молча.
Я вамъ за дружбу отплачу. Прощайте!
Въ двѣнадцатомъ часу я на террасѣ
Увижу васъ.

Всѣ.

Къ услугамъ вашимъ, принцъ.

Гамлетъ.

Я не услугъ прошу у васъ, а дружбы,
Какую самъ питаю къ вамъ. Прощайте!

(Гораціо, Марцелло и Бернардо
уходятъ.)

Родителя вооруженный духъ!
Неловко что то здѣсь: я злыя козни
Подозрѣваю. О, скорѣй бы ночь!
До тѣхъ же поръ, душа моя, покойся!
Злодѣйство выступить на свѣтъ дневной,
Хоть цѣлой будъ засыпано землей.

(Уходитъ).

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Комната въ домъ Полоніа.

=

Лерть и Офелія входятъ.

Лерть.

Мои пожитки въ корабль. Прощай!
Да не забудь, сестра: когда случится
Попутный вѣтръ съ идущимъ кораблемъ,
Не спи и дай мнѣ о себѣ извѣстье.

Офелія.

Ты сомнѣваешься?

Лерть.

Что до Гамлета

И до его любовныхъ пустяковъ,
Смотри на нихъ, какъ просто на учтивость,
Какъ на игру въ его крови, фіалку,
Разцвѣтшую въ порѣ весеннихъ лѣтъ,
Но не долго; сладкую на мигъ, —
Красу и запахъ одного мгновенья.
Не больше.

Только? и не больше?

Лерть.

Природа въ насъ растеть не только тѣломъ;
Чѣмъ выше храмъ, тѣмъ выше возникаетъ
Души и разума святая служба;
Онъ, можетъ быть, теперь тебя и любить;
Обманъ и зло еще не запятнали
Въ немъ добродѣтели души; но бойся!
Какъ первый принцъ, онъ не имѣетъ воли;
Онъ самъ высокаго рожденья рабъ;
Не можетъ онъ, какъ мы, простые люди,
Избрать жену лишь по сердцу себѣ.
Съ ея избраніемъ сопряжены
Упадокъ силъ иль счастье государства,
И потому души его желанья
Ограждены согласіемъ людей,
Которымъ онъ глава. И если снова
Онъ о любви съ тобой заговорить,
Умно ты сдѣлаешь, когда не больше
Повѣришь страстному его признанью,
Какъ сколько можетъ онъ осуществить
Свои слова: не больше, чѣмъ позволить
Всеобщій голось датскаго народа.
Обдумай, сколько пострадаетъ честь,
Когда твой слухъ къ его любовной пѣснѣ
Довѣрчиво прильнетъ! когда ты сердце
Ему отдашь — и бурное стремленье

Похитить скромности твоей алмазъ.
 Страшись, Офелія! Страшись, сестра!
 Подальше отъ опаснаго желанья,
 Отъ вспышки склонности твоей!
 Изъ дѣвъ чистѣйшая ужъ не скромна,
 Когда лунъ ея открыта прелесть.
 Отъ клеветы и святости не уйдетъ;
 Дѣтей весны не рѣдко истребляетъ
 Червякъ, когда еще закрыта почка;
 И въ утро юности, на свѣжую росу
 Опасно вѣетъ ядовитый вѣтеръ.
 Смотри жъ, сестра! Остерегайся! Страхъ
 Ограда отъ бѣды; а наша юность
 И безъ враговъ въ борьбѣ сама съ собою.

ОФЕЛІЯ.

Я сохраню прекрасный смыслъ урока;
 Онъ будетъ сторожемъ моей груди.
 Но, милый братъ, не поступай со мною
 Какъ лицемеръ въ священнической рясе.
 Не говори: вотъ путь тернистый къ исбу,
 Когда ты самъ, какъ дерзкій сластолюбецъ,
 Пойдешь цвѣтистою тропой грѣха
 И свой урокъ съ усмѣшкой позабудешь.

ЛАЕРТЬ.

О нѣтъ! Но я промедлить слишкомъ долго.
 Да вотъ и батюшка —

(Полоній входитъ).

Благословите дважды,
 И благодать дважды на меня сойdetъ.
 Судьба опять свела насъ на прощанье.

Полоній.

Ты здѣсь еще, Лаерть? На бортъ, на бортъ!
 Попутный вѣтръ наполнилъ паруса;
 Тебя тамъ ждутъ.

(Кладетъ ему на голову руки.)

Съ тобою будь мое благословеніе!
 И эти правила запечатай
 Въ твоей душѣ: не говори, что мыслишь,
 И мысль незрѣлую не исполняй.
 Будь ласковъ, но не будь пріятель общій.
 Друзей, которыхъ испыталъ, желѣзомъ,
 Прикуй къ душѣ, но не марай руки,
 Со всѣмъ встрѣчнымъ заключая братство;
 Остерегись, чтобъ не попасться въ ссору;
 Попалъ — такъ чтобы врагъ остерегался.
 Всѣхъ слушай, но не всѣмъ давай свой голосъ.
 Совѣты принимай отъ всѣхъ дающихъ,
 Но собственное мнѣніе береги.
 Смотри по средствамъ, одѣвайся пышно,
 Но не смѣшно; богато, не пестро;
 Одежда говорить о человѣкѣ,
 И высшій кругъ одѣтъ въ Парижѣ съ тонкимъ,
 Съ разборчивымъ и благороднымъ вкусомъ.
 Не занимай и не давай въ займы;
 Заемъ нерѣдко исчезаетъ съ дружбой.

А долгъ есть ядъ въ хозяйственномъ расчетъ.
Но главное: будь вѣренъ самому себѣ,
И сладостенно, какъ дважды два четыре,
Ни передъ кѣмъ не будешь ты фальшивъ.
Прощай, Лаерть! Небесъ благословенье
Да укрѣпитъ въ тебѣ мои совѣты.

Лаерть.

Прощайте, батюшка.

Полоній.

Пора! Пора!

Ступай! Тебя твоя прислуга ждетъ.

Лаерть.

Прощай Офелія и не забудь
Мои слова.

Офелія.

Я крѣпко ихъ замкнула
Въ моей груди, — а ключъ возьми съ собою.

Лаерть.

Прощай.

(Уходитъ).

Полоній.

О чемъ, Офелія, онъ говорилъ?

Офелія.

О принцѣ Гамлетъ.

Полоній.

Не глупо, да.

Мнѣ говорятъ, что съ нѣкоторыхъ поръ
Съ тобою дѣлится онъ уединенье;

Что ты сама всегда Гамлету рада.

И если это такъ (покрайний мѣръ

Такъ говорили мнѣ, остерегая),

Я принужденъ, Офелія, замѣтить,

Что дочери моей бы не мѣшало
Смотрѣть ясный, для собственной же чести,

На эту связь. Скажи ка мнѣ всю правду:

Что за союзъ у васъ?

Офелія.

Онъ признавался

Мнѣ въ склонности своей.

Полоній.

Да, склонность.

Ты говоришь, какъ малое дитя,
Такой опасности не постигая.

Чтожъ, ты поверила его признанью?

Офелія.

Не знаю право, что и думать мнѣ.

Полоній.

Такъ я скажу тебѣ, что надо думать:
Ты дурочка; за чистую монету
Почла его пустыя восклицанья.

Офелія.

Онъ мнѣ въ любви своей открылся
Почтительно и скромно.

Полоній.

Да, пожалуй,

Все можно скромностью назвать: поди!

Офелия.

Онъ клятвой подкрѣпилъ свои слова.

Полоній.

Свистки для перепелокъ! Знаю, знаю,

Когда кипить въ насъ кровь, куда какъ щедро

Душа ссужаетъ клятвами языкъ.

Но это блескъ, свѣтящій безъ тепла;

Не почитай его огнемъ, — онъ гаснетъ

Со звукомъ словъ. Скупись впередъ побольше

Своимъ сообществомъ; не будь всегда

Готовою къ бесѣдѣ по приказу.

А Гамлету ты можешь верить вотъ какъ:

Онъ молодъ, онъ въ своихъ поступкахъ воленъ,

Какъ ты не можешь быть вольна, и словомъ,

Не вѣрь его словамъ, — они обманутъ;

Они не то, чѣмъ кажутся снаружи;

Ходатаи преступныхъ наслаждений,

Они звучатъ, какъ набожныхъ обѣты,

Чтобъ легче обольстить. И коротко и ясно,

Однажды на всегда: ты не должна

Часы свободы убивать на то,

Чтобъ съ Гамлетомъ вести переговоры.

Смотри же, помни, дочь. Ступай.

Офелия.

Я повинуюсь

(уходитъ).

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Терраса.

==

Входятъ Гамлетъ, Гораціо и Марцелло.

Гамлетъ.

Морозъ ужасный; вѣтеръ такъ и рѣжетъ.

Гораціо.

Да, холодъ проникаетъ до костей.

Гамлетъ.

Который часъ?

Гораціо.

Двѣнадцатый въ исходѣ.

Марцелло.

Пять, полночь ужъ пробило.

Гораціо.

Въ самомъ дѣлѣ?

Я не слыхалъ; такъ близко уже время,

Когда блуждаетъ духъ.

(Звукъ трубъ и пущенные
выстрѣлы за сценой).

Что это значить, принцъ?

Гамлетъ.

Король всю ночь гуляетъ на пролетъ,
Шумить и петь и мчится въ быстромъ вальсе.
Едва осушить онъ стаканъ рейнвейна,
Какъ слышатъ громъ и пушекъ и литавръ,
Гремящихъ въ честь победы надъ виномъ.

Горацио.

Обычай это?

Гамлетъ.

Да, конечно.

И я къ нему, какъ здѣшній уроженецъ
Хоть и привыкъ, однакоже по мнѣ
Забить его гораздо благороднѣй,
Чѣмъ сохранять. Похмѣлье и пирушки
Мараютъ насъ въ понятіи народовъ;
За нихъ зовутъ насъ Бахуса жрецами
И съ нашимъ именемъ соединяютъ
Прозванье черное. Сказать по правдѣ,
Всю славу дѣлъ, великихъ и прекрасныхъ,
Смываетъ съ насъ вино. Такую участь
Несетъ и частный человекъ; его,
Когда онъ очерненъ пятномъ природы,
Какъ на примѣръ: не въ мѣру пылкой кровью,
Берущей верхъ надъ силою ума,
(Въ чемъ и невиненъ онъ: его рожденье
Есть случай безъ разумной воли)
Или привычкою, которая какъ ржа
Съѣдаетъ блескъ поступковъ благородныхъ, —

Его, я говорю, людское мнѣніе
Лишить достоинства; его, осудить
За то, что въ немъ одно пятно порока,
Хоть будь оно клеймо сѣпной природы
И самъ онъ будь такъ чистъ, какъ добродѣтель,
Съ безмѣрно благородною душой.
Пылинка зла уничтожаетъ благо.

(Входитъ духъ.)

Горацио.

Смотрите, принцъ, — идетъ!

Гамлетъ.

Спасите насъ, о неба серафимы!
Блаженный духъ или проклятый демонъ,
Облекся ты въ благоуханья неба
Иль въ ада дымъ, со зломъ или съ любовью
Приходишь ты, — твой образъ такъ заманчивъ, —
Я говорю съ тобой! Тебя зову я
Гамлетомъ, королемъ, отцомъ, монархомъ!
Не дай въ незнаніи погибнуть мнѣ!
Скажи: зачѣмъ твои святые кости
Расторгли саванъ свой? Зачѣмъ гробница,
Куда тебя мы съ миромъ опустили,
Разверзла мраморный, тяжелый зѣвъ,
И вновь извергнула тебя? Зачѣмъ
Ты, мертвый трунъ, въ воннѣхъ доспѣхъ
Опять идешь въ сіяніи луны,
Во тьму ночей вселяя грозный ужасъ,
И насъ, спящихъ среди природы, мучишь
Для нашихъ душъ недостижимой мыслью?
Скажи, зачѣмъ? Зачѣмъ? Что дѣлать намъ?

Горацио.
Онъ манить васъ, чтобъ вы пошли за нимъ,
Какъ будто хочетъ сообщить вамъ что то
Наединъ.

Марцелло.

Смотрите, съ ласковой улыбкой
Указываетъ онъ въ другое мѣсто.
Но не ходите съ нимъ.

Горацио.

Нѣтъ, ни за что.

Гамлетъ.

Но онъ молчитъ; такъ я за нимъ иду.

Горацио.

Нѣтъ, не ходите, принцъ.

Гамлетъ.

Чего бояться?

Мнѣ жизнь моя ничтожнае булавки;
Моей душѣ, — что можетъ сдѣлать онъ
Моей душѣ, безсмертной, какъ онъ самъ?
Онъ манить вновь, я слѣдую за нимъ!

Горацио.

Что, если васъ онъ къ морю заманитъ,
Иль на скалы безплодную вершину,
Что тамъ, склонясь, глядится въ океанъ?
Что, если тамъ, принявъ ужасный образъ,
Онъ васъ лишить владычества разсудка?

Подумайте! Одна пустыня мѣста,
Сама собой, готова довести
Къ отчаянью, когда согласишься въ бездну,
И слышишь въ ней далекій плескъ волны.

Гамлетъ.

Онъ все манитъ; иди! Я за тобою!

Марцелло.

Вы не должны идти, мой принцъ!

Гамлетъ.

Прочь руку!

Горацио.

Послушайтесь и не ходите, принцъ.

Гамлетъ.

Судьба меня зоветъ!

Въ малѣйшій нервъ она вдохнула крѣпость
Льва африканскаго! Онъ все манитъ, —
Пустите! Или я клянусь вамъ небомъ,
Тотъ будетъ самъ видѣнемъ, кто посмѣетъ
Держать меня! — Впередъ! Я за тобою!

(Духъ и Гамлетъ уходятъ.)

Горацио.

Его разстроило воображенье.

Марцелло.

За нимъ! Мы не должны повиноваться.

Горацио.

Пойдемъ, пойдемъ! Чѣмъ кончится все это?

Марцелло.

Нечисто что то въ датскомъ королевствѣ.

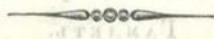
Гораціо.

Господь устроить все.

Марцелло.

Идемъ.

(Уходитъ.)

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Отдаленная часть террасы.

Духъ и Гамлетъ входятъ.

Гамлетъ.

Куда ведешь ты? Стой! Я далѣе неиду.

Духъ.

Внимай!

Гамлетъ.

Я слушаю.

Духъ.

Ужъ близокъ часъ,

Когда я долженъ возвратиться въ недра
Мучительнаго, сѣрнаго огня.

Гамлетъ.

О бѣдный духъ!

Духъ.

Не сожалѣй, но слушай

Внимательно, что я тебѣ скажу.

Гамлетъ.

О, говори! Мой долгъ тебѣ внимать.

Духъ.

И отомстить, когда услышишь.

Гамлетъ.

Что?

Духъ.

Я твоего отца безсмертный духъ,
Во тьмѣ ночей скитаться осужденный,
А днемъ въ огнѣ обзанный постить,
Пока мои земныя прегрѣшенья
Не выгорятъ среди моихъ страданій.
Когдабъ мнѣ не было запрещено
Открыть тебѣ моей темницы тайну,
Я началъ бы рассказъ, который душу
Твою легчайшимъ раздавилъ бы словомъ,
Охолодилъ бы молодую кровь,
Глаза изъ сферъ ихъ вырвалъ бы какъ звѣзды,
И каждый волосъ выющихся кудрей
Поставилъ бы на головѣ отдельно
Какъ иглы на сердитомъ дикобразѣ.
Но слухъ изъ крови и костей не можетъ
Постигнуть откровенья вѣчныхъ тайнъ.
Внимай! Внимай! Внимай!
Когда любилъ ты своего отца, —

Гамлетъ.

О небо!

Духъ.

Отмсти за гнусное его убійство.

Гамлетъ.

Убійство?

Духъ.

Подлое, какъ все убійства.

Но твой отецъ убить безчеловѣчно,
Неслыханно.

Гамлетъ.

Скажи скорѣй! На крыльяхъ,
Какъ мысль любви, какъ вдохновенье быстрыхъ,
Я къ мести полечу!

Духъ.

Я вижу, ты готовъ.
И будь ты влѣтъ, какъ сонная трава,
Что мирно спитъ на Леты берегахъ, —
Проснуться долженъ ты при этой вѣсти!
Внимай же, Гамлетъ: говорятъ, что ядъ
Уснувъ въ саду, и былъ змѣей ужаленъ.
Народа слухъ безстыдно обманули
Такою выдумкой моей кончины;
Но знай, мой благородный Гамлетъ: змѣй,
Смертельный ядъ въ мое изливший тело,
Теперь въ моемъ вѣнцѣ.

Гамлетъ.

О ты, пророчество моей души!
Мой лядъ?

Духъ.

Да. Оя, зверь кровососъ, истребитель,
Чарами хитрости и даромъ лжи
(Презрѣнный даръ, способный обольщать!)
Успѣлъ склонить къ грѣховнымъ наслажденьямъ

Лжедобродѣтельной Гертруды волю.
 Что за измѣна то была, о Гамлетъ!
 Меня, съ моей любовью неизмѣнной
 Какъ клятва, данная при алтарѣ,
 Меня забыть и пасть въ его объятъ,
 Его, который прахъ передо мною!
 Какъ добродѣтели не обольстить
 Развратъ, хоть будь онъ въ одеяньи неба,
 Такъ точно страсть, и съ ангеломъ въ союзъ
 Наскучить наконецъ небеснымъ ложемъ
 И жаждать недостойнаго. — Постои!
 Я слышу, утреннй зефиръ повѣялъ;
 Расскажъ я сокращу. — Когда я спалъ въ саду,
 Какъ и всегда, окончивши обѣдъ,
 Подкрался дядя твой со склянкой сока
 Проклятой бѣлены и влилъ мнѣ въ ухо ядъ,
 Людской природѣ столько ненавистный,
 Что онъ, какъ ртуть бѣжитъ въ каналахъ тѣла,
 Внезапной силой растворяя кровь.
 И этотъ ядъ покрылъ меня мгновенно,
 Какъ Лазаря, корой нечистыхъ струевъ.
 Такъ я во снѣ убить рукою брата,
 Убить въ веснѣ грѣховъ, безъ покаянья,
 Безъ исповѣди и безъ тайнъ святыхъ.
 Не кончивъ счетъ, я былъ на судъ отозванъ
 Со всею тяжестью земныхъ грѣховъ.
 Ужасно! О ужасно! О ужасно! (*)
 Не потерпи, когда въ тебѣ природа есть,

(*) Этотъ стихъ долженъ говорить, кажется, Гамлетъ.

Не потерпи, чтобъ Данин престолъ
 Кроватью былъ для гнуснаго разврата.
 Но какъ бы ты ни вздумалъ отомстить,
 Не запятнай души: да не коснется
 Отмщенья мысль до матери твоей!
 Оставь её Творцу и острымъ тернямъ,
 Въ ея груди уже пустившимъ корни.
 Прощай! Прощай! Свѣтящійся червякъ
 Мнѣ говорить, что близко уже утро:
 Бессильный свѣтъ его уже блѣднѣть.
 Прощай, прощай, и помни обо мнѣ!

(Уходитъ).

Гамлетъ.

Господь земли и неба! Что еще?
 Не вызвать ли и адъ?—Нѣтъ, тише, тише,
 Моя душа! О, не старѣйте, нервы!
 Держите персть возвышенно и прямо! —
 Мнѣ помнить о тебѣ? Да, бѣдный духъ,
 Пока есть память въ черепѣ моемъ.
 Мнѣ помнить? Да, съ страницъ воспоминанья
 Всѣ пошлые рассказы я сотру,
 Всѣ изрѣченья книгъ, всѣ впечатѣлья,
 Минувшаго слѣды, плоды разсудка
 И наблюденій юности моей.
 Твои слова, родитель мой, одни
 Пусть въ книгѣ сердца моего живутъ
 Безъ примѣси другихъ, ничтожныхъ словъ.
 Клянусь въ томъ небесами! —
 О, женщина преступная! Злодѣй,
 Злодѣй! Смыющійся, проклятый извергъ!

Гдѣ мой бумажникъ? Запишу, что можно
Съ улыбкой вѣчною злодѣемъ быть;
По крайній мѣрѣ въ Даніи возможно.

(Пишетъ).

Здѣсь, дядюшка. Теперь пароль и отзывъ:
«Прощай, прощай и помни обо мнѣ!» —
Я поклялся.

ГОРАЦІО (за сценой).

Принцъ! Принцъ!

МАРЦЕЛЛО (за сценой).

Принцъ Гамлетъ!

ГОРАЦІО (за сценой).

Богъ да защититъ васъ!

ГАМЛЕТЪ.

Аминь!

МАРЦЕЛЛО (за сценой).

Ге! Гдѣ вы, принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Сюда, мой соколъ!

Входятъ ГОРАЦІО и МАРЦЕЛЛО.

МАРЦЕЛЛО.

Что съ вами, принцъ?

ГОРАЦІО.

Ну, что узнали вы?

ГАМЛЕТЪ.

О, удивительно!

ГОРАЦІО.

Скажите, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ, вы расскажете.

ГОРАЦІО.

Я нѣтъ, мой принцъ;

Клянусь вамъ небомъ!

МАРЦЕЛЛО.

Я не расскажу.

ГАМЛЕТЪ.

Вотъ видите.....и кто бы могъ подумать! —

Но чуръ молчать —

ГОРАЦІО и МАРЦЕЛЛО.

Клянусь вамъ небомъ, принцъ!

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ въ Даніи ни одного злодѣя,

Который не былъ бы негодный плутъ.

ГОРАЦІО.

Чтобъ это намъ сказать, не стоитъ

Вставать изъ гроба мертвецу.

ГАМЛЕТЪ.

Вы правы, да;

И потому, безъ дальнихъ объясненій,

Я думаю, простимся и пойдемъ.

Вы по дѣламъ или желаньямъ вашимъ,

(У всехъ свои желанья и дѣла)!

А бѣдный Гамлетъ, — онъ пойдетъ молиться.

ГОРАЦІО.

О, это, принцъ, безсвязныя слова.

ГАМЛЕТЪ.

Мнѣ очень жаль, что вамъ они обидны;

Душевно жаль.

ГОРАЦІО.

Тутъ нѣтъ обиды, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Гораціо, есть! Клянусь святымъ Патриккомъ!

Обида страшная! Что до видѣнья,

Онъ честный духъ, повѣрьте мнѣ, друзья.

Желанье жъ знать, что было между нами,

Одолѣвай, какъ можетъ кто. Теперь,

Когда вы мнѣ товарищи, друзья,

Когда солдаты вы, прошу исполнить,

О чемъ я попрошу.

ГОРАЦІО.

Охотно; что же?

ГАМЛЕТЪ.

Не говорить, что видѣли вы ночью.

ГОРАЦІО И МАРЦЕЛЛО.

Не скажемъ, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Однакожъ поклянитесь.

ГОРАЦІО.

Клянусь вамъ честью, принцъ, не разглашать.

МАРЦЕЛЛО.

Я также.

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ! Клянитесь на мечъ!

МАРЦЕЛЛО.

Мы поклялись уже.

ГАМЛЕТЪ.

На мечъ, на мечъ мой!

ДУХЪ (подъ землею).

Клянитесь!

ГАМЛЕТЪ.

А! право, другъ? ты здѣсь, товарищъ вѣрный?

Чтожъ, господа, — вы слышите, пріятель

Не спитъ въ гробу, — угодно вамъ поклясться?

ГОРАЦІО.

Скажите въ чемъ.

ГАМЛЕТЪ.

Чтобъ никогда

О томъ, что видѣли, не говорить.

Клянитесь на моемъ мечъ!

ДУХЪ (подъ землею).

Клянитесь!

ГАМЛЕТЪ.

Nic et ubique? Перемѣнимъ мѣсто. —

Сюда, друзья. Сложите снова руки

На мечь мой и клянитесь, никогда
О томъ, что видѣли, не говорить.

Духъ.

Клянитесь на мечь!

Гамлетъ.

А, браво, старый кротъ!
Такъ быстро роешься ты подъ землей?
Отличный рудокопъ! — Еще разъ дальше.

Гораціо.

Непостижимо странно!

Гамлетъ.

Эту странность,
Какъ странника, укрой въ твоёмъ жилищѣ.
Есть многое на небѣ и землѣ,
Что и во снѣ, Гораціо, не снилось
Твоей учености. Однако, дальше!
Здѣсь, какъ и тамъ, клянитесь мнѣ блаженствомъ,
Что какъ бы странно я себя ни велъ,
(Я можетъ быть сочту необходимымъ
Явиться чудакомъ), что вы тогда
Не станете руками дѣлать знаковь,
Ни головой качать, ни говорить
Въ словахъ двусмысленныхъ, какъ на примѣръ:

«Да, да, знаемъ» — или: «мы могли бы, если бы хо-
тѣли,» — или: «если бы мы смѣли сказать,» — или «есть
люди, которые могли бы,» —

Или другимъ неявственнымъ намекомъ

Не скажете, что дѣло вамъ извѣстно.

Вотъ въ чемъ клянитесь мнѣ, клянитесь Богомъ,
И въ смертный часъ его святой защитой.

Духъ (подъ землею.)

Клянитесь!

Гамлетъ.

Спокойся, бѣдный духъ! — Ну, господа,
Прошу любить и жаловать меня.
И сколько бѣдный человекъ, какъ Гамлетъ,
Вамъ можетъ оказать любви и дружбы,
Онъ вамъ окажетъ ихъ, Богъ дастъ. Пойдемте!
Но пальцы на уста. — Распалась связь временъ!
Зачѣмъ же я связать её рождень! —
Пойдемте вмѣстѣ.

Уходятъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Комната въ домѣ Полонія.

Полоній и Рейнольдъ входятъ.

Полоній.

Отдай ему, Рейнольдъ, эти деньги
И письма.

Рейнольдъ.

Слушаю.

Полоній.

Куда умно,
Мой добрый Рейнольдъ, было бы сначала
Узнать о томъ, какъ онъ себя ведетъ,
А тамъ и посѣтить его.

Рейнольдъ.

Я такъ и думать

Полоній.

Прекрасно сказано, прекрасно! Видишь:
Сперва поразспроси, кто изъ Датчанъ въ Парижѣ,
И гдѣ, и какъ, и почему живутъ,
Съ кѣмъ знаютъся и сколько проживаютъ.
Потомъ, когда окольною дорогою
Твоихъ разпросовъ ты дойдешь до цѣли, —
Замѣтишь, что они Лаерта знаютъ, —
И ближе приступи. Спроси о немъ,
Какъ будто вы издавна знакомы;
Скажи, что знаешь ты его отца,
Пріятелей, отчасти и его.
Что, понялъ ли, Рейнольдъ?

Рейнольдъ.

Понимаю.

Полоній.

Отчасти и его, но впрочемъ мало;
И если это тотъ, такъ онъ буянъ,
И водится за нимъ и то и сѣ;
А тамъ налги что хочешь на Лаерта,
Лишь только чести бы не запятнать; —
Отъ этого остерегись; а знаешь, такъ, —
Разгульные, веселыя проказы,
Извѣстные сопутники свободы
И юности.

Рейнольдъ.

Какъ на примѣръ — игра.

Полоній.

Да, или пьянство, клятвы, поединки,
Развратъ, — но дальше ужъ нейдн.

Рейнольдъ.

Но это запятнаеть честь.

Полоній.

Нисколько,

Когда съумѣешь ты дать дѣлу оборотъ.
Его не долженъ ты предать въ добычу,
Какъ неводержимаго, злословію людей.
Я разумѣю не то; его прѣступки
Старайся освѣтить пристойнымъ свѣтомъ;
Пусть кажутся они пятномъ свободы,
Огнемъ и вспышкой пламенной души,
Волненіемъ неукротимой крови, —
Удѣломъ всѣхъ.

Рейнольдъ.

Однако....

Полоній.

Ты хотѣлъ бы

Узнать, зачѣмъ все это надо дѣлать?

Рейнольдъ.

Да, мнѣ хотѣлось бы, —

Полоній.

Ну, вотъ мой планъ:

(И, кажется, ловушка не дурна!)

Когда слегка его ты запятнаешь,
Какъ будто онъ въ дѣлахъ своихъ нечистъ, —
Замѣть! —

И тотъ, съ которымъ говоришь ты,
Видалъ когда нибудь, что молодецъ
Виновенъ былъ въ означенныхъ порокахъ,
Повѣрь, что такъ начнетъ онъ говорить:
«Любезный другъ», — «почтеннѣйшій», — или «сударь»,
Какъ водится приветствовать людей
У нихъ въ землѣ.

Рейнольдъ.

Я слушаю.

Полоній.

Потомъ,

Онъ вотъ что сдѣлаетъ: — онъ,..... да что бишь я хотѣлъ сказать? — Ей Богу, я что то хотѣлъ сказать! На чемъ я остановился?

Рейнольдъ.

Что такъ начнетъ онъ говорить:

Полоній.

Что такъ начнетъ онъ говорить — да, точно;
Онъ скажетъ: я вѣдь молодца то знаю;
На дняхъ, или вчера, или тогда то
Его я видѣлъ; съ тѣмъ или другимъ;
И точно, онъ, какъ говорите вы,
Велъ страшную игру; тогда былъ пьянъ,
Тогда посорился за карточнымъ столомъ;
Иль даже: я видалъ, какъ заходилъ онъ
Въ пристойный домъ,

(Сиречь: въ,) и проч. и проч.

И примечай, какъ на приманку лжи
Ты рыбку истины поймаешь; такъ
Мы, люди съ толкомъ и съ умомъ, умѣемъ
Обходами да скрытымъ переулкомъ
Проселками пройти въ село. И такъ
Ты можешь, следуя моимъ советамъ,
Лаерта испытать. Меня ты понялъ?
Не правдаль?

Да.
Рейнольдъ.

Полоній.
Ну, Богъ съ тобой, прощай.

Рейнольдъ.
Я, сударь,

Полоній.
Самъ наблюдай его поступки.

Рейнольдъ.
Слышу.

Полоній.
Да музыку чтобъ онъ не покидать.

Рейнольдъ.
Хорошо.

Уходитъ.

Офелія входитъ.

Полоній.

Прощай.—Ну что, Офелія? Что скажешь?

Офелія.

Какъ я испугана, о Боже!

Полоній.

Чѣмъ,

Во имя неба?

Офелія.

Я шла въ комнату моей, какъ вдругъ
Вбѣгаетъ Гамлетъ — плащъ на немъ разорванъ,
На головѣ нѣтъ шляпы, грязные чулки
Развязаны и спущены до пятъ;
Онъ блѣденъ какъ стѣна; колѣна гнутся;
Глаза блестятъ какимъ то жалкимъ свѣтомъ,
Какъ будто онъ былъ посланъ преисподней,
Чтобъ рассказать объ ужасахъ ея.
Такимъ явился онъ.

Полоній.

Безумный отъ любви?

Офелія.

Не знаю, но боюсь, что такъ.

Полоній.

И чтожъ онъ говорилъ?

Офелія.

Онъ крѣпко за руку меня схватилъ;
Потомъ, остороясь на всю длину
Руки своей, другою обвилъ онъ
Глаза и пристально смотрѣлъ въ лице мнѣ,
Какъ будто бы хотѣлъ его списать.

Такъ долго онъ стоялъ; потомъ слегка
Пожавши руку мнѣ, онъ покачалъ
Три раза головой и такъ глубоко,
Такъ жалобно вздохнулъ, какъ будто тѣло
На части распадется съ этимъ вздохомъ
И жизнь изъ груди улетитъ. Вздохнувши,
Онъ отпустилъ меня; черезъ плечо
Закинувъ голову, казалось, путь свой
Онъ видѣлъ безъ очей: безъ ихъ участія
Онъ вышелъ за порогъ, и до конца
Меня ихъ свѣтомъ озарялъ.

Полоній.

Пойдемъ,

Пойдемъ со мной; я Короля сыщу.
Вотъ истинно безуміе любви:
Оно свирѣпствуетъ противъ себя,
И насъ влечетъ къ отчаяннымъ дѣламъ
Не рѣже, чѣмъ любая изъ страстей,
Терзающихъ насъ подъ луною. — Жаль,
Ты съ нимъ не говорила слишкомъ грубо?

Офелія.

Нѣтъ,

Я только не брала его посланій
И самого къ себѣ не принимала,
Какъ приказали вы.

Полоній.

Онъ отъ того и потѣшался. Жаль,
Что лучше я объ этомъ не раздумалъ.

Но я боялся, что Гамлетъ шалить,
И хочеть только погубить тебя:
Будь проклято такое подозрѣнье!
Мы, старики, мнѣ кажется, готовы
Во мнѣніяхъ переступать за дѣль,
Какъ юноша нерѣдко забываетъ
Предусмотрительность. Пойдемъ же къ королю.
Онъ долженъ все узнать; гораздо хуже
Скрыть эту страсть отъ короля,
Чѣмъ тайну Гамлета разоблачить.
Пойдемъ.

(Уходятъ).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Комната въ замкѣ.

=

Король, Королева, Розенкранцъ, Гильденштернъ
и свита.

Король.

Добро пожаловать, мой Розенкранцъ
И Гильденштернъ! Желанье васъ увидѣть
И вмѣстѣ съ тѣмъ потребность въ вашей службѣ
Заставили призвать васъ такъ поспѣшно.
Вы слышали уже о томъ, что Гамлетъ
Преобразился вдругъ; такъ говорю я,
Затѣмъ, что онъ ни тѣломъ ни душою
Не тотъ, что былъ. И я не понимаю
Что, если не родителя кончина,
Могло такъ глубоко его разстроитъ.
Обоихъ васъ прошу я, господа, —
Вы съ нимъ воспитаны, вы такъ знакомы
Съ его душой, — останьтесь здѣсь на время
Въ моемъ дворцѣ. Старайтесь заманить

Его въ веселости, въ игру, въ забавы,
И сколько вамъ на слѣдъ найти удачи,
Узнайте, чѣмъ онъ сильно такъ разстроень.
Быть можетъ, мы, найдя тому причину,
Найдемъ и средство излѣчить болѣзнь.

Королева.

Онъ очень часто воспоминалъ объ васъ,
И я увѣрена, что нѣтъ другихъ,
Къ кому бы онъ привязанъ былъ такъ сильно.
Когда вы такъ добры, что захотите
Намъ времени немного посвятить,
Мы васъ по королевски наградимъ.

Розенкранцъ.

Вы властью царскою облечены:
Къ чему просить? Вамъ стоитъ повелѣть.

Гильденштернъ.

Мы повинемся; по мѣрѣ силъ
Готовы мы повергнуть нашу службу
У вашихъ стопъ. Повелѣвайте нами.

Король.

Благодаримъ васъ, Розенкранцъ
И добрый Гильденштернъ.

Королева.

Благодаримъ
Васъ, Гильденштернъ и добрый Розенкранцъ.
Прошу сейчасъ отправиться къ Гамлету;

Какъ измѣнился онъ, мое дитя! —
Пусть кто нибудь изъ свиты васъ проводить.

Гильденштернъ.

Господь благослови — ему на радость
И благоденствіе — старанья наши.

Королева.

Аминь.

*Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ
съ кѣмъ нибудь изъ свиты.*

Полоній входитъ.

Корнелій, посланный къ Норвежскому двору,
И Вольтимандъ счастливо воротились,
Съ отвѣтомъ радостнымъ, мой государь.

Король.

Ты былъ всегда отцомъ вѣстей счастливыхъ.

Полоній.

Я былъ имъ, да? О, смѣю васъ увѣрить,
Что долгъ мой, государь, люблю я также
Какъ жизнь мою, а короля какъ Бога.
И я, мнѣ кажется, успѣлъ, —
(Иль этотъ мозгъ по хитрости дорогъ
Летитъ не такъ ужъ метко, какъ бывало), —
Мнѣ кажется, что я успѣлъ открыть,
Что собственно ума лишило принца.

Король.

О, говори! я жажду это слышать!

Полоній.

Сперва послушайте пословъ; мое
Извѣстье будетъ за столомъ десертомъ.

Король.

Такъ сдѣлай же имъ честь, введи ихъ самъ.

(Полоній уходитъ).

Онъ говоритъ, любезная Гертруда,
Что онъ открылъ причину и источникъ
Разстройства сына твоего.

Королева.

Причина

Одна, боюсь я: смерть его отца,
И скорый бракъ нашъ.

Король.

Хорошо, узнаемъ.

*Полоній возвращается съ Корне-
ліемъ и Вольтимандомъ.*

Король.

Добро пожаловать, друзья! Скажи намъ,
Что отъ Норвежскаго принесть ты брата
Мой добрый Вольтимандъ?

Вольтимандъ.

Желанье счастья,

Поклонъ за дружескій поклонъ.
Едва успѣли мы промолвить слово,
Какъ онъ велѣлъ наборъ остановить.

Онъ полагалъ, что цѣль вооруженья
Походъ на Поляковъ; но, выскнувъ въ дѣло,
Нашелъ, что вамъ готовится ударъ.
Обиженный, что такъ легко играютъ
Его болѣзнию, саномъ и лѣтами, —
Велить Форгинбраса арестовать;
Принцъ повинуется; изъ устъ монарха
Онъ строго осужденъ, и наконецъ
Даетъ предъ дядею обѣтъ, во вѣки
На васъ оружія не подымать.
Старикъ, въ восторгѣ, подарилъ ему
Пять тысячъ кронъ доходовъ ежегодныхъ
И полномочіе, вести солдатъ,
Ихъ набранныхъ, на Поляковъ. Онъ проситъ, —
Что здѣсь подробнѣе изложено, —

(Подаетъ бумагу).

Благоволите разрѣшить войскамъ
Походъ чрезъ датскія владѣнія въ Польшу,
На тѣхъ условіяхъ о платежѣ
И безопасности, какія здѣсь
Означены въ письмѣ.

Король.

Мы на досугъ разберемъ письмо,
Дадимъ отвѣтъ и дѣло все обсудимъ.
А между тѣмъ, благодаримъ за трудъ.
Теперь идите отдохнуть, а ночью
Мы попируемъ вмѣстѣ; очень рады
Васъ видѣть здѣсь.

Вольтимандъ и Корнелій уходятъ.

Полоній.

Ну, это дѣло

Окончено благополучно. Государь
И государыня! Распространяться,
Что значить преданность, что власть монарха,
Зачѣмъ день день, ночь ночь и время время, —
Все это значило бы расточать
И день и ночь и время по пустому.
И такъ какъ краткость есть душа ума
А многословіе его прикраса,
Я буду коротокъ. Вашъ сынъ безумецъ;
Такъ называю я его затѣмъ
Что въ чемъ иномъ и состоитъ безумство,
Когда не въ томъ, что человѣкъ безумецъ?
Но не о томъ; —

Королева.

Поменѣ искусства,

Но дѣла больше!

Полоній.

Честью вамъ клянусь,

Въ моихъ словахъ нисколько нѣтъ искусства.
Что онъ безумецъ, это правда; правда,
Что жаль его, и жаль, что это правда.
Метафора глупа, — такъ прочь еѣ;
Я безъ искусства къ дѣлу приступаю.
Мы приняли, что онъ сошелъ съ ума;
Что остается намъ? Открыть причину
Сего эффекта, (правильнѣй: дефекта),
Затѣмъ что дефективный сей эффектъ

Основанъ чѣмъ нибудь. Такъ вотъ въ чѣмъ дѣло!

Обдумайте!

Я дочь нмѣю, ибо эта дочь

Моя; изъ должнаго повиновенья

Она мнѣ вотъ что отдала. Теперь

Прошу отгадывать и заключать!

(читаетъ).

«Небесной, идолу души моей, прелестнѣйшей Офеліи.»

Дурное выраженіе, истертое; прелестнѣйшая — истертое выраженіе. Но слушайте только:

«Ея милой, снѣжной груди»; — и прочее.

Королева.

И это Гамлетъ къ ней писалъ?

Полоній.

Позвольте!

Я все вамъ расскажу.

(читаетъ).

Не вѣрь, что есть огонь въ звѣздахъ,

Что солнце ходить въ небесахъ,

И согреваетъ грудь твою; —

Но вѣрь, что я тебя люблю.

«О милая Офелія! Стихи мнѣ не даются; я не владѣю искусствомъ размѣрять свои вздохи, но вѣрь мнѣ, что я тебя глубоко люблю, моя милая. Прощай.

Твой навсегда, пока живешь еще это тѣло,

Гамлетъ.

Вотъ что мнѣ дочь послушная вручила

И все подробно рассказала мнѣ:

Когда и какъ въ любви онъ признавался.

Король.

Какъ приняла она его любовь?

Полоній.

Какого мнѣнія вы обо мнѣ?

Король.

Ты честный, благородный человекъ.

Полоній.

И это я желалъ бы доказать.

Но что подумали бы вы, узнавши,

Что видѣлъ я, какъ вспыхнула любовь,

(А должно знать, что я её замѣтилъ

Когда мнѣ дочь еще не говорила) —

Что обо мнѣ подумали бы вы,

Иль государыня, супруга ваша,

Играй я роль кармана для записокъ,

Иль писчего стола? Смотри и праздно

На ихъ любовь? что думали бы вы? —

Но нѣтъ! я прямо къ дѣлу приступилъ;

Моей красавицѣ сказалъ я вотъ что:

«Вѣдь Гамлетъ принцъ; онъ не тебѣ чета,

«И этому не быть.» Я приказалъ ей

Замкнуть передъ Гамлетомъ дверь,

Не принимать любви его залоговъ,

И посланныхъ его не допускать.

Она вкусила плодъ моихъ совѣтовъ,

А онъ, отверженный, (чтобъ сократить рассказъ)

Предался грусти; вслѣдъ за тѣмъ пошу;

Потомъ безсонницъ; потомъ впалъ въ слабость,
Потомъ въ разсѣянность, и шагъ за шагомъ
Дошелъ къ безумію, а насъ повергъ въ печаль.

Король.

Ты думаешь, что такъ?

Королева.

Оно весьма возможно.

Полоній.

Желательно бы знать, когда случилось,
Чтобъ положительно сказалъ я: это такъ, —
А вышло иначе?

Король.

Я не припомню.

Полоній.

Такъ съ плечъ мнѣ голову снимите,
Когда оно не такъ. Ужъ если я
Попалъ на слѣдъ, такъ истину сыщу,
Хоть будь она сокрыта въ самомъ центрѣ.

Король.

Но какъ бы намъ развѣдать все поближе?

Полоній.

Вы знаете, онъ въ этой галлерей
Часа четыре иногда гуляетъ.

Королева.

Да, правда.

Полоній.

И въ такой то часъ пошлю я
Къ нему Офелію. Мы съ вами станемъ
Здѣсь за ковромъ. Замѣтьте ихъ свиданье,
И если онъ не отъ любви безуменъ,
Такъ пусть впередъ не буду я придворнымъ,
А конюхомъ, крестьянникомъ простымъ.

Король.

Увидимъ.

(Гамлетъ входитъ читая)

Королева.

Посмотри, какъ грустно, бѣдный,
Идетъ онъ и читаетъ.

Полоній.

Прочь, прошу васъ!
Идите оба прочь! Я съ нимъ займусь.
Позвольте!

(Король, Королева и придворные
уходятъ).

Какъ поживаете, принцъ Гамлетъ?

Гамлетъ.

Слава Богу, хорошо.

Полоній.

Знаете вы меня, принцъ?

Гамлетъ.

Совершенно. Ты рыбакъ.

Полоній.

Нѣтъ, принцъ.

Гамлетъ.

Такъ я желалъ бы, что бы ты былъ также честенъ.

Полоній.

Честенъ, принцъ?

Гамлетъ.

Да, сударь; быть честнымъ, значить, какъ ведется на этомъ свѣтѣ, быть избраннымъ изъ десяти тысячъ.

Полоній.

Сущая правда, принцъ.

Гамлетъ.

Потому что если солнце, божество, зараждаетъ червей, касаясь мертваго тѣла,..... есть у тебя дочь?

Полоній.

Есть, принцъ.

Гамлетъ.

Не пускай её на солнце. Плодородіе благотно; но если такая благодать достанется въ удѣлъ твоей дочери, — берегись, дружокъ!

Полоній.

Что вы хотите этимъ сказать? (*тихо*). Все на мою дочь сворачиваетъ. А сначала онъ меня не узналъ; сказалъ, что я рыбакъ! Далеко, далеко зашелъ онъ! А право, въ молодости и я страдалъ отъ любви не мало; почти также какъ и онъ. Заговорю съ нимъ опять. — Что вы читаете, принцъ?

Гамлетъ.

Слова, слова, слова.

Полоній.

Но о чемъ они говорятъ?

Гамлетъ.

Съ кѣмъ?

Полоній.

Я разумью, что написано въ книгѣ, принцъ?

Гамлетъ.

Клевета! Этотъ мерзавецъ сатирикъ утверждаетъ, что у стариковъ сѣдые волосы; что лица ихъ въ морщинахъ; что съ рѣсницъ течетъ амбра и вишневый клей; что у нихъ излишній недостатокъ остроумія и слабыя ноги. Хотя я свято и крѣпко во все это вѣрую, но мнѣ кажется, негодится все это писать. Вы сами, сударь, сдѣлались бы также стары, какъ я, еслибы могли ползти какъ ракъ назадъ.

Полоній (*тихо*.)

Это хоть и безумство, однако систематическое. — Не угодно ли вамъ укрыться отъ вѣтра, принцъ?

Гамлетъ.

Въ могилѣ?

Полоній.

Да, это точно значило бы укрыться отъ вѣтра. (*тихо*). Какъ мѣткі иногда его отвѣты! И это часто удается безумію, а уму и здравому разсудку не такъ то. Оставляю его и постараюсь устроить свиданіе его съ моею дочерью. — Позвольте, принцъ, засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе, и попросить васъ дать мнѣ отпущекъ.

ГАМЛЕТЪ.

Я ничего не дамъ вамъ охотѣе, — исключая мою жизнь, жизнь мою.

ПОЛОНИЙ.

Прощайте, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Несносные старые дураки!

Розенкранцъ и Гильденштернъ входятъ.

ПОЛОНИЙ.

Вы ищете принца Гамлета? Онъ тамъ.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Благодарю васъ.

(Полоній уходитъ.)

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Ваше Высочество, —

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Глубоко уважаемый Принцъ!

ГАМЛЕТЪ.

Дорогія друзья мои! Что ты подѣлываешь, Гильденштернъ? А! Розенкранцъ? Каково поживаете?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Какъ незначительные сыны персти.

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Мы счастливы, потому что не слишкомъ счастливы; мы не маковка на шляпѣ фортуны.

ГАМЛЕТЪ.

Но и не подошвы ея башмаковъ?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

И то нѣтъ.

ГАМЛЕТЪ.

Стало быть вы живете около ея пояса, въ средоточіи ея милостей?

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Да, правда, мы съ нею близки.

ГАМЛЕТЪ.

Какъ нельзя ближе; вѣдь она прелестница. — Что новаго?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Ничего, принцъ; развѣ что свѣтъ сталъ честнымъ.

ГАМЛЕТЪ.

Такъ близокъ день страшнаго суда. Но ваша новость не справедлива. Позвольте поразспросить васъ подробнѣе. Въ чемъ провинились вы, друзья, передъ фортуною, что она посылаетъ васъ сюда въ тюрьму?

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Въ тюрьму, принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Данія тюрьма.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Такъ и весь свѣтъ тюрьма.

ГАМЛЕТЪ.

Превосходная. Въ ней много ямъ, каморокъ и канурокъ. Данія одна изъ худшихъ.

Розенкранцъ.

Мы другаго мнѣнія, принцъ.

Гамлетъ.

Такъ для васъ она и не тюрьма. Само по себѣ ничто ни дурно, ни хорошо; мысль дѣлаетъ его тѣмъ или другимъ. Для меня Данія тюрьма.

Розенкранцъ.

Ваша любовь къ славѣ дѣлаетъ её тюрьмою; она слишкомъ тѣсна для вашего духа.

Гамлетъ.

О Боже! Я могъ бы заключиться въ ореховую скорлупу и считать себя королемъ необъятнаго пространства, если бы не злые сны мои.

Гильденштернъ.

Эти сны — честолюбіе. Истинная сущность честолюбія есть только тѣнь сновидѣнія.

Гамлетъ.

Сновидѣніе само есть только тѣнь.

Розенкранцъ.

Конечно, и мнѣ кажется, что честолюбіе такъ воздушно и туманно, что оно только тѣнь тѣни.

Гамлетъ.

И такъ наши нищія — тѣла, а короли и великопные герои — тѣни нищихъ. Не пойти ли ко двору? Я право не мастеръ разсуждать.

Розенкранцъ и Гильденштернъ.

Мы къ вашимъ услугамъ.

Гамлетъ.

Ни слова объ этомъ! Я не хочу считать васъ за одно съ прочими моими покорѣйшими слугами; должно отдать имъ справедливость, — они мнѣ ужасно прислуживаютъ. Будемъ же говорить какъ друзья: зачѣмъ вы въ Эльсиноръ?

Розенкранцъ.

Мы желали посѣтить васъ, и только.

Гамлетъ.

Нищій, я бѣденъ и благодарностью; но благодарю васъ, друзья, и повѣрьте, мое спасибо еще полущкою дороже. За вами не посылали? Вы сами вздумали пріѣхать? Добро-вольно? Ну, руку на сердце! Говорите прямо.

Гильденштернъ.

Что сказать намъ, принцъ?

Гамлетъ.

Что угодно, — только не правду. За вами посылали, и въ вашихъ взорахъ есть что то въ родъ признанія: ваша скромность не довольно хитро его скрываетъ. Я знаю, добрый король и королева посылали за вами.

Розенкранцъ.

Зачѣмъ, принцъ?

Гамлетъ.

Это вы должны мнѣ сказать. Заклинаю васъ правами нашего товарищества, союзомъ юности, всегда вѣрною

любовью, всѣмъ еще болѣе дорогимъ, чѣмъ тронулъ бы вашу душу лучший ораторъ! Скажите прямо: посылали за вами или нѣтъ?

Розенкранцъ (*Гильденштерну*).

Что ты на это скажешь?

Гамлетъ. (*тихо*).

Довольно, понимаю. — (*Громко*) Не скройте ничего, если вы меня любите.

Гильденштернъ.

Принцъ, за нами посылали.

Гамлетъ.

Я скажу вамъ зачѣмъ; моя догадка предупредить ваше признаніе и вы не нарушите тайны короля и королевы. Съ недавнихъ поръ, не знаю отъ чего, утратилъ я всю мою веселость, оставилъ обычныя занятія, и, точно, душъ моей такъ худо, что это прекрасное созданіе — земля, кажется мнѣ безплодною скалою; этотъ чудесный небосклонъ, эта величественная кровля, сверкающая золотымъ огнемъ, — чтожъ? мнѣ она кажется только смѣшеніемъ ядовитыхъ паровъ. Какое образцовое созданіе человѣкъ! Какъ благороденъ разумомъ! Какъ безграниченъ способностями! Какъ значителенъ и чудесенъ въ образѣ и движеніяхъ! Въ дѣлахъ какъ подобенъ ангелу! Въ понятіи Богу! Краса міра! Внѣсь всего живаго! И чтожъ мнѣ эта эссенція праха? Мнѣ мушны скучны — и женщины тоже, хотя твоя улыбка и несогласна, кажется, съ этимъ.

Розенкранцъ.

У меня и въ мысляхъ этого не было, принцъ.

Гамлетъ.

Чего же ты смѣлся, когда я сказалъ, что мушны мнѣ скучны?

Розенкранцъ.

Я думалъ, какъ постно угостить у васъ актеровъ, если это такъ. Мы съѣхались съ ними дорогой; они ѣдутъ сюда предложить вамъ свои услуги.

Гамлетъ.

Играющій королемъ — добро пожаловать. Я заплачу дань его величеству. Странствующій рыцарь найдетъ дѣло мечу и копыю; любовникъ не будетъ вздыхать даромъ; весельчакъ спокойно дотянетъ роль свою; дуракъ разсѣнитъ смѣшливыхъ, и героиня свободно выскажетъ свои мысли, если они не спотыкнутся о стихи. — Что это за актеры?

Розенкранцъ.

Тѣ самые, которые вамъ такъ нравились. Городскіе трагики.

Гамлетъ.

Зачѣмъ же они странствуютъ? Постоянное жилище выгоднѣе для славы и доходовъ ихъ.

Розенкранцъ.

Я думаю, тому причиной кой какія нововведенія.

Гамлетъ.

Что, пользуются они тѣмъ же уваженіемъ какъ и прежде, когда я былъ въ городъ? По прежнему ихъ поощають?

Розенкранцъ.

Нѣтъ, уже не столько.

Гамлетъ.

Отчего? Позаржавѣли они?

Розенкранцъ.

Нѣтъ, они трудятся какъ и прежде. Но нашлось гнѣздо дѣтей, маленькихъ птенцовъ, которые вѣчно пищать громче смысла, и имъ безчеловѣчно за то апплодируютъ. Теперь они въ модѣ, и шумятъ на народныхъ театрахъ (какъ называютъ они ихъ) до того, что многіе со шпагою въ рукъ болтается гусиного пера и не смѣютъ туда войти.

Гамлетъ.

Какъ? Они дѣти? Кто же содержитъ ихъ? Какъ имъ платить? И покинуть они свое искусство, когда потеряютъ голосъ? Выросши до обыкновенныхъ актеровъ, (что очень вѣроятно, если они лишены лучшихъ средствъ) не обвинять ли они въ несправедливости своихъ авторовъ, заставившихъ ихъ декламировать противъ собственной будущности?

Розенкранцъ.

Право, съ обѣихъ сторонъ довольно было дѣла и народъ не совѣстился раздражать ихъ другъ противъ друга. Нѣсколько времени нельзя было выручить ни копейки за пьесу, если авторъ и актеры не бранились въ ней съ своими противниками.

Гамлетъ.

Возможно ли!

Гильденштернъ.

И головамъ доставалось.

Гамлетъ.

И дѣти побѣдили?

Розенкранцъ.

Безъ сомнѣнія, принцъ, и самаго Геркулеса.

Гамлетъ.

Не удивительно, потому что мой дядя король, и именно тѣ, которые дѣлали ему рожи при жизни отца моего, даютъ теперь 20, 40, 50, даже 100 червонцевъ за миниатюрный портретъ его. Чортъ возьми! Тутъ есть что-то сверхъестественное; если бы философіи удалось доискаться истины!

(трубы за сценой).

Гильденштернъ.

Вотъ и актеры.

Гамлетъ.

Друзья, я радъ видѣть васъ въ Эльсинорѣ. Дайте ваши руки. Гостей всегда принимаютъ съ комплиментами и церемоніями. Позвольте же и васъ принять на тотъ же манеръ, затѣмъ что иначе мое обращеніе съ актерами (которое, увѣрю васъ, снаружи будетъ очень хорошо) покажется лучше, нежели съ вами. Вы, — добро пожаловать, но мой дядя—отецъ и тетка—мать—ошибаются.

Гильденштернъ.

Въ чемъ, принцъ?

Гамлетъ.

Я безуменъ только при нордъ — нордъ — весте; если вѣтеръ съ юга, я еще могу отличить сокола отъ цапли.

Полоній *входитъ*.

Желаю здравствовать, господа.

Гамлетъ.

Послушай, Гильденштернь! И ты, — на каждое ухо по слушателью: это большое дитя еще не вышло изъ пеленокъ.

Розенкранцъ.

Можетъ быть, онъ опять въ нихъ возвратился; говорятъ же, что старые люди дѣлаются дѣтми.

Гамлетъ.

Я предсказываю, что онъ пришелъ извѣстить объ актерахъ. Замѣчайте! — Да, точно, это было въ понедѣльникъ утромъ. —

Полоній.

У меня есть новости, принцъ.

Гамлетъ.

И у меня есть новости: когда Росцій былъ въ Римѣ актеромъ, . . .

Полоній.

Актеры прѣхали, принцъ.

Гамлетъ.

Быть не можетъ?

Полоній.

Увѣрю васъ честью.

Гамлетъ.

И каждый вѣхалъ на осла.

Полоній.

Лучшіе актеры въ свѣтъ! Лучшіе для трагедій, комедій, пастушескихъ драмъ, пастушеско-комическихъ, историко-пастушескихъ, трагико-историческихъ, трагико-комическихъ, историко-пастушескихъ, для нераздѣльнаго дѣйствія и безграничныхъ поэмъ. Сенека для нихъ не слишкомъ печаленъ, Плавтъ не слишкомъ веселъ. Нѣтъ равныхъ имъ ни въ заученномъ, ни въ импровизаціи.

Гамлетъ.

О Іевовой судья Израиля!

Какимъ сокровищемъ обладаешь ты!

Полоній.

Какимъ, принцъ?

Гамлетъ.

Какимъ? —

Онъ красавицу дочь

Всей душою любилъ.

Полоній *(тихо)*.

Все о моей дочери!

Гамлетъ.

Не правъ ли я, старый Іевовой?

Помоний.

Если вы называете меня Иевеасемъ, принцъ, такъ у меня есть дочь, которую я горячо люблю.

Гамлетъ.

Нѣтъ, этого вовсе не слѣдуетъ.

Помоний.

Что же слѣдуетъ, принцъ?

Гамлетъ.

Что? —

Что придетъ все въ концу,
Какъ угодно Творцу.

А потомъ, ты самъ знаешь: —

И случалось съ ней то,
Что намъ всемъ суждено.

Остальное ты можешь дочитать въ святочной пѣснѣ;
рѣчь мою прерываютъ новыя лица.

(Входятъ 4 или 5 актеровъ).

Добро пожаловать, пріятель! Здравствуйте! — Радъ видѣть тебя здоровымъ! — Здорово, друзья! — А, старый другъ, какъ же обросло лице твое съ тѣхъ поръ какъ я видѣлъ тебя въ послѣдній разъ! Надѣюсь, ты не будешь шептать себѣ въ бороду! — А, красавица моя! Ты поднялась къ небу на цѣлый каблукъ. Дай Богъ, чтобы твой голосъ не потерялъ свою звонкость какъ истертая монета. — Добро пожаловать, господа! Бросимся же, какъ французскіе соколиные охотники, на первое что ни встрѣтится. Сейчасъ что нибудь представить! Покажите ваше искусство. Ну, патетическій монологъ!

1-й Актеръ.

Что прикажите, принцъ?

Гамлетъ.

Я слышалъ когда то, какъ ты декламировалъ монологъ — но его никогда не произносили на сценѣ, или не больше одного раза; я помню, пьеса не понравилась толпѣ; это былъ апельсинъ для извѣстнаго рода животныхъ. Но я и другіе, которыхъ мнѣніе въ этихъ вещахъ гораздо основательнѣе моего, почитали ея превосходной пьесой; сцены расположены искусно и обработаны съ умомъ и простотою. Я помню, кто то сказалъ, что въ стихахъ нѣтъ соли и перцу для приправы смысла, а въ выраженіяхъ нѣтъ мыслей, которые обличили бы въ авторъ чувство; но онъ называлъ эту пьесу простою, здоровою и пріятною, и гораздо больше прекрасною, чѣмъ украшенною. Одинъ отрывокъ нравился мнѣ особенно: рассказъ Энея Дидонѣ, особенно въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ говоритъ объ убійствѣ Пріама. Если помнишь, начини съ этого стиха: — стой, ... стой, ...

Суровый Пирръ, какъ африканскій левъ,
Нѣтъ, я ошибаюсь; но начинается Пирромъ. —
Суровый Пирръ, котораго досѣхъ,
Какъ червѣй замыселъ, подобны были тѣмъ
Той полночи, когда лежалъ онъ въ чревъ
Бѣдой грозившаго коня, — теперь
Перемѣнилъ на образъ ужасномъ
Ужасный цвѣтъ: отъ головы до пятъ
Онъ весь багровъ; обрызганъ алой кровью
Родителей, сыновъ и дочерей;

Весь закаленъ огнемъ горящихъ улицъ,
Предательски свѣташихъ на пути
Къ царевубійству. Распаленный гнѣвомъ,
Въ крови, засохшей на его доспѣхахъ,
Съ огнемъ въ очахъ, свирѣпый ищетъ Пирръ
Отца Пріама.

Продолжай.

Полоній.

Ей Богу, принцъ, вы прекрасно декламируете; съ хо-
рошимъ выраженіемъ и благородно.

1-й Актеръ.

Онъ его находитъ:

Пріама мечъ не достигаетъ Грековъ;

Не повинуется ему клинокъ, —

Лежитъ, гдѣ палъ, не внемля повелѣнью.

Въ неравный бой вступаетъ Пирръ съ Пріамомъ;

Во гнѣвъ мечъ занесъ онъ далеко,

Но старецъ палъ, не выждавши удара,

Отъ свиста мезвея. Казалось, Троя,

Полмертва, воскресла отъ удара;

Главою пламенной поникла въ прахъ,

И Пирра слухъ сковала страшнымъ трескомъ.

Его клинокъ, уже летящій долу

На сибжную главу Пріама старца,

Казалось, въ воздухъ повисъ.

Такъ Пирръ стоялъ, какъ статуя тирана,

И будто бы безъ силы и безъ воли —

Не дѣлалъ ничего. Но такъ же,

Какъ часто мы предъ бурей замѣчаемъ, —

Притихъ зѣирь, безмолвны облака,
Улегся вѣтръ, земля какъ смерть недвижна, —
И вдругъ пространство разсѣкаетъ громъ, —
Такъ послѣ тихаго мгновенья, Пирръ
Опять возсталъ для яростнаго мщенья;
И никогда Циклоповъ тяжкій молотъ
Не падалъ такъ на Марсову броню,
Какъ Пирра мечъ палъ на царя Пріама. —
Погибни же, измѣнница Фортуна!
Владычества еѣ лишите, боги!
Сломите спицы колеса,
И въ нѣдра тартара скатите ободъ
Съ высотъ небесныхъ!

Полоній.

Это слишкомъ длинно.

Гамлетъ.

Какъ твоя борода. Не худо бы и то и другое обрить. —
Пожалуста продолжай; онъ спитъ, когда не слышитъ
пошлостей или непристойностей. Продолжай, о Гекубъ.

1-й Актеръ.

Но кто, увы! кто въ скорбномъ одѣяніи
Царицу зрѣлъ,...

Гамлетъ.

Царицу въ скорбномъ одѣяніи?

Полоній.

Это хорошо; царица въ скорбномъ одѣяніи, — хорошо!

1-й А К Т Е Р Ъ.

Какъ босоногая она блуждала,
Грозил огонь, замиль рвкою слезъ; —
Лоскутъ на головѣ, гдѣ такъ недавно
Сіялъ вѣнецъ; на мѣсто царской мантии
Наброшено въ испугъ покрывало
На плечи, исхудавшія отъ горя; —
Кто это видѣлъ, и доводило бранью
Тотъ обезчестилъ бы богиню счастья!
И если бы её узрѣли боги,
Когда она увидѣла, какъ Пирръ
Супруга трупъ надменно разскалъ, —
Варывъ вопля ихъ, (когда они не чужды
Чувствъ смертнаго) заставилъ бы рыдать
Небесъ огнистые глаза и пробудилъ бы
Въ сердцахъ боговъ безсмертныхъ состраданье!

П о л о н і й.

Смотрите, онъ измѣнился въ лицѣ, онъ плачетъ. — Ради
Бога перестань!

Г а м л е т ъ.

Довольно. Остальное доскажешь въ другой разъ. — Не
угодно ли вамъ позаботиться объ угощеніи актеровъ?
Слышите! Чтобы ихъ хорошо принимали. Они зеркало и
краткая лѣтопись своего времени. Плохая эпитафія повре-
дитъ тебѣ послѣ смерти меньше, чѣмъ злая эпиграмма изъ
устъ ихъ, пока ты живъ.

П о л о н і й.

Принцъ, я приму ихъ по заслугамъ.

Г а м л е т ъ.

Нѣтъ, прими ихъ лучше. Если обращаться съ каждымъ

по заслугамъ, кто же избавится отъ пощечины? — Прими
ихъ согласно съ твоею честию и саномъ; чѣмъ меньше
они стоятъ, тѣмъ выше будетъ твое снисхожденіе. Возь-
ми ихъ съ собою.

П о л о н і й.

Пойдемте, господа.

Г а м л е т ъ.

Идите за нимъ, друзья; завтра вы съиграете пьесу. —
Послушай, старый другъ! Можете вы сыграть убійство
Гонзаго?

1-й А К Т Е Р Ъ.

Можно, принцъ.

Г а м л е т ъ.

Такъ представьте же его завтра ввечеру. Въ случаѣ
нужды вѣдь можно выучить строчекъ двѣнадцать, кото-
рыя мнѣ хочется сочинить и вставить въ пьесу? Не
правда ли?

1-й А К Т Е Р Ъ.

Можно, ваше высочество.

Г а м л е т ъ.

Прекрасно. — Ступайте за нимъ, только не смѣйтесь
надъ нимъ.

(Полоній и актеры уходятъ).

Друзья мои, прощайте до вечера; очень радъ видѣть
васъ въ Эльсинорѣ.

Розенкранцъ и Гильденштернъ.

Слушаемъ, принцъ!

(Уходятъ).

Г а м л е т ъ.

Богъ съ вами! — Я одинъ теперь. —
Какой злодѣй, какой я рабъ презрѣнный!

Не дивно ли! актеръ, при тѣхъ страсти,
 При вымыслѣ пустомъ, быть въ состояннѣ
 Своимъ мечтамъ всю душу покорить;
 Его лице отъ силы ихъ блѣднѣть,
 Въ глазахъ слеза, дрожить и мѣветъ голосоъ,
 Въ чертахъ лица отчаянье и ужасъ,
 И весь составъ его покоренъ мысли.
 И все изъ ничего! Изъ за Гекубы!
 Что онъ Гекубъ, что она ему,
 Что плачетъ онъ объ ней? О, еслибъ онъ
 Какъ я, владѣлъ призывомъ къ страсти,
 Чтобъ сдѣлалъ онъ? Онъ потопилъ бы сцену
 Въ своихъ слезахъ, и страшными словами
 Народный слухъ бы поразилъ; преступныхъ
 Въ безумство бы повергъ, невинныхъ въ ужасъ,
 Незнающихъ привелъ бы онъ въ смятенье,
 Изоргъ бы силу изъ очей и слуха!
 А я! Презрѣнный, малодушный рабъ,
 Я дѣла чуждъ, въ мечтаніяхъ бесплодныхъ!
 Боюсь за короля промолвить слово,
 Надъ чьимъ вѣнцомъ и жизнью драгоценной
 Совершенно проклятое злодѣйство!
 Я трусь? Кто назоветъ меня негоднымъ?
 Кто черепъ раскроить? Кто прикоснется
 До моего лица? Кто скажетъ мнѣ: ты лжешь?
 Кто оскорбитъ меня рукой или словомъ? —
 А я обиду перенесъ бы. — Да!
 Я голубъ мужествомъ, во мнѣ нѣтъ желчи,
 И мнѣ обида не горька; иначе —
 Уже давно раба гниющимъ трупомъ

Я вороновъ окрестныхъ угостилъ бы. —
 Кровавый сластолюбецъ! Лицемеръ!
 Безчувственный, продажный, подлый извергъ! —
 Глупецъ, глупецъ! Куда какъ я отваженъ!
 Сынъ милаго, убитаго отца,
 На мщеніе вызванный и небесами
 И тартаромъ, я расточаю сердце
 Въ пустыхъ словахъ, какъ красота за деньги!
 Какъ женщина, весь изливаюсь въ клятвахъ!
 Нѣтъ, стыдно, стыдно! Къ дѣлу, голова! —
 Гмъ! Слышалъ я, не разъ преступныхъ душу
 Такъ глубоко искусство поражало,
 Когда они глядѣли на актеровъ,
 Что признавались они въ злодѣйствахъ.
 Убийство нѣмо, но оно порою
 Таинственно, но внятно говорить.
 Пусть кое что предъ дядею представятъ
 Подобное убійству моего отца.
 Я буду взоръ его слѣдить, я испытаю
 Всю глубину его душевной раны.
 Смутится онъ — тогда свой путь я знаю.
 Духъ — могъ быть сатана; лукавый властенъ
 Принять заманчивый, прекрасный образъ;
 Я слабъ и преданъ грусти; можетъ статься,
 Онъ, сильный надъ скорбящею душой,
 Влечетъ меня на вѣчную погибель.
 Мнѣ нужно основаніе подтверже. —
 Злобю зеркаломъ пусть будетъ представленъ,
 И совѣсть скажется и выдастъ преступленъ.
 (Уходитъ)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Комната въ замкѣ.

Король, Королева, Полоній, Офелія, Розенкранцъ и Гильденштернъ.

Король.

И вамъ никакъ не удалось дознаться,
Зачѣмъ онъ роль безумнаго играетъ?
Зачѣмъ покой его такъ дико нарушаетъ
Безумія опасный ураганъ?

Розенкранцъ.

Онъ сознается, что разстроены онъ;
Но чѣмъ, онъ ни за что не говорить.

Гильденштернъ.

Онъ не даетъ доступа для испытанья;
Онъ насъ хитро безумствомъ отдаляя,

Когда мы у него старались вырвать
Признанье въ истинѣ.

Королева.

А какъ онъ принялъ васъ?

Розенкранцъ.

Какъ свѣтскій человѣкъ.

Гильденштернъ.

Но въ обращеніи былъ онъ очень связанъ.

Розенкранцъ.

Щедръ на вопросы, на отвѣты скупъ.

Королева.

Къ забавамъ вы его не приглашали?

Розенкранцъ.

Нечаянно мы встрѣтили актеровъ,
Идя къ нему. Сказали это принцу,
И онъ какъ будто съ радостью насъ слушалъ.
Они здѣсь при дворѣ; и въ этотъ вечеръ
Онъ приказалъ имъ, кажется, играть.

Полоній.

Да, правда; мнѣ онъ поручилъ просить васъ
Послушать и взглянуть на представленье.

Король.

Отъ всей души. Я очень радъ, что Гамлетъ
Склонился къ этому. Друзья, прошу васъ,
Еще сильнѣй возвысить и возжечь въ немъ
Желаніе такихъ увеселеній.

Розенкранцъ. *отъ у мнѣ давай*

Мы постараемся.

(Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ.)

Король.

Оставь и ты насъ, милая Гертруда!

Мы тайно Гамлета сюда призвали,

Чтобъ здѣсь онъ встрѣтился, какъ бы случайно,

Съ Офеліей. Ея отецъ и я,

Мы станемъ здѣсь, (законные инпюны)

Невидимо увидимъ ихъ свиданье

И изъ его поступковъ заключимъ:

Тоской любви онъ боленъ, или нѣтъ.

Королева.

Я удалось. Что до меня, такъ я желаю,

Офелія, чтобъ ваша красота

Была счастливою причиной

Безумства Гамлета; тогда могу я

Надѣяться, что ваша добродѣтель

Его на путь обычный возвратитъ.

Офелія.

Я то же, государыня, желаю.

(Королева уходитъ.)

Полоній.

Офелія, будь здѣсь. — Мы, государь,

Займемъ мѣста свои. *(Офелія)*

Вотъ книга, дочь;

Читай для виду; этимъ ты прикроешь

Уединеніе. — Насъ должно порицать

За то, что мы, (случается частенько!)

Святымъ лицомъ и маскою смиренной

И чорта проведемъ.

Король *(тихо)*.

О, слишкомъ правда!

Какъ больно узвели мою совѣсть

Его слова! Лице красы продажной

Не отвратительнѣе въ сравненіи съ краской,

Его покрывшею поддѣльной красотой,

Чѣмъ мой съ румяными словами грѣхъ!

О бремя тяжкое!

Полоній.

Я слышу — онъ идетъ.

Укроюсь.

(Полоній и Король уходятъ.)

Гамлетъ *входитъ*.

Быть, или не быть? Вотъ въ чемъ вопросъ!

Что благородіе? Сносите ли громъ и стрѣлы

Враждующей судьбы, или возстать

На море бѣдъ и кончить ихъ борьбою?

Окончить жизньъ, — уснуть, —

Не болѣе! — И знать, что этотъ сонъ

Окончитъ грусть и тысячи ударовъ,

Удѣлъ живыхъ, такой конецъ достоинъ

Желаній жаркихъ! — Умереть, — уснуть;

Уснуть? —

Но если сонъ видѣнья посѣтитъ?

Что за мечты на смертный сонъ слетять,
Когда стряхнемъ мы суету земную?
Вотъ что дальнѣйшій заграждаетъ путь,
Вотъ отъ чего бѣда такъ долговѣчна!
Кто снесъ бы бичъ и посмѣянье вѣка,
Безсилъе правъ, тирановъ притѣсненъе,
Обиды горлаго, забытую любовь,
Презрѣнныхъ душъ презрѣнне къ заслугамъ,
Когда бы могъ насъ подарить покоемъ
Одинъ ударъ? Кто несъ бы бремя жизни,
Кто гнулъ бы подъ тяжестью трудовъ?
И только страхъ чего то послѣ смерти, —
Страна безвѣстная, откуда путникъ
Не возвращаясь къ намъ, — смущаетъ волю,
И мы скорѣй снесемъ земное горе,
Чѣмъ убѣживъ къ безвѣстности за гробомъ.
Такъ всѣхъ насъ совесть обращаетъ въ трусовъ.
Такъ блекнуть въ насъ рушинецъ сильной воли,
Когда начнемъ мы размышлять; слабѣетъ,
Живой полетъ отважныхъ предпріятій
И робкій путь склоняетъ прочь отъ цѣли.
Офелія! — О нимфа! Помини
Мои грѣхи въ твоей святой молитвѣ!

Офелія.

Какъ провели вы эти дни, мой принцъ?
Здоровыль вы?

Гамлетъ.

Благодарю покорно.

Офелія.

Уже давно желала я отдать вамъ
Кой что, мой принцъ, что вы мнѣ въ память дали.
Возьмите же теперь.

Гамлетъ.

Я не возьму.

Я никогда и ничего вамъ не дарилъ.

Офелія.

Любезный принцъ! Вамъ слишкомъ хорошо
Извѣстно, что дарилъ вы съ словами,
Которыхъ смыслъ цѣну вещей удвоилъ.
Букетъ исчезъ, — возьмитежъ ихъ назадъ.
Для сердца благороднаго не дорогъ
Подарокъ отъ того, кто насъ не любитъ.
Возьмите, принцъ!

Гамлетъ.

А, а! Ты честная дѣвушка?

Офелія.

Принцъ!

Гамлетъ.

И хороша собой?

Офелія.

Что вы хотите сказать, принцъ?

Гамлетъ.

То, что если ты добродѣтельна, такъ добродѣтель твоя
не должна имѣть дѣла съ красотою.

Офелія.

Можно ли красоту сыскать собесѣдницу лучше добродѣтели?

Гамлетъ.

Да, конечно: красота скорѣе превратитъ добродѣтель въ распутство, чѣмъ добродѣтель сдѣлаетъ красоту себя подобною. Прежде это былъ парадоксъ, теперь это аксіома. Я любилъ тебя когда то.

Офелія.

Право, принцъ, вы заставили меня этому вѣрить.

Гамлетъ.

А не должно было вѣрить! Добродѣтель не привьешь къ намъ такъ, чтобы въ насъ и слѣда старыхъ грѣховъ не осталось. Я не любилъ тебя.

Офелія.

Тѣмъ болѣе я была обманута.

Гамлетъ.

Ступай въ монастырь. Зачѣмъ рождать на свѣтъ грѣшниковъ? Я самъ, пополамъ съ грѣхомъ, человекъ добродѣтельный, однако могу обвинять себя въ такихъ вещахъ, что лучше бы мнѣ на свѣтъ не родиться. Я гордъ, я мстительнъ, честолюбивъ; къ моимъ услугамъ столько грѣховъ, что я не могу и умѣстить ихъ въ умъ, не могу дать имъ образа въ воображеніи, не имѣю времени ихъ исполнить. Къ чему такимъ тварямъ, какъ я, ползать между небомъ и землею? Мы обманщики, всѣ до одного; не вѣрь ни кому изъ насъ! Иди въ монастырь! Гдѣ отецъ твой?

Офелія.

Дома, принцъ.

Гамлетъ.

Замкни же за нимъ дверь, чтобы онъ игралъ шута только у себя въ домъ. Прощай!

Офелія.

Милосердый Боже, помоги ему!

Гамлетъ.

Когда ты выйдешь за мужъ, вотъ тебѣ въ приданое мое проклятіе: будь чиста какъ ледъ, бѣла какъ снѣгъ, ты не уйдешь отъ клеветы. Ступай въ монастырь! Прощай! Или если ты хочешь непременно выйти за мужъ, выбери дурака; умные люди знаютъ слишкомъ хорошо, какихъ чудовищей вы изъ нихъ дѣлаете. Въ монастырь! И скорѣе! Прощай.

Офелія.

Изъѣмите его, силы небесныя!

Гамлетъ.

Слышалъ я и о вашей живописи, слышалъ довольно; Богъ далъ вамъ лице, вы дѣлаете другое. Вы таскаетесь, пляшете и поете; созданія Божіи даете имена въ насмѣшку; притворяетесь, будто все это отъ незванія, — а оно просто легкомысленность. Подите! Ни слова! Это свело меня съ ума. Я говорю, у насъ не будетъ больше браковъ; которое уже женились, пусть живутъ, всѣ, кромѣ одного; остальные останутся тѣмъ, что они теперь. Въ монастырь!

(Уходитъ).

Офелія.

О, что за благородный омрачился духъ!

Языкъ ученаго, глазъ царедворца,

Героя мечь, цвѣтъ и надежда царства,
Ума и нравовъ образецъ,—все, все погибло!
А мнѣ, ничтожнѣйшей, мнѣ суждено,
Весь нектаръ клятвъ его вкусивши, видѣть,
Какъ пала мощь высокаго ума,
Какъ свѣжей юности краса погибла,
Цвѣтокъ весны, полъ бурею увядшій!
О горе мнѣ! Что видѣла я прежде,
И что теперь!

(Король и Полоній входятъ.)

Король.

Любовь? О, нѣтъ! Онъ не любовью боленъ;
Его слова хотя немного дикы,
Но не безумны. У него на сердце
Запало смя; грусть его взраститъ,
Оно взойдетъ, и плодъ опасенъ будетъ.
Затѣмъ я вотъ что наскоро рѣшилъ:
Онъ въ Англію немедленно поѣдетъ
Потребовать уплату должной дани.
Быть можетъ море, новая страна,
Отгоняетъ отъ души его тотъ призракъ,
Вокругъ котораго такъ постоянно
Летаетъ мысль его, что онъ лишился
Почти сознанья самаго себя.

Полоній.

Да, это будетъ для него полезно;
Но я еще увѣренъ, что источникъ
Его тоски, — несчастная любовь.

Ну, что, Офелія? Тебѣ не нужно
Разсказывать, что Гамлетъ говорилъ;
Мы все подслушали. — Распорядитесь
Какъ вашему величеству угодно;
Но если вы сочтете сообразнымъ,
Пусть государыня, по окончаньи пьесы,
Попроситъ Гамлета наединѣ
Открыть ей грусть свою; пусть откровенно
Съ нимъ говорить; а я, когда угодно,
Я стану такъ, чтобъ слышать разговоръ ихъ.
Когда и ей онъ сердца не откроетъ,
Пусть ѣдетъ въ Англію, или пусть простится
Съ своею свободою, когда тюрьму
За лучшее сочтете вы лекарство.

Король.

Быть такъ; безумству знатнаго не должно
Блуждать безъ стражи.

(Уходитъ).

Гамлетъ.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Залъ въ замкѣ.

—

Входятъ Гамлетъ и актеры.

Гамлетъ.

Пожалуста произнеси эту рѣчь, какъ я показаль тебѣ: легко и развязно. Если ты будешь кричать, какъ многіе изъ нашихъ актеровъ, такъ это будетъ мнѣ также пріятно, какъ если бы стихи мои расхлывалъ разнощикъ. Не пили слишкомъ усердно воздуха руками, такъ; будь умереннѣе. Среди потопа, бури, и, такъ сказать, поворота твоей страсти, долженъ ты сохранить умеренность; она придастъ тебѣ пріятности. О, мнѣ всегда ужасно досадно, если какой нибудь дюжій, длинноволосый молодецъ разрываетъ страсть въ клочки, чтобы греметь въ ушахъ райка, который не смыслить ничего, кромѣ непонятной пантомимы и крика. Такого актера я въ состояніи бы высѣчь за его крикъ и натяжку. Пожалуста, избѣгай этого.

1-й Актеръ.

Ваше высочество можете на насъ положиться.

Не будь однакоже и слишкомъ вялъ; твоимъ учителемъ пусть будетъ собственное сужденіе. Мимика и слово должны соответствовать другъ другу; особенно обращай вниманіе на то, чтобы не переступить за границу естественнаго. Все, что изыскано, противурѣчитъ намѣренію театра, цѣль котораго была, есть и будетъ, — отражать въ себя природу: добро, зло, время и люди должны видѣть себя въ немъ какъ въ зеркаль. Если представить ихъ слишкомъ сильно или слишкомъ слабо, — конечно, профана заставишь иногда смѣяться, но знатоку досадно; а для васъ сужденіе знатока должно перевѣшивать мнѣніе всѣхъ остальныхъ. Я видѣлъ актеровъ, которыхъ перевозносили до небесъ; и чтоже? Въ словахъ и походкѣ они не походили ни на христіанъ, ни на жидовъ, ни вообще на людей; выступали и козлогласовали такъ, что я подумалъ, какой нибудь поденщикъ природы надбавлялъ людямъ, да неудачно. Такъ ужасно подражали они человѣчеству.

1-й Актеръ.

У насъ это рѣдко встрѣтится, надюсь.

Гамлетъ.

Уничтожьте вовсе! — Да и шуты пусть не говорятъ, чего не написано въ роль: чтобы заставить смѣяться толпу глупцовъ, они хохочутъ иногда сами въ то время, когда зрителямъ должно обдумать важный моментъ пьесы: это стыдно, и доказываетъ жалкое честолюбіе шута. Идите, приготовьтесь.

(Актеры уходятъ. Входитъ Полоній Розенкранцъ и Гильденштернъ).

Ну, что? Угодно ли королю послушать эту пьесу?

Полоній.

Да, и королевъ; и притомъ сей часъ же.

Гамлетъ.

Велите актерамъ поспѣшить.

(Полоній уходитъ).

Не угодно ли вамъ обонмъ помочь имъ?

Розенкранцъ и Гильденштернъ.

Охотно, принцъ.

(уходятъ)

Гамлетъ.

Ей! Горацио!

Горацио входитъ.

Я здѣсь, любезный принцъ, къ услугамъ вашимъ.

Гамлетъ.

Горацио, ты честивѣйшій изъ людей,
Зъ которыми случалось мнѣ сдружиться.

Горацио.

Принцъ, —

Гамлетъ.

Нѣтъ, повѣрь мнѣ, я тебѣ не лъщу.

Чего мнѣ ждать отъ бѣднаго какъ ты?

Твой свѣтлый умъ, вотъ все твоѣ богатство;

Ты имъ питаешься и имъ одѣтъ.

Зачѣмъ же льстить тебѣ? языкъ медовый

Пусть лижетъ прахъ съ презрѣннаго богатства,

И пусть колѣнъ покорные составы

Сгибаются, гдѣ ихъ награда ждетъ.

Послушай! Съ той поры какъ это сердце

Властителемъ своихъ избраній стало

И научилось различать людей,

Оно тебя избрало передъ всѣми.

Страдая, ты, казалось, не страдалъ;

Ты бралъ удары и дары судьбы

Благодаря за то и за другое.

И ты благословенъ: разсудокъ съ кровью

Въ тебѣ такъ смѣшаны, что ты не служишь

Для счастья лудкою, не издаешь,

По прихоти его, различныхъ звуковъ.

Дай мужа мнѣ, котораго бы страсть

Не сдѣлала рабомъ, и я укрою

Его въ души моеи святѣйшихъ нѣдрахъ,

Какъ я укрывъ тебя. — О семъ довольно. —

Предъ королемъ сыгравъ ночью пьесу;

Одна изъ сценъ похожа на кончину

Отца, какъ я рассказывалъ тебѣ.

Прошу, когда дойдетъ до этой сцены,

Всей силою души смотри на дялю,

И если скрытый грѣхъ при этой сценѣ

Не скажется, такъ то былъ ада житель,

Что намъ съ тобой являлся на террасѣ,

И подозрѣннѣйшій мнѣ чертѣ

Брони Вулкановой. Смотри жъ на дялю,

Замѣть его; — и я вопьюсь глазами

Ему въ лице; потомъ свои сужденья

Сравнимъ, и выводъ будетъ вѣренъ.

Горацио.

Извольте, принцъ; когда во время пьесы

Укравши что нибудь, онъ ускользнуть,
Такъ я плачу за воровство.

Г а м л е т ь.

Идутъ;

Я долженъ празднымъ быть; ступай на мѣсто.

(Датскій маркизъ. Входятъ Король,
Королева, Полоній, Офелія, Розен-
кранцъ, Гильденштернъ и другіе.)

К о р о л ь.

Какъ поживаетъ другъ нашъ Гамлетъ?

Г а м л е т ь.

О, превосходно! Живу пищею хамелеона: ѣмъ воздухъ,
нашингованный обещаніями. Каплуна вы этимъ не от-
кормите.

К о р о л ь.

Я не понимаю твоего ответа, Гамлетъ; это не мои слова.

Г а м л е т ь.

И не мои уже. (Полонію). Вы играли когда то въ уни-
верситетъ, говорили вы?

П о л о н і й.

Игралъ, ваше высочество, и слылъ за хорошаго актера.

Г а м л е т ь.

Кого же вы играли?

П о л о н і й.

Юлія Цезаря; меня убили въ Капитоліи; меня убилъ
Брутъ.

Г а м л е т ь.

Онъ поступилъ какъ шутъ, убивши капитолійскаго гу-
ся. — Что, актеры готовы?

Р о з е н к р а н ц ь.

Готовы, принцъ. Ждутъ вашего приказа.

К о р о л е в а.

Поди сюда, любезный Гамлетъ, сядь подле меня.

Г а м л е т ь.

Нѣтъ, дражайшая матушка, здѣсь сильнѣйшій магнитъ.

П о л о н і й (Королю).

Ого! Слышите?

Г а м л е т ь.

Позволено мнѣ прилечь къ вамъ?

(Садится у ногъ Офеліи).

О ф е л і я.

Нѣтъ, принцъ.

Г а м л е т ь.

Я хотѣлъ сказать: приклонить голову къ вашимъ коле-
намъ.

О ф е л і я.

Да, принцъ.

Г а м л е т ь.

А вы вообразили, что я богъ знаетъ что задумалъ?

О ф е л і я.

Я ничего не думала.

Гамлетъ.

Прекрасная мысль, лежать у ногъ дѣвушки.

Офелія.

Что такое, принцъ?

Гамлетъ.

Ничего.

Офелія.

Вы веселы.

Гамлетъ.

Кто? Я?

Офелія.

Да, принцъ.

Гамлетъ.

О, вашъ единственный весельчакъ. Что намъ и дѣлать, если не веселиться? Посмотрите, какъ весело смотритъ матушка, а вѣдь и двухъ часовъ нѣтъ, какъ скончался отецъ мой.

Офелія.

Нѣтъ, принцъ, уже четыре мѣсяца.

Гамлетъ.

Такъ давно уже? Такъ пусть же самъ сатана ходитъ въ трауръ; я надѣну соболью мантию. Боже! уже два мѣсяца, какъ умеръ, и еще не забыть! Такъ можно надѣяться, что память великаго человѣка переживетъ его цѣлымъ полугодомъ! Но, клянусь, онъ долженъ строить церкви, если не хочетъ, чтобы его забыли какъ прошлогодній снѣгъ.

(Звуки трубъ, потомъ слыдается пантомимное представленье):

Входятъ король и королева. Они обнимаются, изъясняя знаки любви. Она становится на колѣна, дѣлаетъ знаки увѣренія. Онъ подымаетъ еѣ,

склонивъ голову на ея грудь, потомъ ложится на скамью изъ цѣтовъ и засыпаетъ. Королева его оставляетъ. Тотчасъ послѣ того входитъ чело-вѣкъ, снимаетъ съ него корону, цѣлуетъ еѣ, вливаетъ ладъ въ ухо коро-ля и уходитъ. Королева возвращается, видитъ короля мертвымъ и дѣ-лаетъ патетическіе жесты. Оравитель возвращается съ двумя или тремя итими и какъ будто огорченъ вѣсть съ нею. Трупъ уносятъ. Отра-витель предлагаетъ королеву свою руку и подарки; сначала она кажет-ся недовольною и несогласною, но наконецъ принимаетъ ихъ. Они уходятъ.

Офелія.

Что это значить, принцъ?

Гамлетъ.

Здѣсь скрывается преступленіе.

Офелія.

Можетъ быть эта пантомима показывать содержаніе пьесы?

(Входитъ прологъ).

Гамлетъ.

А вотъ мы узнаемъ отъ этого молодца; актеры ничего не могутъ сохранить тайны, все выболтаютъ.

Офелія.

Скажетъ онъ намъ, что значить это представленье?

Гамлетъ.

Да, какъ и всякое представленье, которое вы ему пред-ставите. Не постыдитесь только представить, а онъ не постыдится сказать вамъ, что это значить.

Офелія.

Нехорошо, принцъ, нехорошо. Я лучше буду слушать пьесу.

Прологъ.

Для насъ и представленья,
Въ покорномъ униженьи
Мы просимъ снисхожденья.

Гамлетъ.

И только? Чтожъ это? Прологъ или надпись кодыца?

Офелія.

Оно кратко.

Гамлетъ.

Какъ любовь женщины.

Входятъ Король и Королева.

Король на театрѣ.

Ужъ тридцать разъ промчались кони Феба
Вкругъ моря и земли по тверди неба,
И тридцать лѣтъ заемный блескъ луны
То меркнулъ, то свѣтилъ съ небесной вышины,
Съ тѣхъ поръ какъ сердце въ насъ амуръ воспламенилъ
И руки Гименей на бракъ соединилъ.

Королева на театрѣ.

Пусть солнце и луна свершаютъ снова
Свой горный путь; еще свѣжо и ново
Пылаешь въ насъ любовь. Но ты забылъ
Веселье прошлое, ты такъ унылъ,
Что страшно мнѣ. Спокойся, милый другъ;
Не раздѣлай души моей недугъ.
Любовь и страхъ жены неизмеримы;

Они ничто, или нѣтъ предѣловъ имъ.
Ты знаешь, другъ, какъ мною ты любимъ:
Любовь и страхъ во мнѣ неукротимы.
Любовь великую страшить все глубоко;
Ея величье и въ маломъ велико.

Король на театрѣ.

Насъ скоро, милая, разлучитъ время:
Я старъ, мнѣ не по силамъ жизни бремя.
Ты будешь жить, мой незабвенный другъ,
Средь міра свѣтлаго, другой супругъ
Быть можетъ.

Королева на театрѣ.

О! Молчи! Измѣна злая,
А не любовь — была бъ любовь такая.
Супругой вновь быть можетъ только та,
Кто кровью перваго обогрена.

Гамлетъ въ сторону.

Пилуля хороша.

Королева на театрѣ.

Что новый бракъ? И что къ нему вѣдетъ?
Не пылъ любви, а выгоды расчесть.
И вновь упасть въ объятія другаго
Не всель равно, что свѣсть въ могилу снова
Того, кто умеръ уже разъ?

Король на театрѣ.

Ты мнѣ отъ сердца говоришь, я вѣрю;
Но какъ легко намъренья забыть!

Оно всегда есть рабъ воспоминанья,
Родится сильнымъ и слабѣть вдругъ;
Такъ крѣпко держится зеленый плодъ, —
Когдажъ созрѣетъ, съ дерева падетъ.
Естественно, что вслѣдъ забываетъ
О томъ, что долженъ самому себѣ.
На что рѣшились мы въ минуту страсти,
Со страстью и умереть. Порывъ восторга
Или тоски умчить съ собою замысль.
Гдѣ громко изливается восторгъ,
Тамъ и тоска льетъ слезы не въ тиши,
Грустить восторгъ, и радуется горе.
Измѣнивъ свѣтъ; не мудрено, что въ немъ
За счастьемъ летаетъ и любовь.
Неразрѣшенъ вопросъ: любовь ли счастье,
Иль счастье ведетъ съ собой любовь?
Падетъ великій человекъ, — любимцы
Его бѣгутъ; разбогатѣетъ бѣдный, —
Его враги вдругъ сдѣлались друзьями.
Такъ, кажется, любовь бѣжитъ за счастьемъ.
Когда друзья не нужны, много ихъ;
А обратись къ кому нибудь въ нуждѣ,
Онъ вдругъ въ врага преобразится.
Окончу тѣмъ, съ чего началъ: судьба
И воля въ насъ всегда съ собою въ ссорѣ.
Всѣ замыслы уничтожаетъ жребій;
Мы думаемъ, а исполняетъ онъ.
Ты не желаешь быть женой другаго,
Но эта мысль умереть со мною вмѣстѣ.

Королева на театрѣ

О! Не питай меня земля! И свѣтъ небесный
Мнѣ не свѣти! Ночь не давай покоя
И день утѣхъ! Пусть всѣ мои надежды
Порывъ отчаянья умчить! Темница
И постъ отшельника будь жребіемъ моимъ!
Пусть все, что потемняетъ въ сердцѣ радость
Изушить цвѣтъ любимѣйшихъ желаній!
И здѣсь и тамъ со мною будь страданье,
Когда, вдова, я стану вновь невѣстой!

Гамлетъ *Офелію*.

Чтожъ если она нарушить клятву?

Король на театрѣ.

Довольно клятвъ! Оставь меня теперь.
Я утомленъ, и отдохнуть желаю;
Пусть сонъ отгонитъ отъ меня заботы.

(Онъ засыпаетъ).

Королева на театрѣ.

Спи, милый другъ! Благословенъ миръ
Да ниспошлетъ на насъ Господь!

(Уходитъ).

Гамлетъ.

Какъ вамъ правится пьеса, матушка?

Королева.

Мнѣ кажется, королева наобѣщала слишкомъ много.

Гамлетъ.

О, да вѣдь она сдержитъ слово.

Король.

Ты знаешь содержаніе? Нѣтъ ли чего нибудь непозволительнаго?

Гамлетъ.

Нѣтъ, нѣтъ, они только шутятъ; отравляютъ шути. Ничего непозволительнаго.

Король.

А какъ называется пьеса?

Гамлетъ.

Мышеловка. Какъ это? Метафорически. Это представленіе убійства, совершеннаго въ Вѣнѣ. Гонзаго имя герцога, жена его Баттиста. Вы сей часъ увидите; — это злодѣйское дѣло. Но что до того? До вашего величества и до насъ оно не касается; совѣсть у насъ чиста, а шапка горитъ на воръ.

(Входитъ Луціанъ)

Это Луціанъ, племянникъ короля.

Офелія.

Вы берете на себя обязанность хора, принцъ.

Гамлетъ.

И могъ бы быть посредникомъ между вами и вашимъ любовникомъ, еслибы вамъ вздумалось сыграть такую комедію.

Офелія.

Вы остры, принцъ, вы остры.

Гамлетъ.

Да, вамъ пришлось бы постонать, пока притупится моя острота.

Офелія.

Часъ отъ часу хуже.

Гамлетъ.

Также какъ вы выбираете себѣ мужей. — Начинай, убійца! Оставь свою негодную мимику, начинай:

И воронъ, каркая, ко мщенію зоветъ, —

Луціанъ.

Мой ядъ готовъ, рука вѣрна и мысли черны;

Безлюдно здѣсь, — и часъ благопріятенъ.

Ты, острый сокъ полуночной травы,

Проклятіемъ Гекаты утонченный!

Пусть силою твоихъ волшебныхъ чаръ

Мгновенно въ немъ исчезнетъ жизни даръ.

(Онъ вливаетъ ядъ въ ухо спящаго.)

Гамлетъ.

Онъ отравляетъ его въ саду, чтобы завладѣть его царствомъ. Имя его Гонзаго. Исторія на лицо; она превосходно описана по итальянски. Вы сейчасъ увидите, какъ убійца вкрадется въ любовь супруги Гонзаго.

Офелія.

Король встаетъ.

Гамлетъ.

Какъ? Испуганъ ложнымъ огнемъ?

Королева.

Что съ тобою, другъ мой?

Полоній.

Прекратите представленіе.

Король.

Посвятите мнѣ! Идемъ!

Полоній.

Огня! Огня! Огня!

(Всѣ, кромѣ Гамлета и Гораціо уходятъ).

Гамлетъ.

А! раненый олень лежитъ,
А лань здоровая смѣется;
Одинъ заснулъ, другой не спитъ, —
И такъ на свѣтѣ все ведется!

Что? Эта штука, лѣсъ перьевъ на головѣ, да пара бантовъ на башмакахъ, не доставили бы мнѣ мѣста въ трупнѣ актеровъ, если бы остальное счастье мое меня и покинуло?

Гораціо.

Да, на половинномъ жалованьѣ.

Гамлетъ.

Нѣтъ, на полномъ.

Ты знаешь, милый мой Дамонъ:
Юпитерь украшалъ престолъ,
И ктожь теперь возсѣлъ на тронъ?
Всесовершеннѣйшій — понугай.

Гораціо.

Вы могли бы поставить рному.

Гамлетъ.

О любезный Гораціо! Я тысячи прозкладываю за слова духа. Замѣтилъ ты?

Гораціо.

И очень хорошо.

Гамлетъ.

Когда говорили объ отравленіи?

Гораціо.

Я пристально наблюдалъ за нимъ.

Гамлетъ.

Ха, ха, ха! — Музыку! Ей! Флейщики!

О, если нашъ театръ не нравится ему,
Такъ значитъ, онъ —

(Входятъ Розенкранцъ и Гильденштернъ.)
не нравится ему.

Музыку!

Гильденштернъ.

Принцъ, позвольте сказать вамъ пару словъ.

Гамлетъ.

Цѣлую исторію.

Гильденштернъ.

Его величество —

Гамлетъ.

Ну, что съ нимъ?

Гильденштернъ.

Онъ удалился въ свою комнату и очень нездоровъ.

Гамлетъ.

Отъ вина?

Гильденштернъ.

Нѣтъ, отъ желчи.

Гамлетъ.

Вамъ следовало бы показать больше здраваго смысла, и извѣстить объ этомъ доктора, потому что если я пропишу ему лѣкарство, такъ желчь его разольется можетъ быть еще больше.

Гильденштернъ.

Принцъ, приведите въ порядокъ ваши рѣчи, и не отскакивайте такъ дико отъ моего порученія.

Гамлетъ.

Я сталъ ручнымъ, — говорите.

Гильденштернъ.

Королева, матушка ваша, въ глубочайшей скорби сердца, послала меня къ вамъ.

Гамлетъ.

Добро пожаловать.

Гильденштернъ.

Нѣтъ, принцъ, эта вѣжливость не у мѣста. Если вамъ угодно дать мнѣ здравый отвѣтъ, я исполню приказаніе вашей матушки; если нѣтъ, такъ извините, я удаюсь, и дѣло мое кончено.

Гамлетъ.

Я не могу.

Гильденштернъ.

Что, принцъ?

Гамлетъ.

Дать вамъ здравый отвѣтъ. Мой умъ боленъ. Отвѣтъ, какой въ моей власти, къ вашимъ услугамъ, или лучше

сказать, къ услугамъ матушки. И такъ, безъ околичностей, къ дѣлу! Матушка, говорите вы, —

Розенкранцъ.

Говорить вотъ что: ваше поведеніе удивило, изумило её.

Гамлетъ.

О! Дивный сынъ, который можетъ изумлять такъ мать свою! — Но развѣ за этимъ родительскимъ изумленіемъ ничего не слѣдуетъ? говорите.

Розенкранцъ.

Она желаетъ поговорить съ вами въ своей комнатѣ, прежде чѣмъ вы ляжете спать.

Гамлетъ.

Я повинуюсь, хоть будь она десять разъ моего матерью. Есть у васъ до меня еще какое нибудь дѣло?

Розенкранцъ.

Когда то вы меня любили, принцъ.

Гамлетъ.

И теперь еще, клянусь этой парой воровскихъ крючковъ! (*)

Розенкранцъ.

Принцъ, что причиною вашего разстройства? по истинѣ, вы налагаете цѣпи на вашу свободу, скрывая грусть свою отъ друга.

(*) Т. е. руками.

Г а м л е т ь.

Мнѣ нельзя возвыситься.

Р о з е н к р а н ц ь.

Какъ можетъ это быть, когда самъ король назначилъ васъ наследникомъ датскаго престола?

Г а м л е т ь.

Да, однакоже «пока соберутъ бѣлки орѣхи,» — пословица эта устарѣла.

(Входятъ музыканты съ флейтами).

А, флейты! Подайте мнѣ одну изъ нихъ. — На пару словъ! *(Отводитъ Гильденштерня въ сторону).* Зачѣмъ ухаживаете вы за мною, какъ будто хотите заманить въ сети?

Г и л ь д е н ш т е р н ь.

О, принцъ, если преданность моя слишкомъ смѣла, это значитъ, что я люблю васъ слишкомъ глубоко.

Г а м л е т ь.

Я плохо васъ понимаю. Не угодно ли сыграть чтонибудь на флейтѣ?

Г и л ь д е н ш т е р н ь.

Я не умю, принцъ.

Г а м л е т ь.

Прошу васъ.

Г и л ь д е н ш т е р н ь.

Повѣрьте, я не умю.

Г а м л е т ь.

Сдѣлайте одолженіе.

Г и л ь д е н ш т е р н ь.

Но я не знаю ни одной позиціи, принцъ.

Г а м л е т ь.

Это также легко, какъ лгать. Пусть пальцы и клапаны управляютъ отверстіями; дайте инструменту дыханіе изъ вашихъ устъ и онъ заговоритъ краснорѣчивѣйшею музыкаю. Смотрите, вотъ позиціи.

Г и л ь д е н ш т е р н ь.

Ихъ то я и не знаю; я не владею искусствомъ извлекать гармонию.

Г а м л е т ь.

Видишь ли, какую ничтожную вещь ты изъ меня дѣлаешь? Ты хочешь играть на мнѣ, ты хочешь проникнуть въ тайны моего сердца; ты хочешь испытать меня отъ низшей до высочайшей ноты; а въ этомъ маленькомъ инструментѣ много гармоніи, прекрасный голосъ, — и ты не можешь заставить говорить его. Чортъ возьми! Думаешь ты, что на мнѣ легче играть, чѣмъ на флейтѣ? Назови меня какимъ угодно инструментомъ, ты можешь меня разстроить, но не играть на мнѣ.

(Входитъ Полоній.)

Здравствуйте.

П о л о н і й.

Королева желаетъ говорить съ вами, принцъ, и притомъ сей часъ.

Г а м л е т ь.

Видите это облако? Точно ласточка.

П о л о н і й.

Совершенная ласточка.

ГАМЛЕТЪ.

Мнѣ кажется, оно похоже на верблюда.

ПОЛОНІЙ.

Спина точь въ точь какъ у верблюда.

ГАМЛЕТЪ.

Или какъ у кита?

ПОЛОНІЙ.

Совершенный китъ.

ГАМЛЕТЪ.

Такъ я иду къ матушкѣ, сію минуту. — Они дурачатъ меня такъ, что мое терпѣніе лопается. — Иду сію минуту.

ПОЛОНІЙ.

Я сейчасъ доложу.

(уходитъ).

ГАМЛЕТЪ.

Легко сказать, сію минуту! Оставьте меня, друзья.

(Розенкранцъ, Гильденштернъ,

Гораціо и другіе уходятъ).

Вотъ часъ духовъ! Гробы стоятъ отверсты,

И самый адъ на міръ заразой дышетъ.

Теперь отвѣдать бы горячей крови,

Теперь ударъ бы нанести, чтобъ дрогнулъ

Веселый день,..... но къ матери пора.

О сердце, не забудь твою природу!

Пусть въ эту грудь не вступитъ духъ Нерона!

Будь человѣчески жестокъ, о Гамлетъ:

Книжалы на словахъ, но не на дѣлѣ.

Полицемъте же, языкъ и сердце!

Какъ ни извили бы мои слова,

Исполнить ихъ душа не соглашайся.

(Уходитъ).

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Комната въ замкѣ.

=

Король, Розенкранцъ и Гильденштернъ входятъ.

Король.

Я дольше не могу его терпѣть;

Его безуміе грозитъ бѣдою.

Готовьтесь въ путь; вамъ выдадутъ сейчасъ же

Приказъ въ Британнію уѣхать съ принцемъ.

Я, какъ монархъ, не долженъ допускать

Бѣду такъ близко; а она грозитъ

Въ его безуміи ежеминутно.

Гильденштернъ.

Мы изготавимся. То страхъ священный,

Благоразумный, — сохранить для жизни

Такъ много, много душъ, живущихъ вами.

Розенкранцъ.

Простой и честный человѣкъ обязанъ

Стоять за жизнь всей силою души;

Тѣмъ больше духъ, отъ блага коего

Зависитъ жизнь и счастье столь многихъ.

Монархъ не можетъ умереть одинъ;
Въ свое паденіе онъ увлекаетъ
Все близкое, какъ горный водопадъ;
Онъ колесо гигантскаго размѣра,
Стоящее на высотъ горы;
И тысячи вещей прикрѣплены
Къ его огромнымъ и могучимъ спицамъ;
Падетъ оно, — ужасное паденье
Раздѣлять съ нимъ всѣ вещи мѣлочныя.
Еще монархъ ни разу не вздыхалъ,
Чтобы народъ съ нимъ вмѣстѣ не страдалъ.

Король.

Прошу, готовьтесь въ путь. На этотъ страхъ
Должны мы наложить оковы.
Его свобода слишкомъ велика.

Розенкранцъ и Гильденштернъ.
Мы поспѣшимъ.

(Уходятъ. Полоній входитъ).

Полоній.

Онъ къ матери идетъ, мой государь.
Я стану за ковромъ, чтобы слышать
Ихъ разговоръ. Повѣрьте, королева
Его порядкомъ побранитъ; и должно,
Какъ вы сказали, (а сказали вы умно)
Чтобъ кто нибудь, свидѣтель посторонній,
Ихъ разговоръ подслушалъ тихомолкомъ,
За тѣмъ, что мать пристрастна отъ природы.
Прощайте, государь; я къ вамъ зайду
И расскажу, что удалось узнать.

Король.

Благодарю, мой дорогой Полоній.

Полоній уходитъ.

Смрадъ моего грѣха доходить къ небу;
На мнѣ лежитъ древнѣйшее проклятье,....
Убийство брата. — Не могу молиться,
Хотя влечетъ меня къ молитвѣ воля;
Сильнѣйшій грѣхъ сражаетъ силу слова,
И я, какъ человекъ съ двоякимъ долгомъ,
Стою въ сомнѣніи — съ чего начать?
А дѣло позабылъ. Будь кровью брата
Насквозь проникнута моя рука,
Чтожь? Развѣ нѣтъ дождя на небесахъ,
Чтобъ убѣлить еѣ какъ снѣгъ весенній?
Зачѣмъ же есть святое милосердіе,
Какъ не за тѣмъ, чтобы прощать грѣхи?
И развѣ нѣтъ двойной въ молитвѣ силы, —
Паденье грѣшника остановить
И падающимъ милость испросить? Взгляну горь:
Мой грѣхъ свершенъ. Но какъ молиться мнѣ?
Прости мнѣ гнусное убійство? Нѣтъ,
Тому не быть! Я все еще властью
Всѣмъ, что меня къ убійству повлекло:
Короной, честолюбіемъ, женой.
Простятъ ли тамъ, гдѣ грѣхъ еще живетъ?
Въ испорченномъ житіи на этомъ свѣтѣ
Горсть золота въ преступника рукъ
Икупить казнь; постыдною цѣною
Закона власть нерѣдко подкупали.
Но тамъ не такъ! Обманъ тамъ не поможетъ;

Дьяннѣ тамъ въ ихъ настоящемъ видѣ,
И сами мы должны разоблачать
Своихъ грѣховъ преступную природу.
И такъ, что остается мнѣ? Подумать,
Расканье что можетъ совершить.
Что невозможно для него? — Но если
Нѣтъ силъ къ раскаянью, — оно безсилъ.
О горе мнѣ! О грудь, чернѣе смерти!
Душа, въ борьбѣ за свѣтлую свободу,
Еще тѣснѣй закована въ цѣпяхъ!
Спасите, ангелы! Колѣна, гнитесь!
Стальная грудь! Смягчись какъ грудь ребенка!
Быть можетъ вновь все будетъ хорошо.
Становится на колѣна.

Гамлетъ входитъ.

Теперь я могъ бы совершить, — удобно.
Онъ молится. Теперь я совершу, ...
И онъ пойдетъ на небеса,
И такъ я отомщенъ? О, это значить:
Злодѣй родителя убилъ, а я,
Я, сынъ его, злодѣя посылаю
На небеса!
Нѣтъ, то бымабъ награда, а не мѣсть.
Въ безпечномъ снѣ отца онъ умертвилъ,
Въ веснѣ грѣховъ цвѣтущаго какъ май.
Что сталося съ нимъ, то вѣдаетъ Создатель;
Но думаю, судьба его тяжка.
Отмщу ли я, убивъ его въ молитвѣ,
Готоваго въ далекую дорогу?

Нѣтъ!
Въ ножны, мой мечъ! Ты будешь обнаженъ
Ужаснѣ! Когда онъ будетъ пьянъ,
Во снѣ, въ игрѣ, въ забавахъ сладострастныхъ,
Съ ругательствомъ въ устахъ, среди занятій,
Въ которыхъ нѣтъ святыни и слѣда, —
Тогда рази, чтобы пятами къ небу
Онъ въ тартаръ полетѣлъ, съ душою черной
И проклятой, какъ адъ. Мать ждетъ меня.
Живи еще, но ты уже мертвецъ.
(Уходитъ.)

Король встаетъ.

Слова летать, но мысль моя лежить;
Безъ мысли слово къ небу не взлетитъ.
(Уходитъ.)

КОРОЛЕВА.

Ну, полно, сынъ; ты отвечаешь дерзко.

ГАМЛЕТЪ.

И, полно, матушка, вы говорите зло.

КОРОЛЕВА.

Что это значить, Гамлетъ?

ГАМЛЕТЪ.

Что такое?

КОРОЛЕВА.

Иль ты забылъ меня?

ГАМЛЕТЪ.

О нѣтъ, клянусь вамъ Богомъ!

Царица вы, вы деверя супруга,
И — еслибы не такъ! — моя вы мать.

КОРОЛЕВА.

Такъ пусть съ тобой другіе говорятъ.

ГАМЛЕТЪ.

Постой, садись; ты съ мѣста не сойдешь,
Пока я зеркала тебѣ не покажу,
Въ которомъ ты свою увидишь душу.

КОРОЛЕВА.

Что хочешь ты? Не умертвить меня?

Ей, помогите!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Комната Королевы

=

Королева и Полоній (*входятъ.*)

Полоній.

Сейчасъ придетъ; вы будьте съ нимъ построже,
Скажите, что его поступковъ дерзость
Нельзя терпѣть, что вашимъ заступленьемъ
Утишенъ гнѣвъ обиженного дяди.
Я спрячусь здѣсь; прошу васъ, не щадите.

КОРОЛЕВА.

Ручаюсь вамъ; о мнѣ не беспокойтесь.
Я слышу, онъ идетъ; — уйдите.

(*Полоній прячется.*)

ГАМЛЕТЪ (*входитъ.*)

Ну, матушка, скажите: что угодно?

КОРОЛЕВА.

Отецъ твой, Гамлетъ, оскорбленъ тобою.

ГАМЛЕТЪ.

Отецъ мой вами оскорбленъ.

Полоній (за сценой)

Помогите! Ей!

Гамлетъ.

Какъ? Мышь?

(Обнажаетъ шпагу)

Мертва! Мертва, держу червонецъ!

(Ударяетъ шпагою въ коверъ.)

Полоній за ковромъ.

О, я убить!

(Падаетъ и умираетъ).

Королева.

О горе! Что ты сдѣлалъ?

Гамлетъ.

Незнаю. Что? Король?

(Вытаскиваетъ Полонія изъ за ковра.)

Королева.

Какой кровавый, необдуманный поступокъ!

Гамлетъ.

Кровавый? Да, почти такой же гнусный,
Какъ короля супруга умертвить,
И вслѣдъ за тѣмъ съ его вѣнчаться братомъ.

Королева.

Какъ короля убить!

Гамлетъ.

Да, такъ сказалъ я. —

(къ Полонію).

Ты, жалкій, суетливый шутъ, прощай!

Тебя я высшимъ счелъ; возьми свой жребій!

Ты видишь, поспѣвать вездѣ, опасно. —

(Королеву).

Да не ломай такъ рукъ! Потише! Сядь!

Пусть лучше я твое сломаю сердце.

А я сломаю его, когда оно не вовсе

Преступнымъ навикомъ закалено,

Когда для чувствъ оно еще доступно.

Королева.

Въ чемъ проступилась я, что ты дерзася

Такъ дико порицать?

Гамлетъ.

Ты запятнала

Стыдливый цвѣтъ душевной чистоты;

Ты назвала измѣной добродѣтель;

Съ чела любви ты розы сорвала,

И вмѣсто ихъ невинной красоты

Цвѣтетъ болѣзнь; въ твоихъ устахъ, о мать,

Обѣтъ при брачномъ алтарѣ сталъ ложенъ,

Какъ клятва игрока; о, твой поступокъ

Исторгъ весь духъ изъ брачнаго обряда,

Въ пустыхъ словахъ измилъ всю сладость вѣры.

Горитъ чело небесъ, земли твердыни

При мрачной думѣ о твоихъ дѣлахъ
Грустна, какъ въ день передъ судомъ послѣднимъ!

Королева.

О горе мнѣ! Какой поступокъ, Гамлетъ,
Такъ громко говорить, гремѣть такъ грозно?

Гамлетъ.

Взгляни сюда! Вотъ два изображенья,
Портреты двухъ родныхъ по тѣлу братьевъ.
Взгляни, на сихъ бровяхъ какая дышетъ прелесть!
Чело Юпитера, и кудри Аполлона,
И Марса взоръ, на страхъ врагамъ горящій;
Въ немъ гордый видъ посланника боговъ,
Когда на горъ заоблачныя выси
Слетаетъ онъ съ небесъ; въ его чертахъ
Видна печать всѣхъ жителей Олимпа,
Чтобъ міръ призналъ, что онъ былъ человекъ.
То былъ твой мужъ. — Теперь взгляни сюда:
Вотъ твой супругъ; онъ, какъ сожженный колосъ,
Похитилъ жизнь у брата своего.
Есть очи у тебя? Могла ты бросить
Прекрасный лугъ нагорной вышины,
Чтобы гнилымъ питать себя болотомъ?
Есть очи у тебя? Нѣтъ, ты не можешь
Назвать лисовъ. Въ твои лѣта угаснулъ
Огонь въ крови; она уже покорно
Ждетъ выводовъ ума. Но чей разсудокъ
Могъ привести отъ этого къ тому?
Ты чувствъ не лишена; иначе какъ

Могла бы страсть въ твое закрѣсться тѣло?
Но эта чувственность, — она больна!
Тутъ не ошибся бы и сумасшедшій.
Безумство чувственности не подавить
Такъ глубоко, чтобъ въ ней не оставалась
Хоть капля выбора; довольно капли,
Чтобъ здѣсь избрать. Какой же черный демонъ
Толкнулъ тебя, играя въ эти жмурки?
Глаза безъ рукъ, рука безъ глазъ и слуха,
Здоровыхъ чувствъ малѣйшая частица
Не промахнулась бы такъ жестоко!
Гдѣжъ твой румянецъ, стыдъ? Когда ты можешь,
Лукавый адъ, горѣть въ костяхъ матроны,
Такъ пусть какъ воскъ растопится стыдливость
Горячей юности въ твоимъ огонь!
Не восклицай: «о стыдъ!» когда взиграетъ
Младая кровь; здѣсь вспыхнулъ снѣгъ холодный
И разумъ волю соблазнилъ!

Королева.

Умолкни, Гамлетъ! Въ глубь моей души
Ты обратилъ мой взоръ; я вижу пятна:
Ихъ черный цвѣтъ впитался такъ глубоко,
Что ихъ не смыть.

Гамлетъ.

Нѣтъ! Жить, на гнусномъ ложѣ
Дыша грѣхомъ; согнѣть въ его объятыхъ;
Любить и лстить въ гнѣздѣ кровосмѣшенія, . . .

Королева.

О, замолчи! Слова твои какъ ножъ
Мнѣ рѣжутъ слухъ. Умолкни, милый Гамлетъ!

Гамлетъ.

Убийца и злодѣй! рабъ, недостойный
И сотою части прежняго супруга!
Король-палецъ, укравшій діадему
И тайно спрятавшій её въ карманъ!

Королева.

Остановись!

(Духъ входитъ).

Гамлетъ.

Король изъ тряпокъ и лоскутьевъ!
Спаси меня, закрой меня крилами,
Сонмъ небожителей святыхъ!
Чего ты хочешь, образъ благородный?

Королева.

О горе мнѣ! Онъ обезумѣлъ!

Гамлетъ.

Ты не съ укоромъ ли явился къ сыну,
За то, что онъ не вынѣ минутъ страсти,
И грознаго вельнѣ не свершилъ?
Скажи!

Духъ.

Не позабудь! Мое явленье
Угасшій замыселъ должно воспламенить.
Взгляни! Надъ матерью витаешь ужасъ;
Стань между ней и тяжкою борьбою
Ея души; воображенье въ слабыхъ
Всего сильный. Заговори съ ней, Гамлетъ!

Гамлетъ.

Что съ вами, матушка?

Королева.

О, что съ тобою,
Что ты глаза вознилъ въ пустое мѣсто,
И говоришь съ пространствомъ безтѣлеснымъ?
Въ твоихъ очахъ душа сверкаетъ дико;
Какъ спящій стань на звукъ тревоги бранной,
Встаютъ власы на головѣ твоей!
О милый сынъ! Залей огонь недуга
Росой терпѣнія! Куда глядишь ты?

Гамлетъ.

На него.

Смотри, какъ блѣдно взоръ его горитъ!
И камни поняли бы горькій смыслъ
Его лица, его обиды тяжелой. —
О, не гляди! Твой жалкій, грустный образъ
Смягчить мое суровое рѣшенье,
И я его не совершу; быть можетъ
Слеза, не кровь, моею местью будетъ.

Королева.

Съ кѣмъ разговариваешь ты?

Гамлетъ.

Ты ничего не видишь тамъ?

Королева.

Нѣтъ, ничего; но все, что тамъ, я вижу.

ГАМЛЕТЪ.

И ты не слышала?

КОРОЛЕВА.

Ни слова, кромѣ насъ.

ГАМЛЕТЪ.

Взгляни! Смотри, какъ тихо онъ уходитъ!
Отецъ мой, точно какъ живой! Смотри!
Вонъ, вонъ идетъ онъ; вотъ выходитъ въ дверь.

(Духъ уходитъ.)

КОРОЛЕВА.

То лишь мечта фантазій твоей;
Душа сильна въ созданьяхъ безтѣлесныхъ,
Когда разсудокъ омраченъ.

ГАМЛЕТЪ.

Разсудокъ омраченъ?
Мой пульсъ, какъ твой, играетъ въ стройномъ тактѣ;
Его мелодія здорова, какъ въ твоёмъ.
Мои слова не бредъ души безумной.
Угодно ли? Я повторю ихъ снова;
Безуміе отпрянуло бы прочь. —
Спасеніемъ души я заклинаю!
Не умигчай душевныхъ ранъ, о мать,
Бальзамомъ лести, — будто говорить
Мое безумство, а не твой проступокъ.
Ты лишь слегка покроешь злую язву,
А ядъ невидимо вопьется внутрь.
Повѣдай Господу твои грѣхи;

Покайся въ томъ, что совершила ты,
И отврати грядущее молитвой.
Не удобряй негодную траву,
Чтобъ не росла она въ избытокъ силы.
А мнѣ — прости мою мнѣ добродѣтель!
Въ нашъ злой, развратный вѣкъ и добродѣтель
Должна просить прощенья у порока;
Да, ползати и молить, чтобъ онъ позволилъ ей
Творить ему добро.

КОРОЛЕВА.

О Гамлетъ! Гамлетъ!

Ты на двое мнѣ сердце разстерзаль!

ГАМЛЕТЪ.

Отбрось его худую половину,
Живи чиста съ его чистѣйшей частью.
Прощай! Но не пади на ложе дяди.
Пусть нѣтъ въ тебѣ добра, по крайней мѣрѣ,
Набрось личину добрыхъ дѣлъ. Привычка, —
Она чудовище, она какъ дьяволъ
Сознанье зла въ душѣ уничтожаетъ, —
Но здѣсь она есть ангелъ благодатный:
Свершенно добрыхъ, благородныхъ дѣлъ
Она даетъ и ловкую одежду;
Носить ее легко!
Будь въ эту почъ воздержною, потому
Воздержность будетъ для тебя все легче.
Привычка можетъ измѣнить природу;
Чудесной силою она смиритъ
Иль истребитъ врага. Прощай еще разъ!

И если ты благословенна жаждешь,
Благослови меня!

(Полонию)

Тебя, старикъ,
Тебя мнѣ жаль! Судьбѣ угодно было,
Чтобъ я тобой, а ты былъ мной наказанъ;
Она меня бичемъ своимъ избрала. —
За эту смерть отвѣтъ я дать съумѣю.
Я приберу его. Покойной ночи!
Я былъ жестокъ, но это отъ любви.
Зло сдѣлано, — но худшее насъ ждетъ.
Еще два слова.

Королева.

Что должна я дѣлать?

Гамлетъ.

Отнюдь не то, что я тебѣ сказалъ!
Пусть этотъ царь тебя на ложе нѣги
Заманитъ вновь, зовѣтъ своею милой,
И треплетъ по щекамъ. За поцѣлуй нечистый,
За ласку проклятой руки, — ты скажешь,
Что я притворю, что я не сумасшедшій.
Да! Расскажи!.... Оно не помѣшаетъ.
Тебѣ, прекрасной, непорочной, умной,
Такія вещи скрыть отъ крокодила,
Отъ жабы, отъ змѣи? И кто ихъ скрылъ бы?
Нѣтъ, нѣтъ! Уму и тайнѣ вопреки
Открой силокъ, — пусть птицы разлетятся;
А тамъ сама, какъ обезьяна въ баснѣ,

Попробуй испытать его устройство, —
Онъ голову тебѣ свернетъ.

Королева.

Повѣрь, когда слова дыханье жизни, —
То я мертва, и нѣтъ во мнѣ дыханья,
Чтобъ тайну рассказать твою.

Гамлетъ.

Я долженъ

Уѣхать въ Англію; извѣстно вамъ?

Королева.

Я позабыла, — да! — такъ рѣшено.

Гамлетъ.

Приказъ готовъ, подписанъ, запечатанъ,
И школьнымъ порученъ моимъ друзьямъ;
Я доверю имъ какъ двумъ ехиднамъ.
Они должны дорогу мнѣ очистить,
Герольдами вести меня къ измѣнѣ, —
Такъ пусть ведутъ! Забавно будетъ видѣть,
Какъ инженеръ взлетитъ съ своимъ снарядомъ.
Подъ ихъ подкопъ, когда я не обчелся,
Я подведу другой, аршинномъ глубже,
И онъ взорветъ ихъ до луны. О! Какъ отрадно
Столкнуть двѣ силы на одномъ пути! —
Теперь пора съ собой взять эту ношу;
Я въ ближній отнесу его покой.
Прощайте, матушка, покойной ночи! —

Какъ сталъ онъ важенъ, молчаливъ и тихъ,
Глушецъ, всю жизнь болтавшій безъ умолку!
Пойдемъ; вѣдь надобно жъ съ тобой окончить. —
Покойной ночи, матушка.

*(Уходятъ въ разные стороны.
Гамлетъ уноситъ Полонія.)*

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Комната въ замкѣ.

=

Король, Королева, Розенкранцъ, и Гильденштернъ.

Король.

Въ твоихъ глубокихъ вздохахъ
Скрытъ какой то смыслъ; намъ не мѣшаетъ
Узнать его; такъ объяснись. Гдѣ сынъ твой?

Королева, *Розенкранцу и Гильденштерну.*

Оставьте насъ.

О другъ! Что видѣла я въ эту ночь!

Король.

Какъ? что, жена? что дѣлаетъ Гамлетъ?

Королева.

Свирѣпствуетъ, какъ ураганъ на морѣ.
Въ безумной ярости онъ вдругъ услышалъ.
Какой то шорохъ за ковромъ; мгновенно
Онъ шагу выхватилъ, и съ крикомъ: мышь!
Невидя, старика убилъ.

Король.

Ужасно!

То былълюбъ и со мной, когдабъ я тамъ былъ.
Его свобода угрожаетъ всѣмъ:
Тебѣ, и мнѣ, и всякому другому.
Кто дастъ отвѣтъ въ такомъ кровавомъ дѣлѣ?
На насъ падеть упрекъ, что мы безумца
Отъ общества людей не удалили.
Но насъ любовь къ Гамлету ослѣпила:
Я не хотѣлъ понять, что намъ полезно;
Я скрылъ его, какъ гнусную болѣзнь,
Отъ взоровъ всѣхъ, и ядъ впитался въ тѣло,
И отравилъ всю кровь. Куда пошелъ онъ?

Королева.

Понесъ убитаго; на этотъ разъ
Его безумство оказалось чистымъ,
Какъ искра золота въ грубой рудѣ:
Онъ слезы льетъ о томъ, что совершилъ.

Король.

Пойдемъ, Гертруда.
Какъ скоро солнце горы озарить,
Онъ сядетъ на корабль; мы всѣмъ искусствомъ
И всѣмъ величествомъ должны укрыть
И извинить его поступокъ гнусный.
Эй, Гильденштернъ!

(Розенкранцъ и Гильденштернъ входятъ).

Друзья! Возьмите въ помощь

Себѣ кого нибудь и поспѣшите.
Въ припадкѣ бѣшенства Гамлетъ убилъ

Полонія, и утащилъ съ собою
Изъ комнатъ матери. Сынцита принца,
Поговорите съ нимъ словами ласки,
А трупъ велите отнести въ часовню.
Прошу скорѣй.

(Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ).

Пойдемъ, пойдемъ, Гертруда!

Мы созовемъ умнѣйшихъ изъ друзей,
Откроемъ имъ, что сдѣлать мы готовы,
И что, къ несчастію, совершено.
Такъ, можетъ быть, шипѣніе злословья,
Какъ выстрѣлъ пушечный до вѣрной цѣли
Несущее изъ края въ край земли
Свой острый ядъ, промчится мимо насъ
И ранитъ лишь нераздѣлимый воздухъ.
Пойдемъ, пойдемъ! Моя душа
Борьбы и ужаса полна.

(уходятъ).

— 146 —

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Другая комната въ замкѣ.

Гамлетъ *входитъ*.

Гамлетъ.

— Надежно запрятанъ. —

Розенкранцъ и Гильденштернъ *(за сценою)*.

Гамлетъ! Принцъ Гамлетъ!

Гамлетъ.

Тсъ! — Что за шумъ? Кто зоветъ Гамлета? А! Вотъ они.

(Розенкранцъ и Гильденштернъ входятъ).

Розенкранцъ.

Что вы сдѣлали съ трупомъ, принцъ?

Гамлетъ.

Приобщилъ его къ праху, которому онъ сродни.

Розенкранцъ.

Скажите гдѣ? чтобъ мы могли въ часовню
Его отнести.

Гамлетъ.

О, итъ, не вѣрьте.

Розенкранцъ.

Чему не вѣрить?

Гамлетъ.

Чтобы я умѣлъ беречь вашу тайну, а свою итъ. И
кромѣ того, — отвѣчать на вопросы губки! — Что отвѣ-
чать на это сыну короля?

Розенкранцъ.

Вы меня принимаете за губку, принцъ?

Гамлетъ.

Да; за губку, которая всасываетъ выраженія лица, по-
вѣлѣнія и милости короля. И такіе то люди оказываютъ
подъ конецъ королю самую лучшую услугу; онъ дер-
житъ ихъ, какъ обезьяна лакомый кусочникъ, за ще-
кою; прежде всѣхъ возьметъ ихъ въ ротъ, и послѣ всѣхъ
съестъ. Когда ему понадобится то, что ты всосалъ, ему
стоитъ только подавить тебя, — и ты опять сухая губка.

Розенкранцъ.

Я не понимаю васъ.

Гамлетъ.

Очень радъ: острое слово спитъ въ ушахъ глупца.

Розенкранцъ.

Принцъ! Вы должны сказать намъ, гдѣ трупъ, и идти
съ нами къ его величеству.

ГАМЛЕТЪ.

Трупъ у короля, однакоже короля нѣтъ при трупѣ.
Король есть нѣчто,

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Нѣчто?

ГАМЛЕТЪ.

— Или ничто. Пойдемъ къ нему.

(Уходятъ.)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Другая комната въ замкѣ.

=

Входитъ Король со свитою.

КОРОЛЬ.

Я трупъ и принца отыскать велѣлъ.

О! Какъ опасно, что его свобода

Неограниченна! Но я не смѣю

Съ нимъ поступить по строгости закона; —

Онъ такъ любимъ безсмысленной толпой,

Любящей взорами, а не разсудкомъ!

А если любить *такъ*, — передъ глазами

Одно страданіе, а не вина.

Чтобъ сгладить всё, внезапная побѣдка

Должна плодомъ расчета показаться;

Одно отчаянное средство можетъ

Болезнь отчаянную излечить.

(Розенкранцъ входитъ).

Ну, что?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Куда онъ мертвого запряталъ,

Шикакъ не удалось намъ допытаться.

Король.

А где онъ самъ?

Розенкранцъ.

Недалеко отсюда

Со стражею; ждете вашихъ приказаний.

Король.

Приведите его сюда.

Розенкранцъ.

Гильденштернъ! Введите принца.

(Гамлетъ и Гильденштернъ входятъ).

Король.

Ну, Гамлетъ, где Полоній?

Гамлетъ.

За ужиномъ.

Король.

За ужиномъ?

Гамлетъ.

Только не онъ кушаетъ, а его кушаютъ. Конгрессъ политическихъ червей только что за него принялся. И что касается до съестнаго, такъ этакой червячкишка единственный монархъ. Мы откармливаемъ животныхъ, чтобы откормить себя, а себя для червей. Жирный король и тощій бѣднякъ — только различныя кушанья, два блюда для одного стола. Этимъ все кончается.

Король.

Увы!

Гамлетъ.

Дѣло возможное удить червякомъ, который въ короля, и скушать потомъ рыбу, проглотившую червяка.

Король.

Что ты хочешь этимъ сказать?

Гамлетъ.

Я хочу только показать вамъ, какъ король можетъ прогуляться по пищеварительнымъ органамъ нищаго.

Король.

Где Полоній?

Гамлетъ.

На небесахъ. Пошлите справиться; если вашъ посланный не найдетъ его тамъ, такъ ищите сами въ другомъ мѣстѣ. Однакоже увѣрю васъ, если вы не отыщите его въ продолженіи мѣсяца, такъ онъ самъ скажется вашему носу на лѣстницѣ, что ведетъ въ галлерею.

Король свитъ.

Ступайте, ищите его тамъ.

Гамлетъ.

Онъ васъ дождется.

(Нѣкоторые изъ свиты уходятъ).

Король.

Гамлетъ, для безопасности твоей, —

Она мнѣ дорога, и я жалю

О томъ, что сдѣлалъ ты, — ты долженъ быстро

Какъ молнія отсюда удалиться.

Готовься въ путь: корабль уже готовъ.

Матросы ждутъ, попутный вѣтеръ вѣетъ,

Все въ Англію бѣжать тебѣ велить.

Гамлетъ.

Что, въ Англію?

Король.

Да, Гамлетъ.

Гамлетъ.

Хорошо.

Король.

Да, точно такъ, когда бы могъ ты видѣть

Мои намѣренія.

Гамлетъ.

Я вижу херувима,

Который видѣть ихъ. —

Однако, идемъ! Въ Англію! — Счастливо оставаться,
любезнѣйшая матушка!

Король.

Твой любящій отецъ, Гамлетъ.

Гамлетъ.

Моя мать. Отецъ и мать — мужъ и жена; мужъ и жена —
одно тѣло; слѣдственно, — счастливо оставаться, матушка!
Идемъ, въ Англію!

(Уходитъ.)

Король.

Ступайте по пятамъ за нимъ; скорѣе

Старайтесь заманить его на бортъ.

Не медлите; онъ ночью долженъ въ путь.

Скорѣе! Все, что нужно для дороги,

Все сдѣлано. Прошу васъ, поспѣшите.

(Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ.)

Ты жъ, Англія! Когда ты дорожишь

Моей любовью, — (власть моя научить

Тебя цѣнить ее: еще свѣжа

Мечемъ Датчанъ нанесенная рана,

И ты покорствуешь безпрекословно) —

Ты не посмѣешь пренебречь указомъ

Властителя; ты умертвишь Гамлета

Немедленно. О! Умертви его!

Въ моей крови свирѣпствуетъ какъ ядъ онъ.

Ты изцѣлишь меня. Пока онъ живъ,

И въ самомъ счастьи лишенъ я наслажденія.

(Уходитъ.)

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Равнина въ Даніи.

==

Фортиnbrасъ и войска на маршѣ

Фортиnbrасъ.

Полковникъ! Передайте мой поклонъ
Монарху Даніи и доложите,
Что Фортиnbrасъ желаетъ получить
Проводниковъ для перехода войска
Черезъ владѣнія Датчанъ.
Вы знаете, гдѣ насъ найти. Когда угодно
Его Величеству со мной поговорить,
Я лично выполню мой долгъ. Скажите такъ.

Полковникъ.

Исполню, принцъ.

Фортиnbrасъ.

Впередъ! Не торопиться!

*(Фортиnbrасъ и войско уходятъ.
Входятъ Гамлетъ, Розенкранцъ,
Гильденштернъ и другіе.)*

Гамлетъ.

Полковникъ, чьи это войска?

Полковникъ.

Норвежцы.

Гамлетъ.

Куда назначены?

Полковникъ.

На Поляковъ.

Гамлетъ.

А кто ведетъ ихъ?

Полковникъ.

Фортиnbrасъ, племянникъ
Норвежскаго царя.

Гамлетъ.

Вся Польша вашего похода цѣль,
Или одно изъ пограничныхъ мѣстъ?

Полковникъ.

Сказать вамъ истину, безъ прибавленія,
Такъ мы идемъ завоевать мѣстечко,
Которое не дастъ намъ ничего,
За исключеніемъ своего названія.
Я за него не далъ бы трехъ червонцевъ;
Да больше и не дастъ оно дохода
Ни намъ, ни Полякамъ.

Гамлетъ.

Такъ Поляки и защищать его не будутъ.

Полковникъ.

О, нѣтъ! Они его ужъ укрѣпили.

Гамлетъ.

Двѣ тысячи солдатъ и двадцать тысячъ
Червоицевъ не рѣшатъ ничтожный споръ!
Вотъ изва благоденствія и мира; —
Она горитъ внутри, когда снаружи
Причины къ смерти нѣтъ. Благодарю васъ.

Полковникъ.

Богъ да хранить васъ.

(Уходитъ.)

Розенкранцъ.

Принцъ! Угодно вамъ идти?

Гамлетъ.

Я тотчасъ буду къ вамъ, идите.

(Розенкранцъ и прочіе уходятъ.)

Гамлетъ.

Какъ все винить меня! Малѣйшій случай
Мнѣ говорить: проснись, лѣнивый мститель!
Что человѣкъ, когда свое все благо
Онъ полагаетъ въ снѣ? Онъ звѣрь, и только.
Кто создалъ насъ съ такою силой мысли,
Что мы въ минувшее и въ будущность глядимъ,
Тотъ вѣрно въ насъ богоподобный разумъ
Вселилъ не съ тѣмъ, чтобъ онъ безъ всякой пользы
Истлѣлъ въ душѣ. — Слѣзное ль то забвеніе,
Или желаніе узнать конецъ
Со всей подробностью, — (а въ этой мысли,

Какъ разложить ее, на часть ума
Три части трусости) — не понимаю
Зачѣмъ я живъ, зачѣмъ я говорю:
Свершай! Свершай! когда во мнѣ для дѣла
И сила есть, и средства, и желанье.
Меня зовутъ великіе примѣры,
Великіе какъ міръ. Такъ это войско
И юный вождь, принцъ нѣжный и цвѣтушій!
Его душа горитъ желаньемъ славы,
Лицемъ къ лицу онъ встрѣтился съ безвѣстнымъ
Исходомъ битвъ, и оболочку духа
Онъ предалъ смерти, счастью и мечамъ, —
Изъ за личной скорлупы. Великъ не
Тотъ истинно, кто безъ великой цѣли
Не возстаетъ, но за песчинку бьется на смерть,
Когда задѣта честь. Каковъ же я,
Когда меня ни матери безчестье,
Ни смерть отца, ни доводы разсудка,
Ни кровь родства не могутъ пробудить?
Гляжу съ стыдомъ, какъ двадцать тысячъ войска
Идутъ на смерть, и за видѣнье славы
Въ гробахъ какъ въ лагерьъ уснуть. За что?
За клочъ земли, гдѣ даже нѣтъ и мѣста
Сражаться всѣмъ, гдѣ для однихъ убитыхъ
Нельзя довольно накопать могилъ. —
Отныня, мысль, проникнута будъ кровью,
Иль будъ ничто!

(Уходитъ.)

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Эльсиноръ. Комната въ замкѣ.

==

Входятъ Королева и Гораціо.

Королева.

Я не хочу съ ней говорить.

Гораціо.

Она васъ проситъ

Такъ неотступно и въ такомъ волнении....

Ее нельзя не пожалеть.

Королева.

Чегожъ угодно ей?

Гораціо.

Она мечтаетъ

Все про отца, все говорить, что слышно,
Какъ дурень свѣтъ, бьетъ въ грудь себя и стонетъ;
Малѣйшій вздоръ готовъ ее встревожить.
Въ ея словахъ нѣтъ половины смысла;
Все дико въ нихъ, они пустыя звуки,
Но ихъ безобразность на заключенья
Наводитъ умъ того, кто имъ внимаетъ.

Изъ этихъ словъ съ догадкою слагаешь
Какой то смыслъ, сокрытый въ этихъ мнѣяхъ,
Въ движеніи рукъ, въ качаньи головы;
Невольно думаешь, что много злаго
Тутъ кроется, хотя ничто не ясно.

Королева.

Не худо съ ней поговорить.
Она легко къ опаснымъ заключеньямъ
Умы строптивыхъ приведетъ. Впусти ее.

(Гораціо уходитъ.)

Больной душъ моей малѣйшій случай
Является предвѣстникомъ несчастья;
Грѣхъ болѣзнь; страшась вездѣ измѣны,
Онъ измѣняетъ самъ себя.

(Гораціо и Офелія входятъ.)

Офелія.

Гдѣ прекрасная королева Данин?

Королева.

Какъ поживаешь, Офелія?

Офелія *(поетъ.)*

Гдѣ же милый твой, дѣвица?
Онъ пошелъ къ святымъ мѣстамъ
Босикомъ и въ плащаницъ, —
Скороль будетъ снова къ намъ?

Королева.

Къ чему эта пѣсня, милая Офелія?

ОФЕЛІЯ.

Что вы говорите? Нѣтъ, пожалуйста послушайте.

(Поетъ).

Будь покойна! Схоронили!

Не воротится домой!

Въичный домикъ осѣнили

Крестъ и камень гробовой.

О!

КОРОЛЕВА.

Однакоже, Офелія, . . .

ОФЕЛІЯ.

Пожалуста слушайте.

(Поетъ).

Какъ прекрасенъ былъ твой милый —

(Входятъ король).

КОРОЛЕВА.

Ахъ, смотри, другъ мой!

ОФЕЛІЯ поетъ.

Въ бѣломъ савонѣ, въ цвѣтахъ!

Какъ вокругъ его могилы

Всѣ стояли мы въ слезахъ!

КОРОЛЬ.

Что съ тобою, милая Офелія?

ОФЕЛІЯ.

Благодарю васъ, ничего. Говорять, сова была дочь хлѣбника. Боже мой! Мы знаемъ, что мы, да не знаемъ, что съ нами будетъ. Хлѣбъ соль вамъ!

КОРОЛЬ.

Намѣкъ на отца.

ОФЕЛІЯ.

Полно объ этомъ говорить; но если васъ спросятъ, что это значить, такъ отвѣчайте:

(Поетъ).

Завялась уже девинца,

Валентиновъ день насталъ.

Подъ окномъ стоитъ дѣвица;

Спишь ли, милый, или всталъ?

==

Онъ услышалъ, встрепенулся,

Быстро двери отворилъ,

Съ нею въ комнату вернулся,

Но не дву отпустилъ.

КОРОЛЬ.

Милая Офелія!

ОФЕЛІЯ.

Право, божиться нечего, а я сейчасъ кончу.

(Поетъ).

Пресвятая! Какъ безбожно

Клятву вѣрности забыть!

Ахъ! муциѣ только можно

Полюбить и разлюбить!

==

Ты хотѣлъ на мнѣ жениться,

Говорить ему она.

Онъ отвѣчаетъ:

Позабылъ! Хотѣ побожиться

Въ этомъ не моя вина.

КОРОЛЬ.

Какъ давно она въ этомъ состояніи?

О ф е л и я.

Надѣюсь, все пойдетъ хорошо. Надо быть терпѣливымъ; а невольно плачется, какъ подумаешь, что они положили его въ холодную землю. Братъ мой долженъ все узнать; спасибо вамъ за советъ. Подать мою карету! Покойной ночи! Покойной ночи!

(Уходитъ).

К о р о л ь.

Ступай за нею по пятамъ, Гораціо;
Пожалуста оберегай её.

Гораціо уходитъ.

О! Это ядъ глубокой скорби сердца!
Всему причиной смерть отца. — Заметь,
Гертруда, о Гертруда!
Заметь, когда ударить часъ несчастій,
Они не крадутся отдѣльно, какъ шпионы,
Но въ тѣсно сомкнутыхъ идутъ рядахъ.
Отецъ ея убить; твой сынъ увѣхалъ,
Виновникъ справедливаго изгнанья;
Народъ погрязъ въ догадкахъ, въ мрачныхъ думахъ
О быстрой смерти честнаго министра, —
(И опрометчиво мы поступили
Похоронивъ его такъ въ тихомолку);
Офелія, бѣдняжка, въ раздоръ
Сама съ собой и съ разумомъ прекраснымъ; —
А безъ него мы звѣри иль картины.
Но наконецъ, что хуже всѣхъ событій,
Лаертъ изъ Франціи вернулся втайнѣ,
Питаешь духъ угрюмымъ изумленьемъ,
И скрылся въ облакахъ; нѣтъ недостатка

Въ наушникахъ, чтобъ заразить его
Разсказомъ ядовитымъ объ убійствѣ,
При чемъ они, за недостаткомъ знанья,
Конечно насъ безъ страха обвиняютъ.
Вотъ что меня, о милая Гертруда,
Какъ градомъ пуль изранило на смерть.

Шумъ за сценой.

К о р о л е в а.

О Боже! что за шумъ?

Входитъ придворный.

К о р о л ь.

Сюда!

Гдѣ гвардія? Пусть защищаютъ дверь.
Что случилось!

П р и д в о р н ы й.

Спасайтесь, государь!

Самъ океанъ, сломивъ береговъ ограду,
На гладь луговъ не ринулся бѣ съливѣй,
Чѣмъ молодой Лаертъ, съ толпою черни,
На вашихъ слугъ. Народъ провозглашаетъ
Лаерта королемъ; какъ будто міръ
Едва лишь созданъ, и забыта древность,
И нѣтъ обычаевъ, — опоры словъ, —
Они кричатъ: мы изберемъ Лаерта!
Лаертъ будь королемъ! Уста и шепки
До облаковъ возносятъ дикій вопль:
Лаертъ будь королемъ! Лаертъ король!

КОРОЛЕВА.

Какъ весело заляли, напавъ
На ложный слѣдъ! Ошиблись, псы Датчане!

Шумъ за сценой.

КОРОЛЬ.

Дверь сломана.

*Лаертъ входитъ вооруженный.
За нимъ Датчане.*

ЛАЕРТЬ.

Ну, гдѣ жъ этотъ король? —
Вы, господа, останьтесь за порогомъ.

ДАТЧАНЕ.

Впустите насъ съ собой.

ЛАЕРТЬ.

Нѣтъ, нѣтъ, прошу васъ.

ДАТЧАНЕ.

Пожалуй, мы уйдемъ.

(Они уходятъ).

ЛАЕРТЬ.

Благодарю!

Загородите дверь. — Король презрѣнный!
Отдай мнѣ моего отца.

КОРОЛЕВА.

Спокойся,

Лаертъ, мой добрый!

ЛАЕРТЬ.

Грань спокойной крови
Изобличить во мнѣ дитя порока,
Стыдомъ покроетъ честь отца,
Клеймомъ разврата запятнаетъ мать!

КОРОЛЬ.

Къ чему гигантское твое возстанье?

(Гертруда).

Оставь его; не бойся за мою особу.
Вкругъ короля такая дышетъ святость,
Что, вертѣясь съ нимъ, измѣна забываетъ
Свой черный замыселъ. — Скажи, Лаертъ,
Чѣмъ распаленъ ты такъ? — Оставь, Гертруда. —
Ну, говори, Лаертъ.

ЛАЕРТЬ.

Гдѣ мой отецъ?

КОРОЛЬ.

Убить.

КОРОЛЕВА.

Однакоже не имъ.

КОРОЛЬ.

Пусть до сыта вопросовъ надасть.

ЛАЕРТЬ.

Какъ онъ погибъ? О! Я не доуincu
Себя дурачить! Въ адъ, вассала вѣрность!
Пусть сатана возьметъ мои всѣ клятвы!
Смиренье, совесть, въ глубочайшій тартаръ!

Я вѣчному проклятію смѣюсь, —
Такъ далеко зашелъ я, — оба міра
Зову на бой, и будь со мной, что будетъ!
И одного хочу: кровавой мести
За смерть отца.

Король.

И кто же помѣшаетъ?

Лаертъ.

Моя, а не вселенной воля!
Я съ средствами ничтожными сѣмью
Свершить великое.

Король.

Лаертъ, послушай:

Ты хочешь знать, какъ умеръ твой отецъ?
Скажи же мнѣ: неужели на мщенье
Обрекъ ты всѣхъ, враговъ какъ и друзей?

Лаертъ.

Однихъ враговъ.

Король.

И хочешь ты узнать ихъ?

Лаертъ.

О, я друзей приму въ мои объятья!
Какъ пелikanъ, я ихъ своею гровью
Готовъ питать!

Король.

Теперь ты говоришь
Какъ добрый сынъ, какъ двориницъ прямой.

Что я не виноватъ въ его убійствѣ
И истинно, глубоко огорченъ,
Ты это все увидишь также ясно,
Какъ око свѣтъ дневной.

ДАТЧАНИЕ (за сценой.)

Впустить ее!

Лаертъ.

Что это? Что за шумъ?

(Офелія входитъ, странно убранная
травками и цепями.)

О пламень, изсуши мой мозгъ! Сожги,
Слеза горячая, моихъ очей кристаллы!
Клянусь творцомъ! Мнѣ за твое безумство
Заплатятъ на всѣхъ, такъ, что на землю
Падетъ моя наполненная чаша.
О роза майская! Офелія! Сестра!
Дитя невинное! — О Боже мой!

Неужли умъ дѣвнцы молодой
Не крѣпче жизни старика?
О! какъ въ любви природа утончена!
Свой лучший даръ, разсудокъ драгоценный,
Она заставила ее отдать
На память милому!

Офелія поетъ.

Онъ лежалъ непокрытый въ гробу;
Его опустили въ могилу;
По немъ не одну проронили слезу, —

Прощай, мой голубокъ!

Л А Е Р Т Ъ .

Имѣй ты умъ и проповѣдуй мщеніе,
Ты насъ не тронула бь такъ глубоко.

О ф е л і я .

Вамъ надо пѣть: «въ могилу, въ могилу, зовите въ могилу
его!» А какъ идти этотъ напѣвъ къ шуму колеса на само-
пряжъ! Вѣдь это управитель, что соблазнилъ дочь своего
господина.

Л А Е Р Т Ъ .

Этотъ вздоръ значительнѣе смысла.

О ф е л і я .

Вотъ незабудки, это на память; не забывай меня, ми-
лый другъ! — А вотъ павилика, — она означаетъ вѣрность.

Л А Е Р Т Ъ .

Поученіе среди безумства; помянуты любовь и вѣрность.

О ф е л і я , (королю.)

Вотъ вамъ, — хмель и васильки; — (королеви) вамъ —
полюнь; она горька, какъ горько бываетъ раскаяніе. —
Вотъ петрѣнь меня. Я хотѣла дать вамъ и фіалокъ, да всѣ
онѣ завяли, когда умеръ отецъ мой. — Говорить, онъ тихо
скончался.

(постъ.)

Добрый молодецъ Робертъ,
Радость свѣтлая моя,...

Л А Е Р Т Ъ .

Тоску и грусть, страданья, слѣпый адъ,
Все въ красоту она преобразила.

О ф е л і я (поетъ).

Такъ не придетъ онъ къ намъ опять?
Его намъ больше не видать?

Его ужъ нѣтъ, его ужъ нѣтъ!
Какъ опустѣлъ вдругъ бывшій свѣтъ, —
Онъ не придетъ ужъ къ намъ опять!

Его вѣсы какъ мягкій лѣсъ,
Весеннимъ снѣгомъ ублѣненъ.

Но что печаль? Моей слезѣ
Не возвратитъ его земля, —
Будь въ небесахъ благословленъ!

Также какъ и всѣ христіане! Вотъ моя молитва. Счаст-
ливо оставаться.

(Уходитъ).

Л А Е Р Т Ъ .

Вы это видите ль, о Боже?

К о р о л ѣ .

Да, Ласертъ,

Съ твоей тоской я долженъ изъясниться;
Не отрицай мои права. Или,
Сбери умнѣйшихъ изъ твоихъ друзей,
И пусть они разсудятъ между нами.
Когда найдутъ, что стороною пль прямо
Я виноватъ, я отдаю корону,
Престолъ и жизнь, все, что мнѣмъ зовется,
Въ вознагражденіе тебѣ; но если нѣтъ,
Довольствуйся насъ подарить терпѣньемъ;
Съ твоей душой соединишь на мщеніе,
Мы возвратимъ ей миръ.

Л А Е Р Т Ь .

Пусть будетъ такъ.

Такой родъ смерти, тайна похоронъ,
Ни шпаги, ни герба на холмѣ гробовомъ,
Ни торжества, ни пышнаго обряда, —
Все это внятно, какъ небесный громъ,
Во всемъ велитъ мнѣ требовать отчета.

К О Р О Л Ь .

Тебѣ дадутъ его. И мечъ возмездья
Пусть на убійцу упадетъ. Пойдемъ со мною.

(Уходитъ).

С Ц Е Н А Ш Е С Т А Я .

Другая комната въ замкѣ.

=

Г О Р А Ц И О и слуга *входятъ*

Г О Р А Ц И О .

Кто хочетъ говорить со мной?

С л у г а .

Матросы.

У нихъ есть письма къ вамъ.

Г О Р А Ц И О .

Впусти ихъ.

(Слуга уходитъ).

Не знаю, ктобъ во всей вселенной
Могъ мнѣ поклонъ прислать, когда не Гамлетъ.

(Входятъ матросы).

1-й М а т р о с ь .

Здравія желаетъ.

Г О Р А Ц И О .

Благодарствую.

М а т р о с ь .

Вотъ къ вамъ письмо отъ посланника, вѣхавшаго въ
Англію, — если вы Гораціо, какъ мнѣ сказали.

ГОРАЦІО (*читаетъ*).

Гораціо! Когда ты просмотришь этотъ листокъ, доставь матросамъ доступъ къ королю; у нихъ есть къ нему письма. Мы и двухъ дней еще не были на морь, какъ сильный корсаръ вздумалъ за нами охотиться. Нашъ корабль шелъ не довольно быстро, и намъ пришлось по неволѣ быть храбрыми. Во время схватки я взошелъ на корсарскій фрегатъ, но въ тоже мгновеніе они отчалили отъ нашего корабля, и я одинъ попался въ плѣнъ. Они обошлись со мною какъ благородные мошенники, да впрочемъ хорошо знали, что дѣлаютъ; должно отплатить имъ тѣмъ же. Постарайся доставить королю посланныя письма, да поспѣши ко мнѣ, какъ бы бѣжалъ отъ смерти. Я скажу тебѣ на ушко слова, которыя тебя оглушаютъ; а они все еще слишкомъ легки въ сравненіи съ ихъ содержаніемъ. Матросы приведутъ тебя ко мнѣ. Розенкранцъ и Гильденштернъ продолжаютъ свое путешествіе въ Англію. Объ нихъ есть много чего поразсказать. Прощай.

Вѣчно твой Гамлетъ.

Пойдемъ; вы отдадите ваши письма,
И тѣмъ скорѣй, что вамъ идти со мною
Къ тому, кто вамъ вручилъ ихъ.

(*Уходитъ*).

СЦЕНА СЕДЬМАЯ.

Другая комната въ замкѣ.

=

Входятъ Король и Лаертъ.

Король.

Теперь, Лаертъ, ты принужденъ сознаться,
Что я не виноватъ; меня какъ друга
Ты долженъ въ сердца заключить; ты слышалъ,
Что тотъ, кто твоего отца убилъ,
И на мою отваживался жизньъ.

Лаертъ.

Да, это ясно. Но скажите мнѣ,
Зачѣмъ же вы не прекратили силой
Такихъ злодѣйствъ? Величіе престола,
Разсудокъ, вашъ покой, — все наконецъ
Хотѣло этого.

Король.

По двумъ причинамъ;

Тебѣ онъ покажется пустыми,
Но для меня онъ довольно сильны.
Гертруда, мать его, живетъ и дышетъ
Почти лишь имъ однимъ. Что до меня,
Я съ ней сроднился тѣломъ и душой,

И, какъ звѣзда въ своей горитъ лишь сферѣ,
Такъ я угасъ бы безъ нея. Другая
Причина, что я скрылъ его проступокъ, —
Народа сильная къ нему любовь.
Она съ него смываетъ всѣ пороки,
И изъ цѣпей творитъ благодѣянья.
Моя стрѣла легка въ такую бурю;
Ее вонзилъ бы ураганъ въ меня,
А не въ него.

Лаертъ.

А я отца утратилъ;
Сестра во тьмѣ безумства безнадежной;
Она, чья красота и добродѣтель,
(Когда погибшее позволено хвалить)
Не знала равнаго. Но погоди!
Часть мнѣнія придетъ!

Король.

Однакожь это
Тебя покоя не должно лишать.
Не почитай меня довольно слабымъ,
Чтобъ я опасность допустилъ схватить.
Меня за бороду и счесть бы это шуткой.
Ты въ скорости, Лаертъ, услышишь больше.
Я твоего отца любилъ, но также
Мы любимъ и самихъ себя; надѣюсь,
Изъ этаго ты можешь заключить,

(Входитъ вѣстникъ).
Что новаго?

Вѣстникъ.

Отъ Гамлета письмо;
Вотъ къ вамъ одно, другое къ королевѣ.

Король.

Отъ Гамлета? Но кто же ихъ принесъ?

Вѣстникъ.

Матросы, государь, какъ мнѣ сказали;
Я самъ ихъ не видалъ. Мнѣ письма отдалъ
Самъ Клавдіо; онъ взялъ ихъ у матросовъ.

Король.

Лаертъ, послушай, чтò въ письмѣ. — Оставь насъ.

(Вѣстникъ уходитъ).

(читаетъ).

«Великомощный! Знайте, что я нагой высаженъ на берега вашихъ владѣній. Завтра я попрошу позволенія явиться предъ ваши королевскіе очи, и расскажу вамъ, испросивъ напередъ прощенье, причину моего внезапнаго и чудеснаго возвращенія.

Какъ? Это что? Неужели всѣ вернулись?

Иль это выдумка, пустой обманъ?

Лаертъ.

Рука знакома вамъ?

Король.

Да, почеркъ принца.

«Нагой» а здѣсь прибавлено: «однѣмъ» —

Не можешь ли, Лаертъ, помочь совѣтомъ?

Лаертъ.

Мнѣ все загадочно. Но пусть придетъ;
Онъ вылечить болѣзнь моей души;
Его въ глаза я назову убійцей.

Король.

О, если такъ, Лаертъ, . . . но полно такъ ли? . . .
Да, иначе не можетъ быть. — Ты хочешь
Принять советъ мой?

Лаертъ.

Государь, хочу,
Когда на миръ меня онъ не преклонить.

Король.

Онъ миръ душевный возвратитъ тебѣ.
Гамлетъ, прѣхавши, забудетъ думать,
Что должно вновь отправиться въ дорогу.
Тогда его склоню я на поступокъ,
Давно обдуманнѣе въ моемъ умѣ, —
И онъ погибъ. Вокругъ его могилы
И вѣтеръ подозрѣнья не дохнетъ;
Да, мать сама все случаю припишетъ.

Лаертъ.

Я вамъ послѣдую, и тѣмъ скорѣе,
Когда меня орудьемъ вы избрали.

Король.

Ты угадалъ. Съ тѣхъ поръ, какъ ты уѣхалъ,
Тебя не разъ хвалили за искусство,

Въ которомъ ты, какъ говорятъ, великъ;
Гамлетъ бывалъ притомъ, и ни одинъ
Изъ всехъ даровъ твоихъ не возбуждалъ
Въ немъ столько зависти, какъ этотъ даръ,
По моему послѣднѣй.

Лаертъ.

Что за даръ?

Король.

На шляпѣ юности пустой цвѣтокъ,
Но также нужный; легкая одежда
Прилична юношѣ, какъ шуба старику;
Тѣмъ красота, другимъ здоровье нужно. —
Здѣсь былъ два мѣсяца тому назадъ
Одинъ Нормандецъ. Я Французовъ знаю;
Самъ былъ въ походѣ противъ нихъ, и видѣлъ
Что на конѣ Французы молодцы.
По этотъ былъ какъ будто чародѣй.
Къ сѣдлу, казалось, онъ приросъ, и лошадь
Къ такимъ чудеснымъ принуждалъ движеньямъ,
Что онъ и конь его, какъ будто, были
Одно твореніе. Его искусство
Такъ превзошло мое воображеніе,
Что я его скачковъ и оборотовъ
Постичь не въ силахъ.

Лаертъ.

Онъ Нормандецъ?

Король.

Лаертъ.

Ламоръ, клянусь въ томъ жизнью!

Король.

Точно, онъ.

Лаертъ.

Онъ мнѣ знакомъ: безцѣнный перлъ народа!

Король.

Онъ намъ рассказывалъ и о тебѣ.
Такъ горячо хвалилъ твое искусство
Владѣть оружіемъ, въ особенности шпагой,
Что восклицалъ: вы видѣли бы чудо,
Когдабъ ему нашелся въ битвѣ равный.
Онъ клялся, что бойцы его отчизны
Теряютъ глазъ, и силу и проворство,
Когда напасть на нихъ Лаертъ. Такой рассказъ
Ядъ зависти разлилъ въ душѣ Гамлета;
Онъ только и желалъ, чтобъ ты скорѣе
Пріѣхалъ къ намъ, чтобы съ тобой сразиться.
Изъ этого

Лаертъ.

Ну чтожъ изъ этого?

Король.

Отецъ твой дорогъ былъ тебѣ, Лаертъ?
Иль ты какъ скорбь на мертвомъ полотнѣ,
Лице безъ сердца?

Лаертъ.

Но къ чему вопросъ?

Король.

Не потому, чтобъ я питалъ сомнѣнье
Въ твоей любви къ покойному отцу.
Но знаю я, любовь рождаетъ время,
И время, говорить примѣръ и опытъ,
Ея огонь и искры утѣряетъ.
Средь пламени любви горитъ свѣтильникъ, —
Ея пагарь уничтожаетъ блескъ.
Ничто не остается вѣчно годнымъ;
Избытокъ силъ уничтожаетъ жизнь.
Когда ты что нибудь готовъ свершить,
Свершай, пока на то согласна воля.
Она измѣнчива, ослабить ей легко,
Легко уснуть отъ тысячи совѣтовъ,
Упасть отъ случая или сильныхъ рукъ.
И чтожъ тогда родитъ твоя готовность?
Безплодный вздохъ, вредящій облегченьемъ.
Но къ дѣлу! Гамлетъ будетъ здѣсь; тогда
На что рѣшился ты, чтобъ не словами
А дѣломъ доказать любовь къ отцу?

Лаертъ.

Я въ храмъ пойду за нимъ, чтобъ отомстить!

Король.

Конечно, храмъ убійцъ не защита,
И мнѣнье не должно въѣзжать грѣшницъ.
Но если ты убить его рѣшился,
Такъ будь же дома. Гамлетъ, возвратясь,
Услышитъ тотчасъ о твоёмъ пріѣздѣ.

Мы станемъ выхвалять твое искусство,
 Удвоимъ похвалы Нормандца; словомъ,
 Мы всѣхъ сведемъ, устроимъ поединокъ.
 Прямой, безпечный, чуждый подозрѣнья,
 Рапиру осматривать не станетъ онъ;
 И ты легко, съ уловкой небольшою,
 Возьмешь рапиру съ острымъ лезвиемъ
 И добрымъ наградишь его ударомъ
 За смерть отца.

Лаертъ.

Я награжу его.

Я шпаги остріе намажу ядомъ.
 Онъ купленъ мною у продавца лекарствъ,
 И такъ силенъ, что если омоченный
 Въ его составъ коснется крови ножикъ,
 Къ спасенію средства нѣтъ; во всей подлунной
 Такой цѣлебной не растетъ травы,
 Которая могла бы спасти отъ смерти
 Того, кто раненъ имъ. Такимъ то ядомъ
 Я шпагу омочу; едва коснувшись,
 Она убьетъ его.

Король.

Обдумаемъ же дальше,

Какія средства приведутъ насъ къ цѣли.
 Когда мы плохо разыграемъ роли
 И сквозь игру проглянетъ наша мысль,
 Такъ лучше бы не начинать. Намъ должно
 Иметь другой въ резервъ нашъ планъ.
 Пропалъ одинъ, такъ выручить другой.

Постой, подумаемъ. — О вашей силѣ
 И ловкости предложимъ мы закладъ,
 Нашель!

Когда въ бою томить васъ станетъ жажда,
 (Ты выпадай нарочно съ большимъ жаромъ)
 И Гамлетъ спроситъ пить, — я приготовлю
 Ему питье: пусть лишь омочитъ губы,
 И онъ погибъ, хотя бы отъ удара
 Клинка смертельнаго и былъ спасенъ.
 Но тише! Что за шумъ?

(Входитъ Королева)

Ну, что, Гертруда?

Королева.

За горемъ горе мчится по пятамъ.
 Твоя сестра, Офелія, — утонула.

Лаертъ.

О Боже! Утонула? Гдѣ?

Королева.

Тамъ ива есть; она, склонивши вѣтви
 Глядится въ зеркаль кристальныхъ водъ.
 Въ ея тѣни плела она гирлянды
 Изъ лилій, розъ, фіалокъ и жасмина.
 Вьнки цвѣтущія на вѣтвяхъ ивы
 Желая размѣстить, она взобралась
 На дерево; вдругъ вѣтвь подъ ней сломалась
 И въ воды плачущія пали съ нею
 Гирлянды и цвѣты. Ея одежда,
 Широко разстилаясь по волнамъ,

Несла ея съ минуту, какъ сирену;
Несчастная, беды не постигая,
Плыла и плала, плала и плала,
Какъ существо, рожденное въ волнахъ.
Но это не могло продлиться долго;
Одежда смокла и пошла ко дну;
Умолкли жизнь и прежние напѣвы.

ЛАЕРТЬ.

Такъ умерла она?

КОРОЛЕВА.

Да, умерла.

ЛАЕРТЬ.

Тебя, сестра, вода лишила жизни, —
Къ чему жъ мнѣ слезамъ еще катиться? —
А все бѣгутъ, все на глазахъ; природа
Беретъ свое, что стыдъ ни говори.
Но пусть бѣгутъ! потому я снова мужъ.
Прощайте, государь! Во мнѣ есть много
Словъ пламенныхъ, и вспыхнулобъ они,
Да эта глухость загасила ихъ.

(Уходитъ).

КОРОЛЬ.

Пойдемъ за нимъ; съ какимъ трудомъ, Гертруда,
И гнѣвъ въ немъ усмирить! И что же? Снова
Готовъ онъ вспыхнуть. — О, пойдемъ пойдемъ.

(Уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Кладбище.

=

Два Могильщика входятъ съ заступами, и пр.

1-й Могильщикъ.

А что, еѣ по христіански будутъ хоронить? Вѣдь она
самовольно искала спасенія.

2-й Могильщикъ.

Говорять тебѣ, по христіански. Копай же проворѣе
могилу! Было слѣдствіе, и рѣшили: похоронить еѣ какъ
христіанку.

1-й Могильщикъ.

Да какъ же это, если она утопилась не для своей защиты?

2-й Могильщикъ.

Выходить такъ.

1-й Могильщикъ.

Нѣтъ, дуракъ! Вѣрно это случилось се offendendo. Вѣдь
вогъ въ чемъ дѣло: коли я топлюсь, такъ значитъ лезу
въ воду; а пользы, такъ хотѣлъ утопиться. Стало быть
она утонилась то не съ дуру.

2-й Могильщикъ.

Не то ты говоришь, братъ.

1-й Могильщикъ.

Погоди. — Вотъ вода, да; а вотъ человекъ. Ну, идетъ онъ въ воду и тонитъ, такъ чтожъ? Вольно тониться, вольно пѣтъ, а все таки пропалъ. Слышь ты? А какъ вода то къ нему приступить, да залить, такъ вѣдь онъ не самъ утопился. Стаю кто не наложилъ на себя рукъ, тотъ и жизни не укоротилъ.

2-й Могильщикъ.

И въ законъ такъ сказано?

1-й Могильщикъ.

И въ законъ такъ.

2-й Могильщикъ.

А сказать правду? Не будь она болышняя, такъ не хоронили бы еѣ по христіански.

1-й Могильщикъ.

Твоя правда; да то то и горе: знатымъ господамъ и вѣшаться и тониться сручнѣе. Нутка за заступы! Садовники да могильщики все старше всѣхъ дворянъ: Адамово ремесло!

2-й Могильщикъ.

А Адамъ былъ дворянинъ?

1-й Могильщикъ.

Его благородіе.

2-й Могильщикъ.

Шутишь!

1-й Могильщикъ.

Какія шутки! Я задамъ тебѣ еще одинъ вопросъ, и если ты не ответишь, такъ признайся.

2-й Могильщикъ.

Задавай.

1-й Могильщикъ.

Кто строитъ прочнѣе каменщика, корабельщика и плотника?

2-й Могильщикъ.

Висельщикъ. Висельница переживаетъ всѣхъ своихъ жильцовъ.

1-й Могильщикъ.

Не дурно. Висельница дѣлаетъ добро, да какъ? Она дѣлаетъ добро тѣмъ, кто самъ худо поступаетъ. А ты вѣдь худо сдѣлалъ, сказавши, что она состроена прочнѣе всего другаго, такъ выходитъ, висельница сдѣлала бы тебѣ добро. Отвѣчай еще разъ!

2-й Могильщикъ.

Кто строитъ прочнѣе каменщика, корабельщика и плотника?

1-й Могильщикъ.

Да, отвѣчай, — и баста.

2-й Могильщикъ.

А вотъ же знаю.

1-й Могильщикъ.

Ну?

2-й Могильщикъ.

Чортъ возьми! Нѣтъ, незнаю.

(Гамлетъ и Гораціо показываются вдали.)

1-й Могильщикъ.

Не ломай башки. Осель не побѣжить, хоть убей его; а если кто опять задасть тобѣ этотъ вопросъ, такъ отвѣчай: могильщикъ. Его дома стоять до страшнаго суда. Сходика въ питейный, да принеси кварту.

(2-й Могильщикъ уходитъ. 1-й копаетъ и поетъ.)

Я въ старину былъ славный малой;
Волочился во всю ночь.
Куда какъ весело, бывало,
Проходили день и ночь!

ГАМЛЕТЪ.

Неужели онъ не чувствуетъ, чѣмъ занять! копаетъ могилу и поетъ.

ГОРАЦИО.

Привычка сдѣлала его равнодушнымъ.

ГАМЛЕТЪ.

Такъ обыкновенно бываетъ: чѣмъ меньше рука работаетъ, тѣмъ нѣжнее у нея чувство.

1-й Могильщикъ (поетъ.)

А какъ пришла колдунья старость,
Заморозила всю кровь;
Веселье прочь, прогнала шалость,
Какъ рукой сняла любовь.

(выбрасываетъ черепъ.)

ГАМЛЕТЪ.

Въ этомъ черепѣ былъ когда то языкъ, и онъ могъ пѣть! А какъ этотъ бездѣльникъ швырнулъ его о землю; точно будто челюсть Кайна, перваго убійцы! Можетъ быть это была голова политика, мечтавшаго перехитрить самаго Господа Бога; и этотъ осель перехитрилъ его теперь; не такъ ли?

ГОРАЦИО.

Дѣло возможное.

ГАМЛЕТЪ.

Или придворнаго, которому ничего не стоило говорить: добраго утра, ваше высочество! Позвольте пожелать вамъ всевозможнаго счастья! Онъ могъ быть черепомъ господина А, который хвалилъ лошадь господина В, потому что ему хотѣлось получить се въ подарокъ. Не такъ ли?

ГОРАЦИО.

Все можетъ быть, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

И вотъ онъ сталъ господниъ Х; сгнилъ, и челюсти его сносятъ удары отъ заступа могильщика. Превращеніе не душно, жаль только, что мы не знаемъ искусства посмотреть его. Неужели питаніе и воспитаніе этихъ костей стоило такъ мало, что ими можно играть въ кегли? Мои собственные болятъ, когда подумаю объ этомъ.

1-й Могильщикъ (поетъ.)

Такъ чтоже? Факель погребальный,
Изъ шести досокъ ларецъ,
Да саванъ, крестъ, да хоръ печальный, —
Всякой пѣсенки конецъ.

(выбрасываетъ черепъ.)

Гамлетъ.

Вотъ еще одинъ. Почему не быть ему черепомъ приказнаго? Гдѣ теперь его кляузы, ябедничество, крючки, взятки? Зачѣмъ терпѣть онъ толчки этого грубіяна, и не грозитъ подать на него жалобу о побояхъ? Гмъ! Этотъ молодецъ былъ, можетъ статься, въ свое время ловкимъ прожектеромъ, скупалъ и продавалъ имѣнія. А гдѣ теперь его крепости, векселя и проценты? Неужели всѣми купчими купилъ онъ только клочокъ земли, который могутъ покрыть пара документовъ? Всѣ его крепостныя записи едва ли помѣстились бы въ этомъ ящикѣ, а самому владѣльцу досталось не больше пространства? А?

Горацио.

Ни шагу.

Гамлетъ.

Пергаментъ дѣлается изъ бараньей кожи?

Горацио.

Да, и изъ телячьей.

Гамлетъ.

Телята же и бараны тѣ, кто ползгается на пергаментъ. — Заговорю съ этимъ молодцомъ. — Эй, чья это могила?

1-й Могильщикъ.

Моя сударь.

(Поетъ.)

Да саванъ, крестъ, да хоръ печальный, —
Всякой пѣсенки конецъ.

Гамлетъ.

Конечно твоя, потому что ты въ ней. Но какой человекъ будетъ похороненъ въ ней?

1-й Могильщикъ.

Никакой.

Гамлетъ.

Ну, такъ какая женщина?

1-й Могильщикъ.

Никакая.

Гамлетъ.

Кто же наконецъ?

1-й Могильщикъ.

То, что было некогда женщиной; да она скончалась, спаси Господи ея душу!

Гамлетъ.

Каковъ смѣльчакъ! съ нимъ надо говорить осторожно, онъ загоняетъ насъ словами. Нашъ вѣкъ, Горацио, замѣтилъ я, такъ помѣшанъ на остротахъ, что все острить: и крестьянинъ и писатель, только первый обыкновенно удачливъ. Какъ давно ты могильщикомъ?

1-й Могильщикъ.

Изъ всѣхъ дней въ году я поступилъ въ могильники именно въ тотъ день, когда покойный король Гамлетъ побѣдилъ Фортинбраса.

Гамлетъ.

А давно это?

1-й Могильщикъ.

Будто вы не знаете? Всякій дуракъ это знаетъ. Въ тотъ же день родился Гамлетъ, что сошелъ теперь съ ума и отправленъ въ Англію.

Гамлетъ.

Право? Зачѣмъ онъ туда отправленъ?

1-й Могильщикъ.

Затѣмъ что ряхнулся. Тамъ, вишь ты, поумнѣетъ; а впрочемъ, хоть и нѣтъ, такъ въ Англіи это не бѣда.

Гамлетъ.

Отчего?

1-й Могильщикъ.

Тамъ не замѣтять; тамъ всѣ дураки.

Гамлетъ.

Отъ чего же сошелъ онъ съ ума?

1-й Могильщикъ.

Да говорятъ какъ то чудно.

Гамлетъ.

Какъ чудно?

Могильщикъ.

Да будто бы отъ того, что помѣшался.

Гамлетъ.

На чемъ же онъ помѣшался?

Могильщикъ.

Да на Датской землѣ. Вотъ уже тридцать лѣтъ какъ я здѣсь могильщикомъ.

Гамлетъ.

Какъ долго пролежитъ человекъ въ землѣ не сгнивши?

Могильщикъ.

Если не сгнилъ за живо (а нынче это случается частенько), такъ продержится лѣтъ 8 или 9. Кожевникъ 9 лѣтъ.

Гамлетъ.

Отчего же онъ держится дольше другихъ?

Могильщикъ.

Эхъ, сударь, его работа такъ выдѣлываетъ его кожу, что она долго не пропускаетъ воды; а вода куда скоро уничтожаетъ негодные трупы. Вотъ этотъ черепъ 23 года пролежалъ въ землѣ.

Гамлетъ.

Чей онъ?

Могильщикъ.

Безмозглаго дурака. Какъ вы думаете, чей?

Гамлетъ.

Не знаю.

Могильщикъ.

Проваль бы его побралъ, мошенника! Онъ вылилъ разъ мнѣ на голову цѣлую бутылку Рейнвейна. Этотъ черепъ Юриковъ, что былъ шутомъ у короля.

Гамлетъ.

Этотъ?

(Беретъ черепъ).

Могильщикъ.

Этотъ самой.

Гамлетъ.

Бѣдный Юрикъ! — Я зналъ его, Горацію; человекъ съ безконечнымъ юморомъ, съ дивною фантазією. Тысячу разъ носилъ онъ меня на плечахъ, а теперь — какъ отталкиваетъ мое воображеніе эти останки! Мнѣ почти дурно.

Тутъ были уста, — я цаловалъ ихъ такъ часто! Гдѣ теперь твои шутки? Твои ужимки? Гдѣ пѣсни, молніи остротъ, отъ которыхъ всѣ пирующие хохотали до упаду? Кто состригъ теперь надъ твоею же костяной улыбкой? Все пропало. Иди же теперь въ будуаръ знатной дамы и скажи ей, что если она хоть на палецъ наложить румянъ, лице ея будетъ наконецъ такимъ же. Заставь ея посмѣяться этому! — Сдѣлай милость, Гораціо, скажи мнѣ только это.

Г о р а ц і о .

Что, принцъ?

Г а м л е т ъ .

Какъ ты думаешь, Александръ былъ въ землѣ такимъ же?

Г о р а ц і о .

Точно такимъ.

Г а м л е т ъ .

И имѣлъ такой же запахъ? Фи!

(Бросаетъ черепъ).

Г о р а ц і о .

Такой же.

Г а м л е т ъ .

До какого низкаго употребленія мы нисходимъ, Гораціо! Почему не преслѣдовать воображенію благородный прахъ Александра до пивной бочки, гдѣ онъ замажетъ ея втулку?

Г о р а ц і о .

Разсматривать вещи такъ, значило бы разсматривать ихъ слишкомъ подробно.

Г а м л е т ъ .

Нисколько. До этого можно дойти очень скромно и по пути вѣроятности. Напримѣръ: Александръ умеръ, Александръ похороненъ. Александръ сдѣлался прахомъ; прахъ земля; изъ земли дѣлается замазка, и почему же бочкѣ не быть замазанной именно прахомъ Александра?

Кто поселялъ въ народахъ страхъ,

Предъ кѣмъ дышать едва лишь смѣли,

Великій Цезарь, — нынѣ прахъ,

И имъ замазываютъ щели!

Но тише! Отойдемъ! Идетъ король

(Священники и пр. идутъ въ процессіи; въ гробу тѣло Офеліи; за ней Лаэртъ и траурная свита; Король, Королева, придворные, и т. д.)

И королева! Дворъ! За кѣмъ они идутъ?

Кого съ неполнымъ торжествомъ хоронятъ?

Какъ видно, онъ отчаянной рукою

Самъ жизнь свою пресѣкъ. И кто то знатный.

Постороннимся, поглядимъ!

(Удаляется съ Гораціо.)

Л а э р т ъ .

Какіе же еще обряды будутъ?

Г а м л е т ъ .

Вотъ благородный юноша, Лаэртъ.

Смотри.

Л а э р т ъ .

Какія же еще обряды?

1-й Священникъ.

Обрядъ печальный совершаемъ мы,
Какъ намъ позволено; ея кончина
Была сомнительна, и еслибъ высшій
Приказъ не измѣнилъ порядка церквей,
Она бъ до страшнаго суда лежала
Въ землѣ неосвященной. Прахъ и каминь,
А не молитвы христіанъ должны бы
Её въ могилу провожать.
Теперь вѣнокъ дѣвическій ей дали,
На гробъ падутъ невинныя цвѣты
И онъ святой покроется землею.
При похоронныхъ звукахъ мѣди.

Л а е р т ь.

И больше ничего?

1-й Священникъ.

Нѣтъ, ничего.

Мы осквернили бы святую службу,
Пропѣвъ ей реквиемъ, какъ вѣсмъ, почившимъ въ мирѣ.

Л а е р т ь.

Спустите гробъ. — Изъ дѣвственнаго праха
Взрастутъ цвѣты! — Отецъ жестокосердый!
Я говорю тебѣ: страдая въ адѣ,
Ты узришь Ангеломъ мою сестру.

Г а м л е т ь.

Офелія!

К о р о л е в а бросая на гробъ цвѣты.

Цвѣты цвѣтку! Прощай! — Ты будешь
Супругой Гамлета — мечтала я!

Не ранній гробъ твой, — свадебное ложе,
Дитя прекрасное, я думала убрать.

Л а е р т ь.

О, горе, горе безъ числа и мѣры
Проклятую да поразить главу
Того, кто погасилъ въ тебѣ разсудокъ
Своимъ злодѣйствомъ! — Не бросайте землю;
Въ послѣдній разъ хочу её обнять я!

(Прыгаетъ въ могилу).

Теперь надъ мертвой и живымъ насыпьте
Могильный холмъ превыше пеліона
И звѣзднаго Олимпа голубой главы!

Г а м л е т ь приближаясь.

Кто тотъ, чья горестъ такъ полна эмпазы?
Кому, остановясь въ своемъ пути,
Внимаютъ съ ужасомъ луна и звѣзды?
Я Гамлетъ, Датскій принцъ!

(прыгаетъ въ могилу)

Л а е р т ь.

Пусть сатана твою исторгнетъ душу!

(Борется съ Гамлетомъ.)

Г а м л е т ь.

Ты худо молишься. Подальше руки!
Не пылокъ я, но берегись: во мнѣ
Есть кое что опасное. Прочь руки!

К о р о л ь.

Рознять ихъ.

Королева.

Гамлетъ! Гамлетъ!

Всѣ

Господа!

Горацио.

Принцъ, успокойтесь!

(Нѣкоторые изъ свиты разнимаютъ ихъ и они выходятъ изъ могилы).

Гамлетъ.

Объ этомъ я готовъ съ Лаертомъ биться,
Пока глаза на вѣки не померкнутъ!

Королева.

О чемъ, мой милый Гамлетъ?

Гамлетъ.

Я любилъ

Офелію; и сорокъ тысячъ братьевъ
Со всею полнотою любви не могутъ
Ее любить такъ горячо. — Скажи,
На что готовъ ты для нея?

Король.

Лаертъ,

Онъ сумасшедшій.

Королева.

Ради всѣхъ святыхъ,

Оставь его!

Гамлетъ.

Скажи, на что готовъ ты? Плакать? Драться?

Постить? Терзать себя? Пить острый лдь?

Я тоже сдѣлаю. — Ты выть пришелъ?

Ты мнѣ на зло спрыгнулъ въ ея могилу?

Ты хочешь съ ней зарытымъ быть? Я тоже.
Ты говоришь о высыяхъ горъ? Такъ пусть же
На насъ навалятся миллионъ холмовъ,
Чтобъ ихъ глава страны огня коснулась
И Осса передъ нимъ былабъ песчинкой!
Я разглагольствовать умѣю какъ и ты.

Королева.

Гамлетъ безумствуетъ; но не надолго
Припадокъ бѣшенный имъ овладѣлъ.
Мгновеніе, и онъ какъ голубица,
Родивъ на свѣтъ детей золотоперыхъ,
Опуститъ крылья на покой.

Гамлетъ.

Послушай!

За что ты такъ обходишься со мною?
Тебя всегда какъ брата я любилъ, —
Да впрочемъ что до этого за дѣло!
Пусть силу грозную являетъ намъ Алкидъ,
А котъ мяукаетъ и песъ себя ворчитъ.

(Уходитъ).

Король.

Горацио, прошу, иди за нимъ.

Горацио уходитъ.

Лаертъ! Вчерашній разговоръ нашъ долженъ
Твое терпѣнье укрѣпить. — Гертруда!
Смотри, чтобъ сынъ твой не ходилъ безъ стражи. —
Мы здѣсь живой воздвигнемъ мавзолей. —
Лаертъ, ужъ близокъ часъ успокоенья,
Но къ цѣли доведеть одно терпѣнье.

(Уходятъ).

ГАМЛЕТЪ.

Изъ моей каюты

Набросивъ плащъ, я выскочилъ поспѣшно,
Искалъ ихъ въ тѣмъ, нашелъ благополучно,
Схватилъ пакеть, и вновь въ мою каюту.
Мой страхъ изгналъ всю скромность изъ души,
И смѣло вскрылъ я короля приказъ.
Я подлость царскую нашелъ, Гораціо:
Приказъ, чтобъ по безчисленнымъ причинамъ,
Для блага Даніи, для истребленья
Великихъ бѣдъ, грозящихъ государству,
Меня сейчасъ, немедленно казнить,
И палачу не давши даже срока,
Чтобъ наточить топоръ.

ГОРАЦІО.

Возможноль?

ГАМЛЕТЪ.

Вотъ приказъ; прочтешь въ другое время.
Но хочешь знать, какъ поступилъ я дальше?

ГОРАЦІО.

Прошу васъ, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Опутанный коварствомъ,

Я не успѣлъ и съ мыслями собраться,
Какъ планъ уже созрѣлъ. Я сѣлъ къ столу,
Я выдумалъ и написалъ указъ.
Когда то я, какъ знатные вельможи,
Считалъ стыдомъ имѣть хорошій почеркъ,

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Зала въ замкѣ.

==

ГАМЛЕТЪ и ГОРАЦІО *входятъ*.

ГАМЛЕТЪ.

О семъ достаточно; узнай другое.
Всѣ обстоятельства ты помнишь хорошо?

ГОРАЦІО.

Ихъ помнить, принцъ!

ГАМЛЕТЪ.

Какой то родъ борьбы

Въ моей груди, лишалъ меня покоя.

Мнѣ чудилось, что скованъ я тѣснѣ

Убийцы въ кандалахъ. Въ одно мгновенье,....

(И быстрому рѣшенію спасбо!

Насъ иногда спасаетъ безразсудность,

А планъ обдуманнѣе не удастся;

Есть божество, ведущее насъ къ цѣли,

Какой бы путь ни избирали мы).

ГОРАЦІО.

Да, это вѣрно.

И позабыть его хотѣлъ; теперь
Онъ службу вѣрную мнѣ сослужилъ.
Ты хочешь знать, что написалъ я?

Горацио.

Да.

Гамлетъ.

Отъ царскаго лица я заклиналъ,
Когда Британнія ему вѣрна,
Когда союзу ихъ цвѣсти какъ пальмѣ,
И если миръ хотѣтъ они украсить
Вѣнкомъ неувядающихъ колосьевъ,
То чтобъ тотчасъ, бумагу прочитавши,
Посланиковъ, безъ дальнихъ разсужденій,
Не давъ имъ и на исповѣдь минуты,
Лишить головъ.

Горацио.

Но какъ же удалось вамъ
Печать къ конверту приложить?

Гамлетъ.

И тутъ

Мнѣ провидѣнье помогло. Со мною
Была печать покойнаго отца,
Модель теперешней печати датской.
Сложивъ письмо по образцу другаго,
Я сдѣлалъ надпись, приложилъ печать,
И положилъ, откуда взялъ. Подлогъ
Замѣченъ не былъ. Въ слѣдующій день
Случилась битва, и конецъ ты знаешь.

Горацио.

Такъ Гильденштернъ и Розенкранцъ пошли
На смерть.

Гамлетъ.

И, другъ, они на то и годны.

Они мою не потревожатъ совѣсть.
Не сами ль смерть накликали они,
Ввязавшись въ дѣло? Плохо, если слабый,
Бросается въ средину межъ мечей
Бойцовъ сильнѣйшихъ.

Горацио.

Вотъ король!

Гамлетъ.

Ну что?

Теперь довольно ли меня задѣли?
Тому, кто отравилъ отца — монарха,
Кто мать развратилъ, кто ловко втерся
Между избраньемъ и моей надеждой,
Кто такъ хитро свои забросилъ сѣти
На жизнь мою, — съ нимъ разсчитаться
Не въ правъ ли моя рука? Не грѣхъ ли
Терпѣть, чтобъ эта изва истребила
Все тѣло до костей?

Горацио.

Конечно скоро

Изъ Англіи дадутъ ему извѣстье,
Какъ выполненъ его приказъ.

Гамлетъ.

Да, скоро;

Но промежутокъ мой. Жизнь челоуѣка

Быстра, — и одного счастья не успеешь.

А жаль мнѣ, другъ Гораціо, что съ Лаертомъ

Я такъ забылся; въ жребіи его

Я вижу мой. Его я уважаю;

Но право, другъ, риторика печали

Меня взбѣсила.

Гораціо.

Тише! Это кто?

(Входитъ Озрикъ.)

Озрикъ.

Честь имѣю поздравить ваше высочество съ прїѣздомъ.

Гамлетъ.

Благодарю покорно. — Знаешь ты эту стрекозу?

Гораціо.

Нѣтъ, принцъ.

Гамлетъ.

Тѣмъ лучше для тебя, знать его — уже порокъ. У него много земли, и очень плодородной; пусть скотъ будетъ царемъ скотовъ, если его будутъ стоять на ряду съ царскимъ столомъ. Это сорока, но, какъ я уже сказалъ, владыка огромнаго пространства грязи.

Озрикъ.

Еслибы вашему высочеству было время, я желалъ бы сообщить вамъ кое что отъ его величества.

Гамлетъ.

Я выслушаю васъ съ полнымъ вниманіемъ. Надѣньте шляпу: она для головы.

Озрикъ.

Благодарю, ваше высочество; очень жарко.

Гамлетъ.

Нѣтъ, мнѣ кажется, очень холодно; вѣтеръ съ сѣвера.

Озрикъ.

Точно, довольно холодно, принцъ.

Гамлетъ.

Однако же мнѣ какъ будто ужасно жарко и душно; или можетъ быть мое сложеніе —

Озрикъ.

Необыкновенно жарко, принцъ; такъ и душить, точно какъ будто,.... право, я не знаю. Его величество приказалъ мнѣ извѣстить васъ, принцъ, что онъ держитъ за васъ значительное пари. Вотъ въ чемъ дѣло: —

Гамлетъ.

Пожалуста не забывайте.

(Онъ заставляетъ его надѣть шляпу.)

Озрикъ.

Нѣтъ, принцъ, позвольте! Мнѣ такъ свободите. Недавно прибылъ сюда Лаертъ; клянусь честью, молодецъ, исполненный дарованій, краснорѣчивый и красавецъ! Должно отдать ему справедливость: онъ образецъ хорошаго тона, въ немъ найдете вы все, чего можетъ пожелать себѣ благородный юноша

Гамлетъ.

Исчисленіе его достоинствъ не теряетъ ничего въ вашихъ устахъ, хотя мнѣ и извѣстно, что память потеряла бы счетъ, составляя полный каталогъ его свойствъ. Да онъ и всегда былъ бы не помонъ, въ сравненіи съ быстрымъ полетомъ его къ совершенству. Но, клянусь исти-

ной панегирика, я почитаю его гением первой величины, и внутренние дары духа его такъ прекрасными, такъ редкими, что только зеркало можетъ изобразить равнаго ему.

Озрикъ.

Ваше высочество говорите о немъ совершенно справедливо.

Гамлетъ.

Да зачѣмъ? Къ чему облачаемъ мы имя его нашимъ не столь совершеннымъ дыханіемъ?

Озрикъ.

Принцъ?

Горацио.

Неужели нельзя выражаться другимъ языкомъ?

Гамлетъ.

Зачѣмъ мы объ немъ говоримъ?

Озрикъ.

Объ Лаертъ?

Горацио.

Кошелекъ его уже опустѣлъ; всѣ золотыя слова растрочены.

Гамлетъ.

Да, объ немъ.

Озрикъ.

Я знаю, вы не несведущи —

Гамлетъ.

Желательно, чтобы вы это знали, хоть оно мнѣ не много принесетъ чести. — Продолжайте.

Озрикъ.

Вамъ не неизвѣстно, какимъ совершенствомъ обладаетъ Лаертъ. —

Гамлетъ.

Этимъ знаніемъ я не могу похвалиться, чтобъ не равнять себя съ нимъ; знать совершенно другаго, значить знать самаго себя.

Озрикъ.

Я хотѣлъ сказать, принцъ, что касается до фехтованья; если вѣрить, что объ немъ говорятъ, ему нѣтъ равнаго.

Гамлетъ.

Какое его оружіе?

Озрикъ.

Шпага и кинжалъ.

Гамлетъ.

Стало быть два оружія; дальше.

Озрикъ.

Король прозакладовалъ ему шесть арабскихъ жеребцовъ; Лаертъ съ своей стороны, какъ я слышалъ, шесть французскихъ шпагъ со всеми принадлежностями, какъ то: портепями, и прочимъ. Три принадлежности точно чрезвычайно красивы, соответствуютъ рукояткамъ, необыкновенныя принадлежности, сдѣланы съ большимъ вкусомъ.

Гамлетъ.

Что вы называете принадлежностями?

Горацио.

Я знаю, что вамъ придется поучаться его комментаріями, пока онъ кончитъ.

Озрикъ.

Принадлежности, принцъ, — портепей.

Гамлетъ.

Это выраженіе было бы больше кстати, если бы мы могли посить при себѣ пушку, а покаместъ пусть останутся портепейми. Однако дальше; шесть арабскихъ жеребцовъ противъ шести французскихъ шнагъ съ ихъ приборомъ и тремя принадлежностями съ большимъ вкусомъ; это французскій закладъ противъ датскаго. По какому же случаю они все это прозакладовали?

Озрикъ.

Король держалъ пари, ваше высочество, что изъ 12 ударовъ Лаертъ выиграетъ передъ вами только три; онъ же ручается за девять. Опытъ сдѣлають сей часъ же, если вашему высочеству угодно дать отвѣтъ.

Гамлетъ.

А если я отвѣчу: нѣтъ?

Озрикъ.

Я хотѣлъ сказать, принцъ, если вы согласитесь.

Гамлетъ.

Я буду прохаживаться здѣсь въ залѣ; если его величеству угодно, теперь я наслаждаюсь здѣсь свѣжимъ воздухомъ. Прикажите принести рапиры; если Лаерту есть охота и король остается при своемъ намѣреніи, я постараюсь выиграть ему закладъ, когда съумью; не удастся, такъ на мою долю достанутся стыдъ и лишніе удары.

Озрикъ.

Прикажете такъ и доложить?

Гамлетъ.

Да, съ украшеніями въ нашемъ вкусъ.

Озрикъ.

Поручаю себя вашей милости, принцъ.

(Уходитъ.)

Гамлетъ.

Къ вашимъ услугамъ. — Онъ хорошо дѣлаетъ что поручаетъ самъ себя моей милости; ничей языкъ не поставился бы объ этомъ.

Горацио.

Птичка вылетѣла изъ гнѣзда съ скорлупой на головѣ.

Гамлетъ.

Онъ и за грудь матери не принимался, я думаю, безъ комплиментовъ. Онъ, какъ и многіе того же разбора, въ которыхъ влюбленъ пустой вѣкъ, поймали только наружность разговора, — родъ шипучаго газа, вылетающаго посреди главѣйшихъ сужденій; а коснись ихъ для опыта, — и пузыри исчезли.

(Входитъ придворный.)

Придворный.

Его величество, принцъ, посылалъ къ вамъ молодаго Озрика, и онъ доложилъ что вы дождетесь его въ залѣ. Его величество прислалъ меня узнать, не прошла ли у васъ охота сразиться съ Лаертомъ, и не желаете ли вы отсрочки?

Гамлетъ.

Я вѣренъ своимъ намѣреніямъ; они соображаются съ желаніями короля. Если ему досугъ, я готовъ, теперь, или когда угодно, предполагая, что буду также какъ и теперь въ состояніи держать рапиру.

Придворный.

Король, королева, и всѣ идутъ сюда.

Гамлетъ.

Въ добрый часъ.

Придворный.

Королева желаетъ, чтобы вы ласково обратились къ Лаерту, прежде чѣмъ начнете поединокъ.

Гамлетъ.

Ея советъ хорошъ.

(Придворный уходитъ.)

Горацио.

Вы проиграете закладъ, принцъ.

Гамлетъ.

Не думаю; съ тѣхъ поръ какъ онъ увхалъ во Францію, я безпрестанно упражнялся; въ неравномъ закладъ я выиграю. Однако, ты не можешь себя представить какъ мнѣ тяжело на сердцѣ. Да это вздоръ.

Горацио.

Нѣтъ, принцъ, —

Гамлетъ.

Это глупость; а между тѣмъ родъ грустнаго предчувствія; женщину оно могло бы испугать.

Горацио.

Если душѣ вашей что нибудь не правится, повинуйтесь ей; я предупрежу ихъ приходъ, скажу, что вы не расположены.

Гамлетъ.

Нисколько. Я смѣюсь надъ предчувствіями: и воробей не гибнетъ безъ воли providentia. Не послѣ, такъ теперь; теперь, такъ не послѣ; и если не теперь, такъ когда нибудь да придется же. Быть готовымъ, — вотъ все. Никто не знаетъ, что теряетъ онъ; такъ что за важность потерять рано? Будь что будетъ.

(Входитъ Король, Королева, Лаертъ, придворные; Озрикъ съ рапирами).

Король.

Ну, полно, Гамлетъ! Вотъ рука Лаерта, —

Прими её отъ насъ.

(Онъ соединяетъ ихъ руки.)

Гамлетъ.

Прости, Лаертъ!

Я виноватъ, но я прошу прощенья,

И ты, какъ благородный человекъ,

Меня простишь. Всему двору извѣстно,

И до тебя дошли конечно слухи,

Что тяжкою страдаю я болѣзною.

Поступокъ мой, такъ грубо оскорбившій

Твою природу, сердце, чувство чести,

Онъ былъ, — я объявляю здѣсь, — безумство.

Лаерта Гамлетъ оскорбилъ? О, нѣтъ!

Когда Гамлетъ, раздвоенный въ душѣ,
И самъ не свой, Лаерта оскорбляетъ,
Не Гамлетъ то! Не онъ нанесъ обиду,
Его безуміе. И если такъ,
То онъ и самъ обиженъ глубоко:
Безумство врагъ несчастному Гамлету.
Вотъ цѣлый дворъ; предъ нимъ я отрицаю
Злой умыселъ, и въ сердцѣ благородномъ
Оправданъ я. Я черезъ кровлю дома
Пустилъ стрѣлу, — она попала въ брата.

Лаертъ.

Довольно, принцъ! Усмирена природа,
Хотябъ она должна взывать ко мщенью
Сильнѣй всего. Но по законамъ чести
Отъ мира я далекъ, пока другіе,
Которыхъ честь не подлежитъ сомнѣнью,
Не скажутъ мнѣ: мирись. Тогда ихъ словомъ
Честь имени ограждена. Теперь же
Любовь я принимаю какъ любовь
И оскорбить ея я не намѣренъ.

Гамлетъ.

Ни я. Мы братски разрешимъ закладъ.
Подать рапиры!

Лаертъ.

Дай и мнѣ одну.

Гамлетъ.

И лавровый вѣнокъ тебѣ, Лаертъ.

Какъ яркая звезда во тьмѣ ночной,
Въ моемъ незнаніи блеснетъ твое искусство.

Лаертъ.

Насмѣшка, принцъ.

Гамлетъ.

Ничуть, клянусь въ томъ честью!

Король.

Подай рапиры имъ, мой милый Озрикъ.
Закладъ тебѣ извѣстенъ, Гамлетъ?

Гамлетъ.

Да.

Вы избрали слабѣйшаго бойца.

Король.

Я не боюсь; я видѣлъ васъ обоихъ;
Онъ сталъ искуснѣе, и далъ впередъ.

Лаертъ.

Нѣтъ, эта тяжела; подай другую.

Гамлетъ.

Дай эту мнѣ; что, ^{всѣ} одной длины?

Озрикъ.

Всѣ, принцъ.

Король.

Поставьте мнѣ вино на этотъ столъ;
И если Гамлетъ первый дастъ ударъ,
Второй, или сквитается за третьимъ,
Со всѣхъ бойницъ пусть выстрѣляютъ изъ пушекъ:
Король за здравіе Гамлета пьетъ,

И въ кубокъ перлъ бросаетъ многоцвѣтный;
Онъ стоитъ больше, чѣмъ въ коронѣ датской
Сіявшій на главахъ трехъ королей.
Подать мнѣ кубки; пусть труба литаврамъ,
Литавры пушкамъ, пушки небесамъ,
И небеса землѣ воскликнуть хоромъ:
Король за Гамлета здоровье пьетъ!
Начните; судьи, примѣчать прилежно.

Гамлетъ.
Начнемъ.

Лерть.
Начнемте, принцъ.
(Сражаются)

Гамлетъ.
Разъ.

Лерть.
Нѣтъ.

Гамлетъ.
Пусть судятъ.

Озрикъ.
Ударъ, и очень явственный.

Лерть.
Пусть такъ.
Начнемъ сначала.

Король.
Стой! Вина! Гамлетъ,
Вотъ этотъ перлъ твой; твоѣ здоровье!
Подайте кубокъ принцу.

(Звукъ трубъ и пушечныхъ
выстрѣловъ за сценой).

Гамлетъ.

Нѣтъ, потомъ;
Поставь бокалъ; сперва еще сразимся.
Начнемъ!

(Сражаются).

Опять ударъ, что скажешь?

Лерть.
Да,
Коснулся, сознаюсь.

Король.
Нашъ сынъ одержитъ верхъ.

Королева.
Онъ плотенъ и усталъ. Возьми платокъ мой,
Огри лицо, мой Гамлетъ. Королева
Пьетъ за здоровье твое.

Гамлетъ.
Матушка . . .

Король.
Не пей, Гертруда.

Королева.
Я хочу; позволю мнѣ.

Король тихо.
Тотъ кубокъ отравленъ; — теперь ужъ поздно.

Гамлетъ.
Теперь мнѣ пить еще нельзя; потомъ.

Королева.
Поди, я осушу твоѣ лицо.

Лаертъ Королю.

Теперь я нанесу ударъ.

Король.

Наврядъ ли.

Лаертъ тихо.

Едвадь меня не упрекаетъ совѣсть!

Гамлетъ.

Ну, въ третій разъ, Лаертъ! Ты шутишь.

Прошу же выпадай со всею силой;

Мнѣ кажется, ты надо мной смѣешься.

Лаертъ.

Ты думаешь? Увидимъ.

(Сражаются).

Озрикъ.

Нѣтъ удара.

Лаертъ.

Теперь смотри.

(Лаертъ ранитъ Гамлета; потомъ въ жару битвы они мылятся рапирами и Гамлетъ ранитъ Лаерта).

Король.

Они разгорячились,

Развестъ ихъ.

Гамлетъ.

Нѣтъ, еще.

(Королева падаетъ).

Озрикъ.

Что съ королевой?

Горацио.

Они въ крови. — Принцъ Гамлетъ, каково вамъ?

Озрикъ.

Вамъ каково, Лаертъ?

Лаертъ.

Я въ собственную сѣть попался, Озрикъ.

Я собственной измѣною убить,

И по дѣломъ.

Гамлетъ.

Что сталося съ королевой?

Король.

Ей дурно, отъ того что видитъ кровь.

Королева.

Нѣтъ, нѣтъ; питье, питье, — о милый Гамлетъ!

Питье, питье, — оно отравлено!

(Умираетъ).

Гамлетъ.

Злодѣйство! — Двери на запоръ! Измѣна,

Гдѣ скрылась ты?

Лаертъ падаетъ.

Здѣсь, Гамлетъ. Гамлетъ, ты убить!

Тебя спасти нѣтъ средства во вселенной;

Въ тебѣ нѣтъ жизни и на полчаса;

Клинокъ измѣнника въ твоей рукѣ, —

Онъ отравленъ и остръ. Мое злодѣйство

Сразило самого меня! Смотри:

Я палъ, лежу, — и мнѣ уже не встать!

И мать отравлена, — не въ силахъ больше

Король, король всему виной.

Г а м л е т ь .

И шпага

Отравлена? — Такъ соверши свое, отравы!

(Закалываетъ Короля).

О з р и к ъ и п р и д в о р н ы е .

Измѣна! Измѣна!

К о р о л ь .

Друзья! Спасите! Я лишь только раненъ.

Г а м л е т ь .

Доней же ядъ, кровосмѣситель подлый!

А жемчугъ здѣсь? — Ступай за королевою.

(Король умираетъ).

Л а е р т ь .

Онъ по заслугамъ угощенъ; отраву

Онъ приготовилъ самъ, своей рукою. —

Простимъ другъ друга, благородный Гамлетъ!

Мой и моего отца кончина

Да не падеть на голову твою,

Твоя же на мою.

(умираетъ.)

Г а м л е т ь .

Прости тебя Господь!

Я за тобой. — Гораціо, я умираю.

Царица бѣдная, прощай. — Вы блѣдны,

Дрожа глядите вы на катастрофу,

Нѣмые зрители явленій смерти!

О, еслибъ время я имѣлъ, (но смерть,
Сержантъ проворный, вдругъ беретъ подъ стражу)

Я рассказалъ бы вамъ . . . пусть будетъ такъ. —

Гораціо, ты остаешься живъ,

Ты обо мнѣ и о моихъ поступкахъ

Разскажешь тѣмъ, кто знать ихъ пожелаетъ.

Г о р а ц и о .

Ты ошибаешься; я не Датчанинъ,

А древній Римлянинъ; — стаканъ не допить.

Г а м л е т ь .

Когда ты мужъ, подай его сюда!

Оставь! Я заклинаю небомъ, дай! —

О Боже! — Другъ, какъ черень будетъ Гамлетъ,

Когда все такъ останется безвѣстнымъ!

И если ты меня любишь, — стой,

Не отворяй себѣ врата блаженства,

И пострадай еще въ ничтожномъ мірѣ,

Чтобъ повесть разсказать мою.

(Вдали слышенъ маршъ, выстрѣлы за сценой).

Что за военный шумъ?

О з р и к ъ .

То юный Фортинбрасъ

Изъ Польши возвращается съ побѣдой

И англійскихъ привѣтствуетъ пословъ.

Г а м л е т ь .

Гораціо, я умираю. Ядъ

Стѣснилъ мой духъ; я не услышу вѣсти

Изъ Англіи; но предрекаю: выборъ
Падеть на молодого Фортиибраса, —
Ему даю я голосъ мой предсмертный.
Такъ доложи ему и расскажи стеченье
Всѣхъ странныхъ случаевъ конецъ молчанье.
(Умираетъ).

Г О Р А Ц І О.

Вотъ благородное угасло сердце!
Покойной ночи, милый принцъ! Спи мирно
Подъ свѣтлыхъ ангеловъ небесный хоръ! —
Громъ барабановъ ближе?
(Маршъ за сценой. Входятъ Фортиибрасъ, англійскіе послы и другіе).

Ф О Р Т И И Б Р А С Ъ.

Гдѣ это зрѣлище?
Г О Р А Ц І О.
Чего ты ищешь?
Несчастья и чудесь? Такъ не ищи ихъ дальше.

Ф О Р Т И И Б Р А С Ъ.

Кровавый видъ! — Какому торжеству
Ты въ вѣчныхъ принесла твоихъ чертогахъ,
Смерть гордая, такъ много царскихъ жертвъ?

1-й Посланиникъ.

Ужасенъ этотъ видъ! Мы опоздали
По дѣлу Англіи. То ухо мертво,
Которому должны бы мы донести,
Что Розенкранцъ и Гильденитеръ скончались

Согласно королевскому приказу.
Кто скажетъ намъ: благодарю!

Г О Р А Ц І О.

Не онъ,
Хотябъ уста его и были живы.
Онъ не давалъ на казнь ихъ повелѣнья.
Но такъ какъ быстро за кровавымъ дѣломъ
Явились вы изъ Англіи и Польши,
Велите же, чтобъ мертвыхъ положили
На катафалкъ въ виду всего народа;
А мнѣ незнающимъ позвольте рассказать.
Какъ все произошло; то будетъ повѣсть
Кровавыхъ, неестественныхъ убійствъ,
Суда случайнаго, нечаянныхъ кончинъ,
И козней, павшихъ на главу злодѣевъ.
Всю истину могу я вамъ открыть.

Ф О Р Т И И Б Р А С Ъ.

Мы поспѣшимъ послушать твой рассказъ,
Созвавши на совѣтъ вельможей царства.
Я съ горестью мое встречаю счастье;
На датскій тронъ имѣю я права,
И ихъ я объявляю всенродно.

Г О Р А Ц І О.

Я долженъ и объ этомъ говорить;
Вамъ тотъ далъ голосъ свой, за кѣмъ все царство
Признаетъ васъ царемъ. Но къ дѣлу, къ дѣлу!
Умы людей раздражены, нетрудно злобъ
Настроить бѣдѣ средѣ общаго смятенія.

ФОРТИНЬРАСЬ.

Пусть Гамлета, как воина, внесутъ
На катафалкъ четьре капитана.
Онъ все величїе цря явилъ бы,
Когдабъ остался живъ. Будь онъ почтенъ
Военной почестью при погребеньи. —
Принять тѣла. —
На полъ битвы, а не здѣсь ихъ мѣсто.
Велите выстрѣлить изъ пушекъ.

*(Похоронный маршъ; всѣ уходятъ и
уносятъ съ собою тѣла. Вскорѣ по-
томъ слышны пушечные выстрѣлы).*

